
**ВЕСТНИК
АЛТАЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

ISSN 1818-4057

**№ 10 2020
Часть 2**

Научный журнал

«Вестник Алтайской академии экономики и права»

ISSN 1818-4057

Журнал издается с 1997 года.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК).

Официальный сайт журнала – www.vaael.ru.

Доступ к электронной версии журнала бесплатен. e-ISSN 2226-3977.

Издание официально зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 45458.

Учредитель – Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Алтайская академия экономики и права». 656038, Алтайский край, город Барнаул, Комсомольский проспект, 86

Шифры научных специальностей

08.00.00 Экономические науки

12.00.00 Юридические науки

Все публикации рецензируются.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования РИНЦ и научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Номерам и статьям журнала присваивается Цифровой идентификатор объекта DOI.

Выпуск подписан в печать 08 октября 2020 года.

Распространение по свободной цене.

Усл. печ. л. 15.

Тираж 500 экз.

Формат 60×90 1/8

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМАТИКА В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ РАСХОДОВ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА <i>Бусалова С.Г., Филева А.Н.</i>	116
ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ: РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ <i>Гренадерова М.В., Петрова В.М.</i>	120
ШАНСЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА <i>Егоришин А.П., Гуськова И.В.</i>	127
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ <i>Комаров П.И., Шеломенцева М.В., Киященко Л.Т., Попова В.В.</i>	134
СРАВНЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА И ЕГО ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ <i>Мазнища Е.М., Любимова С.И.</i>	143
УСТОЙЧИВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА ТЕРРИТОРИИ <i>Мыслякова Ю.Г.</i>	150
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Родионов Д.Г., Зайцев А.А., Дмитриев Н.Д.</i>	156
ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ВНУТРИКЛАСТЕРНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ КООПЕРАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ <i>Селентьева Т.Н., Зайцев А.А., Карпенко П.А.</i>	167
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН ДОСТУПНЫМ ЖИЛЬЕМ <i>Селиверстов Ю.И., Шевченко М.А.</i>	179
МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ДЕПРЕССИВНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ <i>Тагирова Э.И.</i>	187
ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ СТРАН: ЗАИМСТВОВАНИЕ ОПЫТА В УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ <i>Тадтаев Д.М.</i>	193
ЭКОНОМИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ <i>Хайруллина Л.И., Тучкова О.А., Гасилов В.С.</i>	200
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ В РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ <i>Шкиперова Г.Т., Молчанова Е.В.</i>	206
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ГАРМОНИЧНОГО АГРАРНОГО (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО) ПРОИЗВОДСТВА <i>Яшкин А.В.</i>	214

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ КАК ПРИЧИНА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА <i>Кириленко В.С., Кузнецова И.Р.</i>	219
ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЮРИДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ <i>Никишин Д.Л., Орешкова Д.О.</i>	223
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИСКОВ НА СТАДИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ <i>Спектор Л.А., Жмурко Р.Д.</i>	233

С. Г. Бусалова

ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский Государственный университет им. Н. П. Огарёва», Саранск, e-mail: sbusalova@yandex.ru

А. Н. Филева

ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский Государственный университет им. Н. П. Огарёва», Саранск, e-mail: filevann@gmail.com

ПРОБЛЕМАТИКА В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ РАСХОДОВ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Ключевые слова: планирование, региональный бюджет, расходы бюджета, эффективность, финансирование расходов, эффективность.

Существующее организационное, методическое и правовое обеспечение планирования и финансирования затрат не повышает качество управления расходами регионального бюджета, что снижает эффективность государственного финансового регулирования территориальных социально-экономических пропорций и стабильность региональных бюджетов. Поэтому на практике низкое качество бюджетного управления субъектами Российской Федерации проявляется в дисбалансе региональных бюджетов, неэффективной долговой политике субъектов Российской Федерации, низком качестве бюджетного планирования, формального подхода к исполнению своих обязанностей сотрудниками. Данное суждение обуславливает актуальность выбранной темы исследования. В конечном итоге низкое качество бюджетного управления усугубляет существующие проблемы регионального развития и, в некоторых случаях, способствует возникновению новых проблем, которые часто требуют увеличения бюджетных расходов, что, учитывая ограниченную доходную базу домохозяйств, увеличивает дефицит бюджета и, следовательно, государственный долг субъектов Российской Федерации.

S. G. Busalova

Ogarev Mordovia State University, Saransk, e-mail: sbusalova@yandex.ru

A. N. Fileva

Ogarev Mordovia State University, Saransk, e-mail: filevann@gmail.com

ISSUES IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF INTERVENTIONS TO IMPROVE THE PLANNING AND FINANCING OF EXPENSES OF THE REGIONAL BUDGET

Keywords: planning, regional budget, budget expenditures, efficiency, cost financing, efficiency.

The existing organizational, methodological and legal support for planning and financing costs does not improve the quality of regional budget expenditure management, which reduces the effectiveness of state financial regulation of territorial socio-economic proportions and the stability of regional budgets. Therefore, in practice, the poor quality of budget management in the regions of the Russian Federation is manifested in the imbalance of regional budgets, inefficient debt policy of the regions of the Russian Federation, poor quality of budget planning, and a formal approach to the performance of their duties by employees. This judgment determines the relevance of the chosen research topic. In the end, the poor quality of budget management exacerbates existing problems of regional development and, in some cases, contributes to the emergence of new problems that often require increased budget expenditures, which, given the limited income base of households, increases the budget deficit and, consequently, the public debt of the Russian Federation's subjects.

Уровень и устойчивость развития субъектов Российской Федерации в значительной степени определяются качеством планирования и финансирования расходов регионального бюджета, что определяет обоснованность выбора

ориентиров для бюджетных расходов, адекватность их объемов для достижения стратегических и тактических целей социально-экономической политики страны и регионов, бюджетных расходов.

Целью исследования является разработка направлений повышения качества планирования и финансирования расходов бюджетов субъектов Российской Федерации в рамках обеспечения устойчивости бюджетной системы региона.

Предметом исследования являются теоретические, методические и организационно-правовые аспекты планирования и финансирования расходов региональных бюджетов в Российской Федерации.

Методологическая основа данного исследования опирается на общенаучные методы (сбор данных, их преобразование посредством анализа, синтеза, обобщения, группировки, классификации и графической обработки).

Среди мер по улучшению планирования и финансирования расходов регионального бюджета, прежде всего следует отметить, что эффективное и ответственное управление региональными финансами предполагает использование подхода, основанного на оценке риска, который позволяет выявить и впоследствии воздействие на проблемный объект. В то же время классификация рисков позволяет максимально точно идентифицировать риск, что, в свою очередь, позволяет разработать конкретные механизмы для минимизации негативных

последствий и быстрого реагирования на проблемы.

В таблице 1 представлена классификация рисков, связанных с планированием и финансированием бюджетных расходов Республики Мордовия, и предлагаются меры по их минимизации в зависимости от конкретного вида риска.

Активное использование риск-ориентированного подхода при планировании и финансировании бюджетных расходов Республики Мордовия позволит:

- прогнозировать развитие ситуации в будущем, вырабатывая различные варианты действий как в рамках управления бюджетными расходами в Республике Мордовия, так и в рамках регулирования социально-экономического развития региона в зависимости от его изменения;
- минимизировать влияние негативных последствий;
- повысить эффективность бюджетных расходов;
- администраторы бюджетного администрирования создают мотивационные механизмы для повышения качества своей работы;
- создать более справедливую систему оплаты труда должностных лиц финансовых органов власти Республики Мордовия;

Таблица 1

**Риски планирования и финансирования бюджетных расходов
Республики Мордовия**

Классификационный признак	Вид риска	Меры по минимизации риска в процессе управления расходами бюджета РМ
Составление проекта бюджета	- риск низкого качества планирования - риск нарушения сроков составления проекта бюджета	- разработка долгосрочных прогнозов развития РМ с учетом различных вариантов (в т.ч. стресс-ситуаций); - установление административной ответственности должностных лиц за нарушение сроков составления проекта бюджета; - введение поощрительных мер в отношении должностных лиц Минфина РМ с высоким качеством бюджетного планирования.
Рассмотрение и утверждение проекта бюджета	- риск нарушения сроков рассмотрения и утверждения проекта бюджета; - риск нарушения процедур рассмотрения и утверждения проекта бюджета; - риск утверждения бюджета с расходами, не подкрепленными соответствующей суммой доходов и источников финансирования его дефицита.	- усиление ответственности за нарушение порядка, сроков и процедур рассмотрения и утверждения проекта бюджета; - установление административной ответственности должностных лиц за представление и размещение недостоверной информации при рассмотрении и утверждении бюджета.

- обеспечение согласованности действий исполнительных (в том числе финансовых), законодательных и надзорных органов;

- установить активное взаимодействие между муниципальными районами Мордовии, что в конечном итоге может стать дополнительным стимулом для экономического роста в регионе;

- улучшение качества бюджетного планирования и бюджетирования.

В контексте совершенствования планирования и финансирования бюджетных расходов Республики Мордовия и ее организации, структура веб-сайта Министерства финансов РМ должна быть реструктурирована и определена с учетом требований эффективного и ответственного управления государственными финансами.

- состав и содержание информации, которая обязательно раскрывается в случае публичного доступа;

- сроки хранения информации (в годах);

- частота публикации;

- список рекомендуемых и допустимых ссылок на внешние ресурсы (например, на официальные сайты контрольно-ревизионных органов или законодательных органов).

Для решения существующей в Российской Федерации проблемы отсутствия системы стимулирования для Республики Мордовия и лиц, ответственных за финансовые власти региона, необходимо ввести:

а) дополнительные меры поддержки в форме межправительственных трансфертов и пожертвований;

б) бонусные схемы для должностных лиц финансовых органов власти субъекта Российской Федерации за достижение высоких позиций в регионах с точки зрения качества управления бюджетными расходами.

В рамках усиления ответственности должностных лиц финансовых органов власти Республики Мордовия за нарушение бюджетных положений в области управления бюджетными расходами представляется целесообразным установить ответственность:

- за невыполнение целевых показателей государственных программ Республики Мордовия (лица, разрабатывающие и утверждающие государственные

программы, должны нести как административные, так и дисциплинарные меры, если целевые показатели не выполнены);

- за преждевременное внесение нормативных актов в бюджет и бюджетную политику, а также в случае размещения неточного и / или юридически неграмотного (что явно противоречит поведению Российской Федерации по увеличению не только финансов [5], но и знания бюджета населения) установление ответственности административным должностным лицам лица финансовых органов Республики Мордовия в виде штрафа (в случае повторного нарушения в одном и том же финансовом году одним и тем же должностным лицом - привлечение к дисциплинарной ответственности).

В то же время за отсутствие нормативно-правовых актов на веб-сайте Министерства финансов Республики Мордовия руководитель финансового органа также должен нести ответственность, а за систематическое нарушение и высшее должностное лицо Республики Мордовия.

Для повышения эффективности государственных программ Республики Мордовия (особенно в социальной сфере) необходимо следующее:

а) обеспечение ответственного выбора целей национальной программы с учетом возможной возможности объективной оценки ее достижения, с тем чтобы сделать вывод об изменении качества финансового управления.

б) создать аналитические таблицы, которые устанавливают связь: цели и задачи государственных программ с общепризнанными направлениями, концепциями и стратегиями социально-экономического развития региона; Целевые показатели для государственных программ с указанными в них целями [2].

В целях стимулирования лучшего планирования и финансирования бюджетных расходов Республики Мордовия также возможно:

1) включение в методику оценки качества оценки управления бюджетными расходами Республики Мордовия в качестве критерия наличия бюджетного прогноза;

2) разработать долгосрочные стратегические планы, увеличить горизонт

прогнозирования (в настоящее время статья 170.1, минимальный срок прогнозирования бюджета составляет 12 лет) и периодичность (в настоящее время один раз в шесть лет).

Кроме того, требуются периодические обзоры лучших практик управления субъектами Российской Федерации с публикацией этой информации на сайте Министерства финансов Российской Федерации.

При оценке качества государственных и муниципальных услуг, оказываемых гражданами, мы предлагаем использовать современные информационные и коммуникационные технологии (в том числе через сеть Интернет, запуская соответствующие опросы на Едином портале бюджетной системы и размещая ссылки для их проведения на всех сайтах государства. властями Российской Федерации и органами, оказывающими государственные и муниципальные услуги) [1], а также нестандартными подходами, позволяющими оперативно выяснить мнения граждан о качестве предоставляемых услуг. В частности, эти оценки могут быть сделаны путем установки специальных урн для голосования или других контейнеров для голосования в организациях, предоставляющих соответствующие услуги (например, в клиниках и библиотеках). Конечно, возможность применения этого метода оценки ко всем организациям, предоставляющим государственные и муниципальные услуги, ограничена сроками предоставления соответствующих услуг и возможностью получения надежных результатов (например, в об-

разовательные организации, особенно на школьном и дошкольном уровнях) [4].

Наконец, представляется целесообразным решить имеющиеся проблемы работы со статистической информацией. Так, в частности, предлагаем прийти к единой последовательности субъектов Российской Федерации при стратегическом планировании (так, например порядок перечисления субъектов Российской Федерации отличается даже в государственных программах Российской Федерации, принятых одновременно («Развитие здравоохранения» и «Содействие занятости населения»), формировании статистических данных по регионам (в настоящее время субъекты Российской Федерации перечислены не только в разной последовательности на сайте Федеральной службы государственной статистики и Министерства финансов Российской Федерации, но и на сайте Минфина России и подведомственных ему служб) и ускорить процесс подведения статистических итогов, т.к. ряд показателей становятся известными более чем через год после окончания отчетного периода, что затрудняет возможности для оперативного их использования в процессе управления расходами бюджетов субъектов Российской Федерации [3].

Реализация разработанного нами перечня предложений не только улучшит качество планирования и финансирования бюджетных расходов Республики Мордовия, но и обеспечит более полное и эффективное выполнение принципов бюджетной системы с учетом международных требований и в соответствии с существующими экономическими проблемами.

Библиографический список

1. Горохова Д.В. Основные направления развития управления бюджетными рисками субъектов Российской Федерации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 2. С. 82-87.
2. Рухманова Н.А. Методические аспекты оценки эффективности реализации целевых программ // Статистический анализ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации: материалы 5-ой Международной научно-практической конференции. 2018. С. 278-282.
3. Федорова О.В. Анализ методических подходов к планированию расходов регионального бюджета // Тенденции развития экономики и менеджмента сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 116-118.
4. Христофорова А.А. Оценка эффективности управления расходами бюджетов в современных условиях // Национальная экономическая система России в условиях новых глобальных вызовов. 2016. С. 119-121.
5. Яшина Н.И., Гришунина И.А. Совершенствование управления региональными финансами с учетом оценки риска функциональных расходов бюджетов территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 11. С. 34-46.

УДК 657

М. В. Гренадерова

ФГАОУ ВО «Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»,
Якутск, e-mail: ar_ma@inbox.ru

В. М. Петрова

ФГАОУ ВО «Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»,
Якутск, e-mail: valvas210994@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ: РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ

Ключевые слова: финансовый учет, сельское хозяйство, МСФО, РСБУ, бухгалтерский учет, стандарты бухгалтерского учета, инвесторы, доходы, расходы, международный учет.

В статье рассматриваются актуальные вопросы финансового учета в сельскохозяйственной отрасли, связанные с гармонизацией российского и международного учета. Сегодня Россия всеми возможными способами пытается повысить экономическую привлекательность страны за счет собственного производства, в том числе за счет экспорта. Сельское хозяйство с давних времен было одним из основных видов деятельности русского населения. Удачное географическое положение и территориальные характеристики определяют заинтересованность государства в развитии этого сектора. Однако в рыночной экономике эта отрасль функционирует только благодаря дополнительным мерам поддержки государства. Чтобы выйти из этой ситуации, стране, в первую очередь, необходимо перейти на международные стандарты бухгалтерского учета, чтобы привлечь новых иностранных инвесторов, спонсоров, покупателей и заказчиков. Чем более ближе и понятнее станут международные подходы к учету, тем более привлекательной станет отрасль сельского хозяйства для иностранных инвесторов. Для безболезненного перехода на российские стандарты бухгалтерского учета доходов и расходов важно, прежде всего, изучить его теоретические, нормативные и правовые аспекты, а также специфику отрасли. Не менее важно проанализировать основные проблемы, возникающие в процессе перехода. Таким образом, актуальность работы обусловлена важностью перехода российских стандартов бухгалтерского учета сельскохозяйственной отрасли на международные.

М. V. Grenaderova

Ammosov North-Eastern Federal University (NEFU), Yakutsk, e-mail: ar_ma@inbox.ru

V. M. Petrova

Ammosov North-Eastern Federal University (NEFU), Yakutsk, e-mail: valvas210994@mail.ru

ACCOUNTING PROBLEMS IN THE AGRICULTURAL INDUSTRY: RUSSIAN AND INTERNATIONAL APPROACHES

Keywords: financial accounting, agriculture, IFRS, RAS, accounting, accounting standards, investors, income, expenses, international accounting.

The article discusses topical issues of financial accounting in the agricultural sector related to the harmonization of Russian and international accounting. Today, Russia is trying in every possible way to increase the economic attractiveness of the country through its own production, including through exports. Agriculture has been one of the main activities of the Russian population since ancient times. The favorable geographical position and territorial characteristics determine the state's interest in the development of this sector. However, in a market economy, this industry functions only thanks to additional measures of state support. To get out of this situation, the country, first of all, needs to move to international accounting standards in order to attract new foreign investors, sponsors, buyers and customers. The closer and clearer the international approaches to accounting become, the more attractive the agricultural sector will become for foreign investors. For a painless transition to Russian accounting standards for income and expenses, it is important, first of all, to study its theoretical, regulatory and legal aspects, as well as the specifics of the industry. It is equally important to analyze the main problems that arise during the transition. Thus, the relevance of the work is due to the importance of the transition of Russian agricultural accounting standards to international ones.

Введение

Основными показателями в системе оценки эффективности, деловой активности, платежеспособности и уровня финансового благополучия предприятия являются доходы и расходы предприятия. Каждое предприятие стремится максимизировать свои доходы и оптимизировать расходы. Разницей между доходами, полученными в отчетном периоде, и понесенными расходами является финансовый результат. Степень заинтересованности внешнего пользователя зависит от уровня качества формирования доходов и расходов, прозрачности отражения фактов хозяйственной деятельности в бухгалтерской финансовой отчетности. Для безболезненного перехода на российские стандарты бухгалтерского учета доходов и расходов важно, прежде всего, изучить его теоретические, нормативные и правовые аспекты, а также специфику отрасли. Не менее важно проанализировать основные проблемы, возникающие в процессе перехода.

Цель исследования: совершенствование организации бухгалтерского учета сельскохозяйственной отрасли в Российской Федерации с использованием международной практики учета.

Материал и методы исследования

Для исследования использовались общедоступные сведения относительно экономики сельского хозяйства, официальные статистические данные. Исследование базировалось на изучение национальных и международных стандартов в области учета в сельском хозяйстве. Методологической основой исследования явились такие методы научного познания, как: общенаучные методы, методы сравнения, абстрагирования, индукции, дедукции, статистические методы исследования и другие.

Результаты исследования и их обсуждение

В методологической литературе можно найти множество интерпретаций и разборов на эту тему. Основное вложение в решении данной проблемы сделали ученые – экономисты О.А. Агеева, М.А. Вахрушина, В.Ф. Палий. Несмотря на то, что ученые в области финансового учета исследуют проблему

перехода российского учета на международные стандарты, до сих пор в практике учета нет примера применения данными рекомендациями. По всей видимости это связано, в первую очередь, с отсутствием единого мнения ученых о преобразовании нормативных документов и приближении их к международным стандартам на практике.

Если в международной практике по учету деятельности сельскохозяйственных предприятий существует отдельный стандарт Международный стандарт финансовой отчетности (МСФО) 41 «Сельское хозяйство», то в России применяется Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.11.2011 № 402-ФЗ, план счетов, утвержденный приказом Минфина России от 31 октября 2000 г. № 94н, комплекс Положений о бухгалтерском учете (ПБУ), а также рекомендации Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России от 2 февраля 1993 г. № 02-09 / 110 «Об отчетности и налогообложении крестьянских (фермерских) хозяйств», и другие нормативные документы.

Таким образом, на данный момент в России нет четких прописанных установок по поводу бухгалтерского учета сельскохозяйственной деятельности. Это причина, которая обуславливает применение международного стандарта МСФО 41 «Сельское хозяйство» в России. МСФО на практике применяется во многих экономически развитых странах, однако в России список обязанных применять МСФО ограничен. Это в основном кредитные, страховые, негосударственные пенсионные фонды, и т.п.

Сейчас Россия только на пути к преобразованию системы бухгалтерского учета. Такой разрыв в развитии связан прежде всего с нехваткой высококвалифицированных бухгалтеров с теоретическими и практическими знаниями применения МСФО в России. Ситуацию усложняет отсутствие экспертов и консультантов, готовых помочь при возникновении разногласий или неясностей, а привлечение иностранных специалистов затратно и финансово невыгодно. Это длительный процесс, требующий большого объема финансирования и труда, связанный с переподготовкой действующих бухгалтеров и обучением новых специалистов.

Министерство сельского хозяйства в 2007 году на базе МСФО 41 «Сельское хозяйство» разработало проект правил бухгалтерского учета «Учет биологических активов и сельскохозяйственных продуктов» для сельскохозяйственных предприятий и «Методы учета биологических активов и их биотрансформации для сельскохозяйственных организаций». Однако этот проект на сегодняшний день еще не реализован и не вступил в силу [9].

Многие авторы статей рекомендуют разработать новый российский стандарт или ПБУ «Сельское хозяйство» на базе МСФО, который включает в себя основные понятия и определения, порядок оценки активов, определения финансовых результатов сельскохозяйственных предприятий, а также раскрытия информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности. Другие – принять и использовать МСФО как он есть.

Разработка нового стандарта или ПБУ может еще больше запутать и отделить РСБУ от МСФО. В действующей системе нормативного учета в Российской Федерации отсутствует четкое определение понятий и установленный порядок учета объектов сельскохозяйственной отрасли, например, таких как «биологические активы» (МСФО 41). В международной практике эти объекты учета регламентировались в течение длительного времени. Отсутствие единой интерпретации переводов понятий и определений может привести к искажению информации бухгалтерской отчетности.

Формирование финансовой отчетности по второму варианту возможно по двум способам. Первый – это параллельный учет бухгалтерского учета. Он подразумевает отражение фактов хозяйственной деятельности предприятия в бухгалтерском учете параллельно по отечественным и международным стандартам. Для ведения параллельного учета предприятие должно организовать двойную автоматизацию работы и двойной трудовой ресурс. Процесс ведения учета должно идти непрерывно. Этот способ редко используется в международной практике, так как он требует больших финансовых вложений, пересмотра всей системы бухгалтерского учета предприятия.

Второй способ – трансформация отчетности. Это максимально упрощен-

ный способ, при котором предприятие готовую бухгалтерскую отчетность со всеми остатками переносит в таблицу МСФО, где делаются соответствующие корректировки по статьям баланса. Главный минус состоит в том, что заинтересованные пользователи финансовой отчетности не могут проанализировать данные в промежутке отчетного периода. Второй минус – это высокий уровень искажения информации, связанный с отсутствием параллельного учета, а тем самым контроля при отражении фактов хозяйственной деятельности при их фактическом возникновении.

Все эти вытекающие в процессе перехода проблемы системы бухгалтерского учета должны решиться путем объединения государственных и предпринимательских сил. Мы должны выделить, что в интересах государства – реагировать и способствовать развитию внедрения международной практики бухгалтерского учета путем законодательного регулирования и компенсации части расходов. Поддержка государства сегодня является объективной необходимостью для повышения конкурентоспособности на международном уровне.

По данным Росстата, производство продукции сельского хозяйства имеет положительную тенденцию развития. С каждым годом увеличивается объем производства. Показатели приведем в таблице 1 [23].

Из таблицы следует, что доли видов продукции за последние три года относительно равные, за исключением 2019 года. В 2019 году наблюдается скачок производства. Здесь мы видим, что большую долю в общей структуре производства сельского хозяйства занимает растениеводство.

В экономически развитых странах применение МСФО уже давно является обязательным. Их опыт еще раз доказывает, что использование МСФО в формировании финансовой отчетности способствует выходу на международный рынок, привлечению капитала, упрощению отчетности и ее максимальной полезности, прозрачности, информативности не только для потенциальных кредиторов, инвесторов, спонсоров, но и для принятия оптимальных управленческих решений по оптимизации расходов и максимизации прибыли.

Таблица 1

Продукция сельского хозяйства по Российской Федерации,
в миллиардах рублей

Виды продукции	2017 г.	2018 г.	2019 г. *предва- рительные данные	Абс. откл. 2018/ 2017 гг.	Абс. откл. 2019/ 2018 гг.	Темп ро- ста 2018/ 2017 гг., %	Темп ро- ста 2019/ 2018 гг., %
- растениеводства	2599,7	2756,1	3160	156,4	403,9	106,02	114,65
- животноводства	2509,8	2592,7	2747,9	82,9	155,2	103,30	105,99
ИТОГО	5109,5	5348,8	5907,9	239,3	559,1	104,68	110,45

Сельскохозяйственная отрасль в Рос-
сии должна идти в ногу с другими круп-
ными компаниями страны. Ведь она
занимает ведущие места в мире по про-
изводству и экспорту сельскохозяйствен-
ных продуктов. Сейчас в условиях на-
ступающего мирового кризиса прогно-
зируется увеличение спроса на данный
вид производства. При таком раскладе
нужно руководствоваться не только си-
стемой нормативного регулирования, но
и учитывать особенности учета сельско-
хозяйственной отрасли.

Особенностями бухгалтерского учета
сельскохозяйственной отрасли являются:

1. Широкий спектр организационно-
правовых форм хозяйствующих субъектов:

- акционерные общества;
- общества с ограниченной ответ-
ственностью;
- государственные и муниципальные
предприятия;
- кооперативы;
- товарищества;
- крестьянские фермерские хозяйства
и их ассоциации.

Выбор организационно-правовой
формы имеет важное значение для
успешной экономической деятельности
и является основой для бухгалтерского
учета. При его выборе следует учиты-
вать цели, возможности и функции хо-
зяйствующего субъекта. Все это влияет
на общий объем работы бухгалтерского
учета, на взаимоотношения с государ-
ственными органами, в следствие этого
на конечный финансовый результат.

2. Сезонность хозяйственной дея-
тельности экономического субъекта.

Объемы работ и затрат постоянно
меняются в зависимости от природных
условий, что оказывает воздействие на
бухгалтерский учет.

3. Необходимость большого объема
оборудования и техники в хозяйствен-
ной деятельности предприятия.

Поступление, обновление, износ,
амортизация, выбытие техники пред-
ставляет собой огромный перечень бух-
галтерских операций, которые влияют
на формирование доходов и расходов
предприятия.

4. Сложность в оценке фактической
стоимости биологических активов.

Биологические активы – это расте-
ния и животные, поддающиеся транс-
формации. Фактическая стоимость
биологических активов на момент
продажи существенно отличается от
его первоначальной оценки, что про-
воцирует несоответствие принципу
максимальной прозрачности, инфор-
мативности и достоверности финансо-
вого отчета.

5. Участие земельных участков в хо-
зяйственной деятельности экономиче-
ского субъекта.

Сложность проявляется в невоз-
можности отделить производственные
циклы от уровня состояния и площади
земельных ресурсов.

6. Учет сразу нескольких видов хо-
зяйственной деятельности экономиче-
ского субъекта.

Каждый вид хозяйственной деятель-
ности имеет свои специфические про-
водки и требует отдельного бухгалтер-
ского учета.

7. Большая доля материально-производственных запасов в хозяйственной деятельности экономического субъекта.

Основную долю затрат при формировании себестоимости продукции занимают материальные затраты. Его учет является трудоемким процессом, требующий налаженную систему автоматизации бухгалтерского учета.

Все эти особенности бухгалтерского учета в сельскохозяйственной отрасли в совокупности обуславливают необходимость нормативного регулирования законодательством России. Порядок учета основных вышеперечисленных особенностей сельскохозяйственного производства более - менее выражен в МСФО 41 «Сельское хозяйство», принятый в 2003 году.

Целью данного стандарта является установление порядка ведения учета и формирования финансовой отчетности и раскрытия информации в ней. МСФО 41 применяют сельскохозяйственные предприятия для бухгалтерского учета продукции сельского хозяйства в момент их сбора, биологических активов, а также для учета государственных субсидий, связанных с биологическим активом.

Данным стандартом не руководствуются при учете земли, назначенной для сельского хозяйства, нематериальных активов, плодовых культур, связанных с сельским хозяйством и государственных субсидий, связанных с плодовыми культурами.

В МСФО приведены основные определения и понятия, которые применяются в сельскохозяйственном учете. Для синтетического и аналитического учета и для надежной оценки, каждый биологический актив и сельскохозяйственная продукция должны квалифицироваться и содержать свою группировку по схожим характеристикам. Это позволит упростить учет и скомпоновать информацию о финансовом состоянии предприятия в единое целое для ее полного и достоверного отражения в отчетности. 41 стандарт предлагает всего два варианта классификации: по зрелости и по возможности многократного получения продукции.

Что касается отечественной практики, то тут активы предприятия подразделяются на внеоборотные и оборотные активы. В российском учете виды

сельскохозяйственных продуктов и биологических активов перечисляются в Плане счетов, а именно на счетах 01 «Основное средство», 10 «Материалы» и 11 «Животные на выращивании и откорме». Однако данный перечень не предназначен для группировки. Известные ученые – экономисты Потапчик и Хоружий на примере международной практики рекомендуют вести аналитический учет по каждому виду продукции и биологических активов путем открытия к счетам несколько субсчетов. В МСФО 41 «Сельское хозяйство» говорится, что информацию по каждой классификационной группе биологических активов в числовой или описательной форме нужно раскрывать в финансовой отчетности. Такое представление информации может быть полезен при анализе сроков возникновения будущих доходов. Также предприятие должно объяснить на каких характеристиках основывалось при данной группировке. Оцениваются группы биологических активов по справедливой стоимости. Предприятие самостоятельно устанавливает цены на основании схожих по характеристике стоимости групп активов, которые используются на текущем рынке.

Согласно МСФО 41 «Сельское хозяйство», при первоначальной оценке и на конец отчетного периода биологический актив и сельскохозяйственная продукция признаются по справедливой стоимости за исключением расходов на продажу, и за исключением случаев, когда справедливую стоимость нельзя оценить точно.

В соответствии с МСФО 41, справедливую стоимость нельзя оценить, когда на рынке отсутствуют альтернативные активы с оцениваемой стоимостью, а другие оценки справедливой стоимости являются ненадежными. Тогда биологический актив следует оценивать по его первоначальной стоимости за вычетом начисленной амортизации и начисленных убытков от обесценения. Справедливая стоимость биологического актива за вычетом затрат на его продажу со временем может меняться как в связи с изменениями его физических свойств, так и в связи с изменениями цен на рынке. Это позволит отражать реальную текущую картину в финансовой отчетности [2].

В международном бухгалтерском учете применяется МСФО 13 «Оценка справедливой стоимости». В России данный стандарт применяется с 2015 года. Как отмечают многие экономисты, оценка по справедливой стоимости наиболее достоверно и в полной мере отражает информацию для внешних пользователей.

В ПБУ 5/01 «Учет материально-производственных запасов», который в 2021 году теряет силу и переиздается в виде стандарта, активы оцениваются по фактической стоимости, а в ПБУ 6/01 «Учет основных средств» по первоначальной стоимости. Данными положениями в России пользуются при бухгалтерском учете объектов сельского хозяйства.

Мы видим, что разница состоит в том, что при составлении бухгалтерской финансовой отчетности МСФО учитывает физические свойства животных и растений, а в российской практике такой возможности нет.

Этот факт затрудняет процесс перехода на международные стандарты финансовой отчетности, а именно применение МСФО 41 «Сельское хозяйство» на практике. Стоит обратить внимание, что многие, применяющие 41 стандарт страны, поддерживают оценку по спра-

ведливой стоимости. Однако до сих пор обсуждаются теоретические основы использования справедливой стоимости на практике, что связано со сложностью его функционирования в современных рыночных условиях.

Выводы

В процессе перехода российского бухгалтерского учета сельскохозяйственной отрасли на международный встречаются немало проблем, с которыми сталкиваются не только субъекты хозяйственной деятельности, но и государство. Таким образом, мы для совершенствования организации бухгалтерского учета сельскохозяйственной отрасли в Российской Федерации на примере международного учета рекомендуем следующие мероприятия:

- разработка регламентирующих порядок учета нормативных документов, учитывающих отраслевую особенность;
- упорядочение системы внутреннего контроля;
- регулирование отношений между сельхозпроизводителями и государством;
- анализ методологической литературы по проблемам перехода на международные стандарты.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О бухгалтерском учете» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.08.2020).
2. «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 41 «Сельское хозяйство» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н) (ред. от 11.07.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minfin.ru/> (дата обращения 10.07.2020).
3. Положение по бухгалтерскому учету № 9 от 6.05.1999. N 33н «Доходы организации» (с изм. и доп. от 27.04.2012) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minfin.ru/> (дата обращения 10.07.2020).
4. Положение по бухгалтерскому учету № 10 от 6.06.1999. N 43н «Расходы организации» (с изм. и доп. от 27.04.2012) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.08.2020).
5. Положение по бухгалтерскому учету № 4 от 6.07.1999 г. № 106н «Бухгалтерская отчетность организации» (с изм. и доп. от 08.11.2010) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.08.2020).
6. Положение по бухгалтерскому учету №1 от 19.10.2008 г. № 106н «Учетная политика организации» (с изм. и доп. от 24.12.2010) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.08.2020).
7. Приказ Минсельхоза РФ от 13.06.2001 № 654 Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности предприятий и организаций агропромышленного комплекса и Методических рекомендаций по его применению. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.08.2020).

8. Приказ Минсельхоза РФ от 29.01.2002 № 68 Об утверждении Методических рекомендаций по корреспонденции счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.08.2020).
9. Долгов В.С. Экономика сельского хозяйства. Санкт-Петербург: Лань, 2019. 124 с.
10. Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве: учебное пособие / сост. С.Г. Голубева. Вологда: ВГМХА им. Н.В. Верещагина, 2017. 90 с.
11. Остаев Г.Я., Хосиев Б.Н. Развитие управленческого учета, системы бюджетирования и контроля затрат в сельском хозяйстве: монография. Владикавказ: Горский ГАУ, 2018. 216 с.
12. Хоружий Л.И. Проблемы теории, методологии, методики и организации управленческого учета в сельском хозяйстве: учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 2004. 497 с.
13. Точирина В.В. Учет материально-производственных запасов в сельском хозяйстве // Молодежь и наука. 2015. № 2. С. 1-6.
14. Лукьяненко В.М., Гилева Н.Н. Предмет и объекты бухгалтерского учета в сельском хозяйстве // Вестник НГАУ. 2013. № 4. С. 143-148.
15. Базлова Т.Я., Макарова Я.А. Проблемы российских сельскохозяйственных предприятий, связанные с переводом бухгалтерской отчетности на международные стандарты // Вестник АПК Верхневолжья. 2009. № 4.
16. Германова В.С., Немировченко А.К. Пути повышения информативности бухгалтерской отчетности животноводческих хозяйств // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 37.
17. Альпина Паблишер, МСФО: точка зрения КПМГ. Практическое руководство по международным стандартам финансовой отчетности, подготовленное КПМГ. М., 2014. С. 783. 2832 с.
18. Рагузина Н.И. Перспективы применения МСФО 41 «Сельское хозяйство» в России // Сборник трудов конференции. М., 2015. С. 73-76.
19. Экономика сельского хозяйства: учебник / В.Т. Водяников, Е.Г. Лысенко, Е.В. Худякова, А.И. Лысюк; под ред. В.Т. Водяникова. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Лань, 2015. 544 с.
20. Смертина Е.Н., Андриясян Е.С. Сравнительные характеристики применения международных стандартов финансовой отчетности и российских стандартов бухгалтерского учета в современных условиях // Бюллетень науки и практики. 2017. № 5. С. 233-238.
21. Проект приказа Минфина России «Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Биологические активы». [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения 25.08.2020).
22. Проект положения по бухгалтерскому учету «Учет биологических активов и сельскохозяйственной продукции» ПБУ.../06 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mcx.ru/> (дата обращения 25.08.2020).
23. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 25.08.2020).

УДК 338.245

А. П. Егоршин

ЧОУ ДПО «Нижегородский институт экономики и менеджмента», Нижний Новгород,
e-mail: Alex.egor947@yandex.ru

И. В. Гуськова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, e-mail: guskova545@yandex.ru

ШАНСЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Ключевые слова: малый бизнес, кризис, пандемия, государственная поддержка, прогноз.

В статье рассматриваются мероприятия, направленные на содействие развитию малого бизнеса в условиях пандемии коронавируса. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что малый бизнес в настоящее время переживает крайне тяжелые времена, так как у большинства предпринимателей практически отсутствуют резервы для покрытия убытков, которые образовались во время «Простоя». К тому же ожидается резкое снижение доходов населения и платежеспособного спроса, что приведет к снижению выручки по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, так что убытки будут еще не один месяц. Авторами была поставлена цель разработать и предложить срочные меры поддержки малого бизнеса на основе формирования и совершенствования системы методов государственного регулирования деятельности малых и имеющегося зарубежного опыта, обосновать существенные экономические потери от сокращения данного сектора в 2020 г. На основе анализа динамики показателей развития малого бизнеса рассчитать потери для национальной экономики от сокращения малого предпринимательства. Задачи: исследовать имеющийся зарубежный опыт поддержки малого бизнеса и разработать срочные государственные меры, предотвращающие крах в данном секторе. Основанием для предложенных мероприятий является анализ состояния малого предпринимательства в РФ и эффективность уже существующих программ содействия развитию малого бизнеса в стране. На основании проведенного исследования авторами сделан прогноз перспектив развития малого предпринимательства России в 2020 году. При написании статьи использовались методы анализа статистических данных, экономико-математические методы, позволяющие осуществлять прогноз и перспективы развития малого и индивидуального предпринимательства России. Авторами был проведен анализ состояния, динамика развития и тенденции изменений социально-экономических показателей развития малого бизнеса в стране. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и практической деятельности органов государственного регулирования в сфере содействия развития малого бизнеса.

A. P. Egorshin

Nizhny Novgorod Institute of Economics and management, Nizhny Novgorod,
e-mail: Alex.egor947@gmail.com

I. V. Guskova

Professor of Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
e-mail: guskova545@yandex.ru

CHANCES OF SMALL BUSINESS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Keywords: small business, crisis, pandemic, government support, forecast.

The article deals with measures aimed at promoting the development of small businesses in the context of the coronavirus pandemic. The relevance of the research topic is due to the fact that small businesses are currently going through extremely difficult times, since most entrepreneurs practically do not have reserves to cover losses that were formed during the "Downtime". In addition, a sharp decline in household income and effective demand is expected, which will lead to a decrease in revenue compared to the same period of the previous year, so that losses will be more than one month. The authors set a goal to develop and propose urgent measures to support small businesses based on the formation and improvement of the system of methods of state regulation of small businesses and the existing foreign experience, to justify significant economic losses of this sector in 2020. Tasks. Based on the analysis of the dynamics of indicators of small business development, calculate the losses for the national economy from the reduction of small entrepreneurship. Research the existing foreign experience in supporting small businesses and develop urgent government measures to prevent the collapse of this sector. The basis for the proposed measures is an analysis of the state of small business in the Russian Federation and the effectiveness of existing programs to promote the development of small businesses in the country. Based on the research, the authors made a forecast of the

prospects for the development of small businesses in Russia in 2020. When writing the article, we used methods of statistical data analysis, economic and mathematical methods that allow us to make forecasts and prospects for the development of small and individual businesses in Russia. The authors analyzed the state, dynamics of development and trends of changes in socio-economic indicators of small business development in the country. The main provisions and conclusions of the article can be used in the scientific and practical activities of state regulatory bodies in the field of promoting the development of small businesses.

Большая часть мероприятий, направленных на содействие развитию малого бизнеса даже в условиях стабильности экономики, либо не доходит до практического внедрения, либо приносит гораздо меньше эффекта, чем планировалось. Малый бизнес в настоящее время переживает крайне тяжелые времена, так как у большинства предпринимателей практически отсутствуют резервы для покрытия убытков, которые образовались во время «Простоя». К тому же ожидается резкое снижение доходов населения платежеспособного спроса, что приведет к снижению выручки по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, так что убытки будут еще не один месяц.

Цель исследования – разработать и предложить срочные меры поддержки малого бизнеса на основе формирования и совершенствования системы методов государственного регулирования деятельности малых и имеющегося зарубежного опыта, обосновать существенные экономические потери отсокращения данного сектора в 2020 г.

Задачи:

1. На основе анализа динамики показателей развития малого бизнеса рассчитать потери для национальной экономики от сокращения малого предпринимательства.

2. Исследовать имеющийся зарубежный опыт поддержки малого бизнеса и разработать срочные государственные меры, предотвращающие крах в данном секторе.

Материалы и методы исследования

Основанием для предложенных мероприятий является анализ состояния малого предпринимательства в РФ и эффективность уже существующих программ содействия развитию малого бизнеса в стране. На основании проведенного исследования авторами сделан прогноз перспектив развития малого предпринимательства России в 2020 году. При написании статьи использовались

методы анализа статистических данных, экономико-математические методы, позволяющие осуществлять прогноз и перспективы развития малого и индивидуального предпринимательства России. Авторами был проведен анализ состояния, динамика развития и тенденции изменений социально экономических показателей развития малого бизнеса в стране.

Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и практической деятельности органов государственного регулирования в сфере содействия развития малого бизнеса.

Внезапное появление коронавируса (COVID-19) в мире в конце 2019 года привело к новому социально-экономическому кризису в России, который, по мнению авторов, в наибольшей степени затрагивает предпринимательство в регионах страны. В рамках реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года [1], Национальных проектов до 2024 года [2], а также региональных программ развития, одним из приоритетов является увеличение доли малого бизнеса в структуре ВВП с 20-25 % до 40 % к 2020 г., что уже не будет выполнено. Как известно, основой среднего класса является малый бизнес. В России на 1 000 человек населения приходится 11-12 компаний малого бизнеса, тогда как этот же показатель в США составляет 108, в Германии – 80, в Великобритании – 71 [3].

Данные цифры свидетельствуют о существенном отставании развития малого бизнеса и предпринимательской активности в России даже в условиях некоторой стабильности и возможности прогнозирования экономической ситуации. В условиях введения карантина и невозможности ведения экономической деятельности состояние малого бизнеса в нашей стране вызывает тревогу, так как большая часть малых предприятий функционирует на рынке услуг и в торговле, восполняя нишу, которая не очень

рентабельна и не так интересна крупному бизнесу. Именно эти сферы терпят наибольшие убытки, запас прочности и у малого предпринимательства практически отсутствует, поэтому необходимо экстренная государственная помощь для данного сектора.

Малому предпринимательству России необходимо преодолевать серьезные препятствия, чтобы выжить, так как в стране отсутствует реальная поддержка со стороны государства, нет особых налоговых льгот и государственных заказов, особенно эта ситуация обостряется в условиях самоизоляции из-за коронавируса.

Понятно, что основным налогоплательщиком является крупный бизнес в нашей стране, но нельзя забывать о тех важнейших функциях, которые выполняет малое предпринимательство, поэтому кризис в данном секторе может привести к достаточно ощутимым не только социальным, но и экономическим потерям как для государства, так и для людей занятых в малом бизнесе и обслуживаемых им.

Необходимо сделать расчеты убытков, прежде всего экономических, которые возникнут в связи с банкротством и закрытием предприятий МБ, вызванных пандемией с целью сравнения с затратами, которые осуществляет государство для поддержки именно малого предпринимательства.

Благодаря данному исследованию можно будет сделать вывод о необходимости осуществления экстренной помощи малому бизнесу.

Авторами осуществлен расчет ущерба из-за снижения результатов деятельности малых предприятий в ближайшей перспективе на основе статистических данных и предлагаются срочные государственные меры, предотвращающие крах в данном секторе, на основе имеющегося опыта в развитых странах

В статье предусматривается изучение и использование положительного опыта поддержки МСП в зарубежных странах с учетом рекомендаций ВБ.

Среди мер поддержки и развития МСП Всемирный банк выделяет следующие:

- упрощение процедур регистрации;
- расширение предпринимательской деятельности путем улучшения стартовых условий при: получении кредита,

регистрации собственности, правовой защите строгого выполнения сторонами контрактных условий, и инвестиционной деятельности;

- поддержку текущих операций деятельности при получении возможностей внешнеторговых сделок, а также разрешительных документов на строительство, подключение к инженерным коммуникациям;

- антикризисные мероприятия поддержки малого бизнеса[4].

Авторами было проведено опрос 320 экспертов качества которых выступали ученые, занимающиеся проблемами МБ и сами предприниматели, которые отметили, что на пути развития предпринимательства встают следующие препятствия:

1. У большинства руководителей МБ отсутствует доверие к принимаемым мерам поддержки со стороны государства или они считают их малоэффективными. Таким образом, бизнес изначально настроен крайне скептически.

2. В предпринимательской среде сформировано негативное отношение к очень высокому и продолжающему расти неравенству доходов в стране. Все больше предложений по поводу снижения НДС и ставки социальных страховых взносов. В современных условиях правительство вводит подоходный налог на доход, получаемым по вкладам свыше 1 млн. руб. Процент таких вкладов не велик, всего около 5%, то какие преференции оно хочет получить, на наш взгляд, введение прогрессивного налога выглядело гораздо логичнее. (Это меры нет в Налоговом Кодексе, но с 2021 году будут облагаться подоходным налогом доходы со вклада более 1 млн.руб. Это введение обосновывается тем, что менее 5% вкладчиком имеет депозит в банке более 1 млн. руб. Эта мера была утверждена Правительством РФ!!!)

3. Для большинства предприятий малого бизнеса ставка коммерческого кредита выше рентабельности бизнеса, на который берется кредит, поэтому кредитные ресурсы для много предпринимателей остаются малодоступными.

4. Наиболее эффективным решением многие предприниматели считают снижение налогов и выдача ссуд или беспроцентных кредитов малому бизнесу.

5. Пришло осознание того, что что на налоги от бизнеса и существуют государственные структуры, который и так вводят жесткий административный контроль. Ситуация в последнее время только усугубляется.

6. Наиболее негативными факторами внутренней среды организаций, повлиявшими на развитие кризиса, в первую очередь называют невысокую производительность труда и уровень механизации производства, а также высокий моральный и физический износ основных производственных фондов.

Результаты исследования

В данной статье пойдет речь о малом предпринимательстве как о юридических лицах в соответствии с ФЗ-2009 за период с 2008 по 2020 годы включительно. Рассмотрим динамику развития малых предприятий за период с 2008 по 2019 годы (табл.1):

1. Из таблицы виден рост трех основных показателей: годовой оборот (выручка) с 18728 млрд.руб. до 53413 млрд.руб. или на 285%; общая прибыль увеличилась с 231 до 3258 млрд.руб. или в 14.1 раза! Причинами такого роста, по нашему мнению, является разорение крупных предприятий под воздействием экономического кризиса в России в 2008-2009 гг., введение упрощенной системы налогообложения со снижением ЕСН до 14%, а также после 2012 года увеличение страховых взносов до 30,2%, отсутствие НДС в размере 18-20% и налога на прибыль – 24%. Что касается НДФЛ то они исчисляются по единой шкале в 13% с заработной платы до 200 тыс.руб. в месяц.

2. Вызывает недоумение рост числа малых предприятий с 1348 тыс. ед. в 2008 году до 2660 тыс.ед. в 2018 году или на 197% при практически неизменной численности работников за эти годы (11,4 и 11,8 млн. чел.). В чём причины?

С 2009 года наблюдается резкий рост числа малых предприятия, что связано с такими причинами, как продолжающееся разукрупнение крупных и средних организаций, освобождение новых привлекательных ниш экономической деятельности, в связи с введением санкций со стороны западных стран и повышением пороговых значений объема вы-

ручки для средних предприятий с 400 до 1000 млн. рублей. Немаловажным остается факт отставания снятия с учета ликвидированных и обанкротившихся предприятий из-за сложных бюрократических процедур в налоговых органах. Это привело к резкому увеличению количества малых предприятий в 2018 году – до 2660 тыс.ед.

В России предприятий МБ создается значительно больше, чем ликвидация старых, что и привело к такому резкому росту, согласно данным Росстата. На долю малого и среднего бизнеса в объеме ВВП в нашей стране приходится около 20 %, в то время как за рубежом, только по малому бизнесу эта цифра превышает 50 %.

В развитых странах поддержка малых предприятий считается стратегически важной задачей для стимулирования экономического роста. По статистике лишь 3-4% малых предприятия России существует более трех лет, основная масса закрывается раньше. Логично предположить, что число официально незакрытых или «брошенных» малых предприятий составляет не менее 1 миллиона. В этом виноваты государственные органы ФНС и МФЦ, которые не проводят жесткую политику закрытия и изъятия налоговой и кредиторской задолженности с МП из-за мифической надежды, что они «поднимутся» и заплатят налоги в бюджет.

Другой причиной, по нашему мнению, является отсутствие государственных инвестиций в сферу МП на фоне огромного «вливания денег» в оборонно-промышленную и финансовую сферы. Размер этих вливаний в 2008-2009 гг. составил около 12 трлн руб., из них 6 трлн.руб. в форме долгосрочного финансирования (кредиты и займы). Это подтверждает новый еще только разгоняющийся социально-экономический кризис 2020 года из-за пандемии коронавируса, когда значительное число малых предприятий оказалось без господдержки в строительстве (12%), оптовой и розничной торговле, авторемонтном бизнесе, ремонте бытовой техники (около 36%), операций с недвижимостью и предоставлением услуг (около 23%) – это почти 71% от общего числа МП.

Таблица 1

Динамика результатов деятельности малого предпринимательства России

Годы	Годовой оборот малых предприятий, млрд. руб.	Общая прибыль, млрд. руб.	Годовые инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	Число малых предприятий, тыс.ед.	Общая численность работников малых предприятий, млн.чел.	Общий фонд оплаты труда работников МП, млрд.руб.	Социальные налоги (ЕСН, СВ, НДФЛ), млрд. руб.
2008	18728	231	472	1348	11,4	1790	702
2009	16873	425	346	1603	11,2	1718	674
2010	18925	777	574	1622	11,1	1647	646
2011	19937	474	432	1831	10,9	2059	972
2012	23466	950	522	1997	11,4	2286	988
2013	24782	1437	575	2063	11,4	2394	1034
2014	26392	2110	664	2104	11,7	2696	1165
2016	38877	2350	802	2770	10,1	2611	1128
2017	48459	2200	999	2754	12,0	3518	1520
2018	53314	3258	1057	2660	11,8	3904	1687
2019	53314	3258	1057	2660	11,8	3904	1687
2020	39986	2444	793	1995	8,85	3253	1405
Потери	13328	814	264	665	2,95	651	282

Примечания:

1. Статистические показатели за 2008-2021 гг. определены из электронных источников Росстата. Данные за 2015 год в статистике отсутствуют.
2. Статистические показатели за 2019 год приняты по данным 2018 года из-за отсутствия их в Росстате на момент написания статьи.
3. Общий фонд зарплаты 2020 года рассчитан за 10 месяцев ввиду отсутствия государственного пособия за 2 месяца. самоизоляции с 28.04 по 12.05 и последующих двух недель на восстановление малого бизнеса.

По оценке академика А.Г. Аганбегяна к концу года без работы могут оказаться более 3 млн. человек [5]. В лучшем случае они пополнят ряды безработных, но на пособие в 8000 или даже в 12130 рублей прожить невозможно, особенно в условиях роста цен и отсутствия пересмотра величины прожиточного минимума

Нами сделан краткосрочный прогноз результатов деятельности малого бизнеса на 2020 год на основе следующих предположений:

1. Статистические исследования на примере Нижегородской области за 20 лет (1998-2018гг.) и экспертные опросы 42 ученых и руководителей МП показали, что основные показатели (выручка, прибыль, инвестиции) сократятся по итогам 2020 года на 25% (графы 2, 3 и 4 за 2020 год).

2. Статистические показатели за 2019 год приняты по данным 2018 года из-за отсутствия данных Росстата на момент написания статьи.

3. Общий фонд оплаты труда по годам рассчитан на основе среднегодовой зарплаты работников МП и умножения ее на общую численность работников (графы 6 и 7). Фонд зарплаты за 2020 год рассчитан за 10 месяцев, ввиду отсутствия государственного пособия в период самоизоляции.

4. Социальные налоги (НДФЛ и страховые взносы) рассчитаны по действующим ставкам налогообложения фонда оплаты труда по упрощенной системе (30,2% и 13%, кроме 2011 года, когда страховые взносы рассчитывались по ставкам – 34% и 13% соответственно). Приведены в графе 8 табл. 1.

Сводные результаты прогноза показаны в табл.1. Сопоставление данных за 2020 год с данными за 2019 год позволяет рассчитать ожидаемые экономические потери от пандемии COVID-19 в 2020 году. Для получения полных экономических потерь складываем итоги по графам 2,3,4,7 и 8 (табл. 1). Они составляют: $13328+814+264+651+282=15339$ млрд.руб.

Что можно сделать в виде срочных мер Президента и Правительства РФ в 2020 году, основываясь на предложениях академика РАН А.Г. Аганбегяна [5]:

- выделить из бюджета РФ 3 трлн. руб. за счет невозвратимого финансирования по статье «Национальная экономика»;

- предоставить кредиты под низкие проценты и гарантию государства через крупнейшие банки России (СБ, ВТБ, РСХБ. Альфа. Открытие. Уралсиб и др.) малому и среднему бизнесу на сумму 3-5 трлн.руб.;

- заимствовать 100 млрд.долл. из золотовалютных резервов государства (останется 300 млрд.долл.), а это 8 трлн.руб.

- выпустить облигационный займ на сумму 3 трлн.руб. для финансирования наиболее мультипликативных отраслей (строительство жилья, производство автомобилей и бытовой техники) на 1-3 года по минимальной ставке автокредита.

Принятие этих срочных мер позволило бы компенсировать потери малого и среднего бизнеса в сумме 15,3 трлн.руб. и спасти важнейший сектор экономики от разорения, а в последующем стабилизации среднего класса, как наиболее продвинутой и инновационной части общества, которые могут создавать рабочие места себе и другим, заниматься инновациями, создавать социально-экономическую стабильность.

В США и странах ЕС на поддержку малого предпринимательства тратиться более 2 трлн.долларов, а России пока выделено 300 млрд.руб. Об этом свидетельствуют следующие цифры:

- США – более 5 трлн.долл.;
- Великобритания – 330 млрд. фунтов;
- Германия – 500 млрд. евро;
- Россия – 300 млрд. руб.

Институты ЕС выделяют займы размером 1 трлн. Евро. В России собираются потратить на ликвидацию последствий пандемии около 2% ВВП, причем адресно, с соблюдением огромного числа условия и возврат будет осуществлен только через полгода, в то время как в развитые страны суммы гораздо больше, распределяются равноправно.

Выводы

1 Срочные меры на 2020 год. Выделить из разных источников краткосрочные беспроцентные или низкопроцент-

ные под 2-3 процента кредиты сроком до трех лет для восстановления малого предпринимательства России, иначе значительная его часть безвозвратно погибнет.

2. Краткосрочные меры до 2022 года. Принять жесткие меры силами ФНС и МФС по ликвидации «брошенных» и убыточных малых предприятий в регионах России и поддержке инновационных, промышленных, строительных и

агротехнических предприятий с малой численностью персонала.

3. Среднесрочные меры до 2025 года. Законодательно сократить налогообложение малого и среднего предпринимательства: страховые взносы до 15 %; упрощенный налог до 3%; подоходные налоги от 0 до 20%, кроме долларовых миллионеров; налог на прибыль до 15%; налог на имущество до 1%. Ввести эти налоги на ближайшие 10 лет.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
2. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ от 8 мая 2020 года.
3. Гуськова И.В., Егоршин А.П., Масютин С.В. Предпринимательство в России – есть ли будущее: монография. Нижний Новгород: НИЭМ. 2018. 400 с.
4. Гуськова И.В., Егоршин А.П., Масютин С.А., Животовская А.Г. Управление российскими предприятиями в цифровой экономике: анализ проблем и перспективы развития // Управление экономическими системами. 2019. № 3 (121).
5. Аганбегян А.Г. Денежные инъекции. Три способа сократить сейчас население и бизнес // АиФ. 2020. № 17.

УДК 332.05:332.1

П. И. Комаров

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Смоленск, e-mail: smolensk.fa@gmail.com

М. В. Шеломенцева

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Смоленск, e-mail: mvshelomenceva@gmail.com

Л. Т. Киященко

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Смоленск, e-mail: smolensk.fa@gmail.com

В. В. Попова

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Смоленск, e-mail: smolensk.fa@gmail.com

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: инновационное развитие, оценка эффективности, экосистемный подход, государство, наука, бизнес.

Переход на инновационную траекторию развития является необходимым условием устойчивого экономического роста. На современном этапе необходимым условием повышения конкурентоспособности национальных инновационных экосистем является цифровизация. Процессы цифровой трансформации оказывают влияние на взаимодействие субъектов инновационной деятельности в различных сферах экономики. Появляется необходимость анализа и исследования развития инновационной деятельности в условиях цифровой эры. Анализ методических подходов зарубежных и отечественных авторов к моделированию оценки инновационной деятельности, показал ограниченную область их применения к оценке эффективности инновационного развития. Разработан концептуальный подход к интегральной оценке эффективности взаимодействия субъектов инновационной экосистемы. Предложена методика построения оценки эффективности инновационного взаимодействия государства, науки и бизнеса как составляющих национальной экосистемы с применением идей DEA-анализа. Полученные результаты позволяют проводить сравнительный анализ по выделенному критерию как на уровне стран, так и на уровне территориальных единиц наблюдения. При этом количественные индикаторы меры взаимовлияния и взаимозависимости государства, науки и бизнеса как структурных элементов национальной инновационной экосистемы формируют научное информационно-аналитическое обеспечение повышения эффективности принимаемых решений органами государственной власти в области поддержки и развития инновационной деятельности с учетом особенностей развития национальных и региональных социально-экономических систем.

P. I. Komarov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Smolensk,
e-mail: smolensk.fa@gmail.com

M. V. Shelomentseva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Smolensk,
e-mail: mvshelomenceva@gmail.com

L. T. Kiyashchenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Smolensk,
e-mail: smolensk.fa@gmail.com

V. V. Popova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Smolensk,
e-mail: smolensk.fa@gmail.com

THE EFFECTIVENESS OF INNOVATIVE INTERACTION: METHODOLOGICAL APPROACHES AND EMPIRICAL ASSESSMENTS

Keywords: innovative development, efficiency assessment, ecosystem approach, government, science, business.

The transition to an innovative trajectory of development is a prerequisite for sustainable economic growth. At the present stage, digitalization is a necessary condition for increasing the competitiveness of national innovation ecosystems. Digital transformation processes have an impact on the interaction of innovation actors in various sectors of the economy. There is a need to analyze and research the development of innovation in the digital era. Analysis of the methodological approaches of foreign and domestic authors to modeling the assessment of innovative activity, showed a limited area of their application to assessing the effectiveness of innovative development. A conceptual approach to the integrated assessment of the effectiveness of interaction between the subjects of the innovation ecosystem has been developed. A method is proposed for constructing an assessment of the effectiveness of innovative interaction between the state, science and business as components of the national ecosystem using the ideas of DEA analysis. The results obtained make it possible to carry out a comparative analysis according to the selected criterion both at the level of countries and at the level of territorial units of observation. At the same time, quantitative indicators of the measure of mutual influence and interdependence of the state, science and business as structural elements of the national innovation ecosystem form scientific information and analytical support for increasing the efficiency of decisions taken by public authorities in the field of support and development of innovative activities, taking into account the peculiarities of the development of national and regional socio-economic systems.

Введение

Стратегические цели внутренней государственной политики Российской Федерации направлены на создание условий для осуществления прорывного развития национальной экономики, способствующего повышению уровня жизни граждан, созданию комфортных условий для их проживания. Необходимым условием качественного решения задачи по достижению целевых показателей, определенных в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», является повышение эффективности инновационной деятельности во всех сферах экономики.

Цель исследования

Важная роль высокопроизводительных цифровых технологий подчеркивается в паспортах национальных проектов федерального масштаба, утвержденных Указом президента России от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В рамках данного тренда анализ и оценка эффективности взаимодействия между элементами национальной инновационной экосистемы является актуальным направлением современных научных исследований, в том числе в рамках научной специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (управление инновациями; экономика предпринимательства; маркетинг). Полученные интегральные оценки формируют информационно-аналитическое обеспечение для разработки и принятия

органами власти эффективных управленческих решений по созданию и развитию инновационных экосистем на макро, мезо- и микроуровнях.

Методологические подходы к оценке инновационной деятельности

Накопленный мировой опыт показывает, что переход к модели устойчивого экономического роста способствует преодолению «эффекта колеи» или «зависимости от предшествующего развития» (в зарубежной литературе более известна как теория «Path Dependency»), обусловленных «институциональными ловушками» и ролью институтов развития в технологических изменениях [1-3]. Результаты проведенных исследований зарубежных и отечественных ученых по проблемам, изложенным в концепции Path Dependency, показывают, что если на ранних этапах исследователями выделялись технологические факторы (QWERTY-эффекты), то в качестве современных причин рассматриваются культурологические факторы – общественное согласие, ментальность, образование и другие [4-6].

Сближение институциональной экономической истории с эволюционной экономической теорией проявляется в том, что институты как факторы стандартизации и унификации определяют выбор траектории развития, а «устойчивой колеей» ее делает культура.

Методологические подходы к изучению проблем инновационного развития национальных экономик разработаны зарубежными исследователями (Б. Лундвал, Дж. Мур, Р. Нельсон, К. Фриман,

Й. Шумпетер и др.) и отечественными учеными (С.Ю. Глазьев, Г.Б. Клейнер, О.Г. Голиченко, Л.М. Гохберг, Я.И. Никонова и др.).

Направления совершенствования экономико-математических моделей и методов оценки эффективности экономических взаимодействий рассмотрены в работах С.А. Айвазяна, С.В. Мхитаряна, И.И. Елисевой, Д.А. Ендовицкого, М.Р. Ефимовой и др.

Анализ передового международного опыта инновационного взаимодействия и форм обмена нематериальными активами с государственным участием позволил сделать вывод о том, что среди факторов, оказывающих влияние на скорость распространения инноваций, выделяют как факторы ускоряющие инновационную деятельность, так и факторы, препятствующие ей. К первой группе факторов относят нематериальные активы (новые технологии, знания, торговые марки, гудвиллы и др.), государственную поддержку инноваций, льготное налогообложение и др., ко второй – слабость материально-технической базы, патентно-лицензионные ограничения в области инноваций и др. [7-9].

Однако современной экономической наукой не выработаны единые теоретические и методологические подходы к оценке эффективности взаимодействия между субъектами инновационных экосистем, формирующихся на различных иерархических уровнях управления – глобальном, национальном, региональном и т.д.

Модель и методы исследования

Современная конъюнктура мировых и отечественных рынков формируется под влиянием стремительного развития цифровых технологий на фоне последствий от распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Высокая турбулентность экономических процессов предполагает изучение устойчивого развития национальных инновационных систем на основе экосистемного подхода, в рамках которого социально-экономическая экосистема рассматривается как «локализованный комплекс организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований, способный к длительному

самостоятельному функционированию за счет кругооборота ресурсов, продуктов и систем» [10, с. 40].

Применение экосистемного подхода предоставляет возможность акцентировать внимание на получении количественной оценки синергетического эффекта от коллективного взаимодействия и форм всех участников, среди которых компании, университеты, научно-исследовательские центры, венчурные фонды, институты развития и им подобных [11-13]. При этом интегральный индикатор формируется с учетом таких параметров, как: результативность (сопоставление оценок инновационной экосистемы в целом и отдельных элементов на макро-, мезо- и микроуровнях), оптимальность (сопоставление фактических результатов с максимально достижимыми параметрами с учетом имеющихся ресурсов) и соотношение параметров по линии «затраты-выпуск» (соотнесение уровней выпуска инновационных товаров и произведенных затрат на поддержку и развитие инновационной деятельности).

В результате взаимодействия акторов и факторов, формирующих для генерации знаний благоприятную среду, формируется механизм инновационной коллаборации в рамках национальной инновационной экосистемы (рисунок 1).

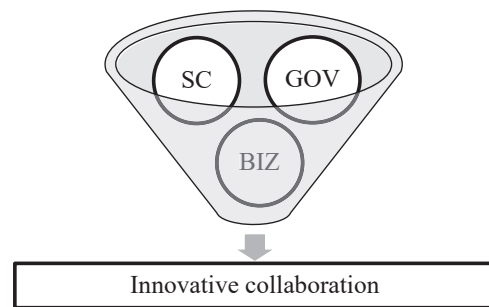

Рис. 1. Механизм формирования инновационной коллаборации.
Составлено авторами

Примечание: на схеме используются следующие обозначения:
GOV – государство (Government);
SC – наука (Science); BIZ – бизнес (Business)

Инновационную экосистему как объект исследования характеризуют сложность, многофункциональность, изменчивость, подвижность функциональных

состояний как во временном, так и в пространственном аспектах. Специфика объекта исследования обуславливает применение различных концептуальных моделей («треугольник знаний» [14-16], «тройная спираль» [17-19], «предпринимательский университет» [20-22], кластеры [23-25] и др.) к построению количественных индикаторов и качественных характеристик взаимосвязи между субъектами и институтами развития на всех стадиях инновационной деятельности – создания, освоения, распространения и использования инноваций как формами обмена нематериальными активами (НМА).

Качественное решение задачи, ориентированной на получение оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА, включает следующие этапы:

- 1) формирование информационной базы для построения оценочных моделей;
- 2) нахождение алгоритмов агрегирования исходных разнородных показателей, формирующих информационную базу оценочных моделей.

Предлагаемая методика реализована в виде модельно-методического комплекса, ядром которого являются интегральные оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА.

Оценочная функция интегральной оценки I_{AsEf} эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА применительно к объекту исследования DMU (Decision Making Units, DMU) имеет вид:

$$I_{AsEf}(DMU) = f(I_{GOV}, I_{SC}, I_{BIZ}), \quad (1)$$

где f – функция агрегирования, формирующая интегральный (сводный) показатель I_{AsEf} на основе показателей I_{GOV} , I_{SC} , I_{BIZ} . I_{GOV} , I_{SC} , I_{BIZ} – интегральные оценки состояния подсистем государство GOV^t (DMU), наука SC^t (DMU), бизнес BIZ^t (DMU) в момент времени t .

Задача нахождения алгоритмов агрегирования исходных разнородных показателей, формирующих информационную базу моделирования оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА, решена на

основе идей непараметрического метода DEA-анализа (Data Envelopment Analysis, DEA). Применение DEA-моделей к оценке эффективности на основе сопоставления значений производимого «выпуска» (output) и затратного «входа» (input) предоставляет возможность провести сравнительный анализ единиц рассматриваемой совокупности по степени оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА.

Модернизация российской экономики на основе высокопроизводительных цифровых технологий формирует условия для устойчивого экономического роста, что предполагает для получения оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА использование моделей вида ССR-О, ориентированных на «результат»/«выход» (output-oriented) и предполагающих для эффективных DMU рост уровня результативных показателей пропорционально повышению уровня входных значений [26-28].

Количественная оценка I_{AsEf} эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА применительно к рассматриваемой совокупности DMU имеет вид:

$$I_{AsEfj} = \frac{Y_j}{X_j}, \quad (2)$$

где DMU_j input: $(x_{1j}, x_{2j}, \dots, x_{mj})^T$, output: $(y_{1j}, y_{2j}, \dots, y_{sj})^T$,

m – количество входных параметров ($i = 1, \dots, m$),

s – количество выходных параметров ($j = 1, \dots, n$),

n – количество DMU, ($n = s + m$),

X – матрица входных параметров

$$\begin{pmatrix} x_{11} & x_{12} & \dots & x_{1n} \\ x_{21} & x_{22} & \dots & x_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ x_{m1} & x_{m2} & \dots & x_{mn} \end{pmatrix},$$

Y – матрица выходных параметров

$$\begin{pmatrix} y_{11} & y_{12} & \dots & y_{1n} \\ y_{21} & y_{22} & \dots & y_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ y_{s1} & y_{s2} & \dots & y_{sn} \end{pmatrix}$$

Значения показателя I_{AsEf_j} ($0 \leq I_{AsEf_j} \leq 1$) отражают отношение достигнутых показателей единицы DMU_j рассматриваемой совокупности к потенциально возможным. Качественная характеристика степени оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА может находиться в следующем диапазоне: весьма низкая ($0 < I_{AsEf_j} \leq 0,1$), низкая ($0,1 < I_{AsEf_j} \leq 0,3$), существенная ($0,3 < I_{AsEf_j} \leq 0,5$), значительная ($0,5 < I_{AsEf_j} \leq 0,7$), высокая ($0,7 < I_{AsEf_j} \leq 0,9$), весьма высокая ($0,9 < I_{AsEf_j} \leq 1,0$).

Для формирования эталонного вектора оценки I_{AsEf_j} эффективности из рассматриваемой совокупности единиц отбираются объекты DMU_j , чьи высокие значения показателя I_{AsEf_j} используются чаще других. Такие объекты классифицируются как лидеры, в противном же случае маркируются как аутсайдеры.

Универсальность механизма построения количественной оценки I_{AsEf} эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА заключается в возможности получения значений комплексного показателя применительно к инновационной экосистеме в целом и к ее отдельным элементам. Полученные результаты позволяют проводить сравнительный анализ по выделенному критерию как на уровне стран, так и на уровне территориальных единиц наблюдения. При этом количественные индикаторы меры взаимовлияния и взаимозависимости государства, науки и бизнеса как структурных элементов национальной инновационной экосистемы формируют научное информационно-аналитическое обеспечение повышения эффективности принимаемых решений органами государственной власти в области поддержки и развития инновационной деятельности с учетом особенностей развития национальных и региональных социально-экономических систем.

Задача формирования информационной базы для оценки I_{AsEf} эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА предполагает выявление релевантных факторов, оказывающих влияние на скорость распространения инноваций, на основе анализа инновационной активности единиц рассматриваемой совокупности.

Анализ передового зарубежного опыта и лучших российских практики позволяет сделать вывод о том, что на неравномерное распределение российских регионов по уровню инновационной активности оказывают влияние социально-экономические и институциональные факторы, среди которых формирование и развитие инфраструктуры инновационных экосистем регионов [29-31], близость (удаленность) расположения по отношению к столичным агломерациям [32-34], состояние рынка труда и человеческого капитала [35-37], качество инновационной политики и уровень развития венчурного предпринимательства [38-40], расположение на территории регионов университетов, осуществляющих подготовку высококвалифицированных кадров и выступающих как научно-образовательные, аналитические, консалтинговые и проектные образовательных учреждений высшей школы, являющихся двигателем модернизации образовательной экосистемы и вносящих значительный вклад в инновационное развитие и повышение конкурентоспособности национальной экономики и др.

Результаты и их обсуждение

Адаптация предложенной методики оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА показана применительно к российским регионам. В данном исследовании выборка единиц рассматриваемой совокупности представлена Смоленской областью и граничащими с ней субъектами РФ: области Брянская, Калужская, Московская, Тверская и Псковская.

В качестве входных параметров (таблица 1, графы 1-2), характеризующих особенности развития региональных социально-экономических систем, выбраны «монетарные» показатели «Валовой региональный продукт на душу населения» (ВРП) и «Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ» [41], скорректированные с учетом индекса бюджетных расходов [42].

Следует отметить, что распределение регионов по скорректированному уровню ВРП на душу населения является практически однородным (коэффициент вариации $34,0\% \approx 33\%$), что повышает

надежность и достоверность полученных результатов.

Значения выходного параметра для получения оценки I_{AsEf} эффективности формируются на основе данных (таблица 1, графа 3), отражающих удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, по рассматриваемой совокупности единиц [43].

Сведения о современном состоянии инновационной сферы России формируются в соответствии с международными подходами к измерению и анализу инновационной деятельности и размещаются на информационных ресурсах Федеральной службы государственной статистики (www.gks.gov.ru), содержатся в статистических сборниках, аналитических докладах Института статистических исследований Высшей школы экономики

(www.hse.ru), а также на официальных ресурсах Роспатента (www.rospatent.gov.ru), Российской венчурной компании (www.rvc.ru) и др.

Информационная база исследования эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА представлена данными входных и выходных параметров нижеследующей таблицы на начало 2019 года.

Для обработки информационной базы исследования выбран программный продукт MaxDEA [44], предоставляющий возможность импортировать входные данные и экспортировать результаты DEA-анализа в виде EXCEL-таблиц.

Характеристики инновационных экосистем субъектов РФ, полученные по результатам расчетов с применением технологий DEA-анализа представлены в таблице 2.

Таблица 1

Информационный массив для построения оценки I_{AsEf} по субъектам РФ

№ п/п	DMU (область)	Входные параметры (input)		Выходной параметр (output)
		GVP	VZIR	In_PR
	А	1	2	3
1	Брянская	285,7	1,3	3,3
2	Калужская	455,3	7,6	2,7
3	Московская	572,5	17,1	13,2
4	Псковская	243,7	0,3	3,1
5	Смоленская	319,6	1,9	2,2
6	Тверская	312,6	3,5	4,5

Примечание: в таблице использованы следующие обозначения: GVP – валовой региональный продукт на душу населения; VZIR – внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ; In_PR – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, по рассматриваемой совокупности единиц.

Источник: получено авторами

Таблица 2

Характеристики инновационных экосистем субъектов РФ

№ п/п	DMU (область)	Показатель эффекта влияния I_{AsEf}	Эталонный DMU (коэффициент, с которым он формирует гипотетический объект)	Качественная оценка I_{AsEf}	Место (ранг)
	А	1	2	3	4
1	Брянская	0,501	Московская область (0,499)	заметная	5
2	Калужская	0,559	Московская область (0,795)	заметная	3
3	Московская	1,000	Московская область (1,000)	весьма высокая	1
4	Псковская	0,552	Московская область (0,426)	заметная	4
5	Смоленская	0,299	Московская область (0,558)	низкая	6
6	Тверская	0,624	Московская область (0,546)	заметная	2

Источник: получено авторами

Сопоставление регионов по оценкам эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА показывает, что показатели Московской области являются ориентиром для остальных единиц рассматриваемой совокупности регионов. Наиболее близко к границе эффективности располагаются Тверская ($I_{AsEf} = 0,624$), Калужская ($I_{AsEf} = 0,559$), Псковская ($I_{AsEf} = 0,552$) и Брянская ($I_{AsEf} = 0,501$) области, где уровень ресурсного потенциала позволяет увеличить уровень выпуска инновационной продукции практически в 2 раза.

Полученный результат для Смоленской области ($I_{AsEf} = 0,299$) позволяет сделать вывод о том, что инновационная экосистема региона находится на стадии формирования. При этом потенциал инновационного взаимодействия и форм обмена НМА используется всего на 30 %.

Выводы

Проведенное исследование показало, что применение экосистемного подхода предоставляет возможность рассматривать национальные инновационные системы как интеграторы процессов производства, накопления, распространения и апробации новых знаний в экономике, а также проводить их сравнительный анализ на основе оценок эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена нематериальными активами как факторами экономического роста.

Совершенствование механизма формирования инновационной коллаборации относится к важнейшим направлениям в обеспечении роста занятости, экспорта и инвестиций; повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов на макро- и микроуровнях на основе создания и применения новых знаний и высокопроизводительных научных технологий.

Предложенный инструментарий оценки эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА с использованием идей DEA-анализа позволил провести позиционирование Смоленской области и граничащих с ней субъектов РФ – областей Брянской, Калужской, Московской, Тверской и Псковской по выделенному критерию.

Позиционирование территориальных единиц наблюдение может рассматриваться как индикаторами инновационной политики, что позволяет определить направления для повышения качества принятия управленческих решений по поддержке и развитию инноваций в интересах различных групп заинтересованных стейкхолдеров (государство, технические предприниматели, институты развития, группы населения и др.).

Практическая реализация методики качественной оценки степени различий эффективности инновационного взаимодействия и форм обмена НМА применительно как для инновационной экосистемы в целом, так и для составляющих ее подсистем, требует развитие методов экономико-математического моделирования, интегрирующих данные статистической отчетности и экспертных оценок в различных сферах инновационной деятельности.

К перспективным направлениям научных исследований относятся анализ и оценка влияния факторов, способствующих переходу на инновационную траекторию развития и преодолению «эффектов от предыдущего развития». Результаты исследования формируют научную основу для обоснования необходимости проведения внутренней государственной политики, ориентированной на развитие эффективного взаимодействия между субъектами инновационной деятельности в условиях цифровизации экономики.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету на 2020 год.

Библиографический список

1. Аузан А.А. Эффект колей проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
2. Нуреев Р.М. Институциональная среда российского бизнеса – эффект колей. В кн.: Экономика и институты / под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Леонтьевский центр, 2010. С. 25-51.
3. Arthur W. Brian. Positive Feedbacks in the Economy // Scientific American. 1990. Vol. 262. № 2. P. 92–99.
4. David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332-337.
5. Кузнецова А.Л. Эффект колей и новый путь развития Калининградской области // Российская Балтика и Балтийский регион: монография / под научной ред. В.М. Разумовского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 200–226.
6. Межевич Н.М. К вопросу о верификации концепции «Path Dependence» для постсоветского пространства в свете тридцати лет интуитивных практик // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 95–101.
7. Актуальные вопросы экономики и управления в условиях модернизации / под ред. Земляк С.В. Смоленск: Универсум, 2019. 252 с.
8. Киященко Л.Т. Оценки эффективности инновационной деятельности: международный опыт и российская практика // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 7 (105). С. 12–20.
9. Карпунина Е.К., Климентова Э.А., Дубовицкий А.А. Влияние инновационной активности малого бизнеса на региональный экономический рост // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 19–29.
10. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.
11. Moore J.F. The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York, NY: HarperCollins, 1996. 297 p.
12. Соловьева Т.С. Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // Вестник НГИЭИ. 2019. №3 (94). С. 84–93.
13. Teece D.J. Explicating dynamic capabilities: the nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. Strategic Management Journal. 2007. Vol. 28. P. 1319–1350.
14. Edquist C. Systems of innovation. Technologies, institutions and organizations. London: Pinter, 1997.
15. Jackson D.J. What Is an Innovation Ecosystem? Arlington, VA: National Science Foundation, 2011.
16. Ranga M., Etzkowitz H. Triple Helix Systems: An Analytical Framework for Innovation Policy and Practice in the Knowledge Society // Industry and Higher Education. 2013. Vol. 27. № 4. P. 237–262.
17. Unger M., Polt W. The Knowledge Triangle between Research, Education and Innovation – A Conceptual Discussion. Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. № 2. P. 10–26.
18. Foss L., Gibson D.V. The Entrepreneurial University – Context and Institutional Change. New York: Routledge, 2015.
19. Choy B.G. Random Interaction Effect of Digital Transformation on General Price Level and Economic Growth. Foresight and STI Governance. 2020. Vol. 14. № 1. P. 29–47.
20. Etzkowitz H. Entrepreneurial Scientists and Entrepreneurial Universities in American Academic Science // Minerva. 1983. V. 21. P. 198–233.
21. Porter M. The Competitive Advantage of Nations. The Free Press, New York, 1990. 875 p.
22. Бурдакова Г.И., Бянкин А.С., Вахрушева В.О. Развитие технологического регионе на основе модели «тройной спирали» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 6. С. 172-181.
23. Guerrero M., & Urbano D. (2019). A research agenda for entrepreneurship and innovation: the role of entrepreneurial universities. A Research Agenda for Entrepreneurship and Innovation, 107.
24. Röpke J., 1998 The entrepreneurial university. Innovation, academic knowledge creation and regional development in a globalized economy. Philipps-Universität Marburg, Department of Economics, Working Paper, 3.
25. Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня: методические материалы / Е.А. Исланкина, Е.С. Куценко, П.Б. Рудник, А.Е. Шадрин; Минэко-

номр азвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. 132 с.

26. Акерман Е.Н., Ахмеджанов Т.М., Михальчук А.А., Спицын В.В., Чистякова Н.О. Оценка имитационного потенциала IT-компаний методом-DEA // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2019. № 3-4. С. 170-190.

27. Stejskal J., Nekolova K., Rouag A. The Use of the Weighted Sum Method to Determine the Level of Development in Regional Innovation Systems – Using Czech Regions as Examples. In Ekonomický časopis // Journal of Economics. 2015. Vol. 63. № 3. P. 239-258.

28. Ви́рабян С.Н. Измерение эффективности сделок по слиянию и поглощению: особенности применения метода DEA // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017. № 6. P. 58-65.

29. Устойчивое социально-экономическое развитие регионов на основе конкурентоспособности: отраслевой аспект / под ред. О.А. Борисовой. – М.: Издательство «Научный консультант», 2016. 233 с.

30. Walle S. Van de. Comparing the Performance of National Public Sectors: Conceptual Problems // Intern. Journal of Productivity and Performance Management. 2008. Vol. 57. № 4. P. 329–338.

31. Шишкина А.В., Сизова О.В. Статистическое моделирование результатов инновационной деятельности организаций в регионах Центрального федерального округа // Вопросы инновационной экономики. 2017. Том 7. № 1. С. 9–22.

32. Модернизация и структурные трансформации российско-белорусского приграничья / под ред. Катровского А.А. Смоленск: Универсум, 2018. 376 с.

33. Новые горизонты сотрудничества России и Узбекистана на основе реализации национальных проектов и национальных программ: монография / [коллектив авторов]; под науч. ред. Ю.В. Гнездовой, Ю.А. Романовой, М.Х. Саидова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. 256 с.

34. Мариев О.С., Нагиева К.М., Симонова В.Л. Управление факторами инновационной активности российских регионов на основе эконометрического моделирования // Управленец. 2020. Т. 11. № 1. С. 57–69.

35. Кондрашов В.М. Человеческий капитал и цифровая экономика: региональный аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 12 (86). С. 77–82.

36. Самозанятость и креативность в социально-экономическом развитии России монография / [коллектив авторов]; ответ. Ред. Ю.В. Гнездова, И.В. Хриптулов. М.: Издательство «Научный консультант», 2019. 298 с.

37. Devigne D., Vanacker T., Manigart S. and Paeleman I. The role of domestic and cross-border venture capital investors in the growth of portfolio companies // Small Business Economics. 2013. № 40(3). P. 553-573.

38. Wright M., Lockett A. and Pruthi S. Internationalization of western venture capitalists into emerging markets: Risk assessment and information in India // Small Business Economics. 2002. Vol. 19(1). P. 13-29.

39. Zemlyak S.V. Contemporary models of government-backed venture project funding // В сборнике: Proceedings of the External Challenges and Risks for Russia in the Context of the World Community's Transition to Polycentrism: Economics, Finance and Business (ICEFB 2019) Сер. “Advances in Economics, Business and Management Research” 2019. P. 150-153.

40. Соловьев Д.Б., Натаров И.П., Кузора С.С. Моделирование оценки готовности субъекта Российской Федерации к инновационной деятельности (на примере Приморского края) // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 5. С. 775-796.

41. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации за 2006 – 2019 гг. [Электронный ресурс] URL <http://www.gks.ru> (дата обращения 10.08.2020).

42. Уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на 2020 год. [Электронный ресурс] URL https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=128688-uroven_raschetnoi_byudzhethnoi_obespechennosti_subektov_rossiiskoi_federatsii_posle_raspredeleniya_dotatsii_na_vyravnivanie_byudzhethnoi_obespechennosti_subektov_rossiiskoi_fed (дата обращения 10.08.2020).

43. Наука. Технологии. Инновации: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 84 с.

44. MaxDEA Software [Электронный ресурс]. URL: <http://maxdea.com> (Дата обращения 05.09.2020).

УДК 332.14

Е. М. Мазница, С. И. Любимова

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград,
e-mail: Dilemaz@mail.ru

СРАВНЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА И ЕГО ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: анализ, методика, инновации, инвестиции, региональная экономика

В статье рассматриваются аналитические подходы к применению некоторых методов экономического и статистического анализа к определению перспектив инновационного развития региональных экономик. Переход на ускоренные темпы роста экономики не удастся осуществить, не оценив его возможных последствий, не определив сильные и слабые стороны экономики конкретного региона. Существующие методы и приемы определения конкретных или общих результатов управленческой деятельности, на наш взгляд, не всегда могут быть отнесены к ее узкой специализации, например, к разработке направлений диверсификации региональной экономики.

Разрабатывая направления диверсификации региональной экономики, специалисты должны предварительно выполнить прогнозный анализ эффективности предлагаемых решений, дать конкретную прогностическую оценку необходимости внедрения управленческих новшеств. Для оценки эффективности таких масштабных решений и связанных с ними инвестиций уже существует ряд методов и приемов. Многими исследователями предпринимаются шаги по определению конкретного экономического эффекта инновационной деятельности. Но чаще всего изучаются макроэкономические показатели деятельности на уровне государств. Мы считаем, что необходимо разработать методы и приемы оценки возможности инновационного развития на уровне регионов, муниципальных образований, и отдельных хозяйствующих субъектов

E. M. Maznitsa, S. I. Lyubimova

Volgograd State Technical University (VSTU), Volgograd, e-mail: Dilemaz@mail.ru

COMPARISON OF ANALYTICAL APPROACHES TO ASSESSING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE REGION AND ITS INVESTMENT ATTRACTIVENESS

Keywords: analysis, methodology, innovation, investment, regional economy

The article discusses analytical approaches to the application of some methods of economic and statistical analysis to determine the prospects for innovative development of regional economies. The transition to accelerated economic growth will not be possible without assessing its possible consequences and identifying the strengths and weaknesses of the economy of a particular region. Existing methods and techniques for determining specific or General results of management activities, in our opinion, can not always be attributed to its narrow specialization, for example, to the development of areas for regional economic diversification.

When developing areas for regional economic diversification, specialists must first perform a predictive analysis of the effectiveness of the proposed solutions, and give a specific prognostic assessment of the need to introduce management innovations. A number of methods and techniques are already available to evaluate the effectiveness of such large-scale solutions and related investments. Many researchers are taking steps to determine the specific economic effect of innovation. However, most often we study macroeconomic performance indicators at the state level. We believe that it is necessary to develop methods and techniques for assessing the possibility of innovative development at the level of regions, municipalities, and individual economic entities

Введение

Инновационная активность России за последние годы не испытывала ни взлетов, ни падений: доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, колеблется в пределах 10% [1]. Это невысокий уровень на фоне развитых стран, однако в российской экономике уже сложилась когорта устойчи-

вых инновационных предприятий. Она может стать целью госполитики по поддержке и продвижению инноваций. Кроме того, устойчиво треть предприятий, осуществляющих инновации, занимается исследованиями и разработками, что дает некие перспективы для повышения конкурентоспособности инновационной продукции.

Между тем по уровню инновационной активности российская экономика заметно уступает не только ведущим индустриальным странам (Германия – 70%; Канада – 65%; Бельгия – 60%; Ирландия, Дания и Финляндия – 55–57%), но и большинству государств Центральной и Восточной Европы, где этот показатель находится в интервале 20–40%. Кроме того, Россия заметно проигрывает на международном рынке по экспорту высокотехнологичных продуктов [2]. Доля России на этом рынке – всего четверть процента. Эксперты отмечают и интересную особенность инновационности нашей страны: существует прямая зависимость инновационной активности от размера предприятий. Так, среди организаций с численностью работников до 49 человек доля технологических инноваторов составила 1,2%, в группе от 50 до 99 человек – 4,6%, от 5000 до 9999 человек – до 70,1% и свыше 10 тыс. человек – 76,6% [1]. Росстатом также рассчитывается показатель «Уровень инновационной активности организаций промышленного производства» (Показатель рассчитан в соответствии с международными рекомендациями по статистическому измерению инноваций, реализуемому ОЭСР совместно с Евростатом (Руководство Осло). С 2010 до 2017 года в соответствии с 3 редакцией Руководства Осло, начиная с пересчета за 2017 год в соответствии с 4 редакцией Руководства Осло. Наблюдается тенденция снижения показателя). Несмотря на все расчеты (ВШЭ, Росстат и др.), мы считаем недостаточным в существующей аналитической литературе интерес к определению перспектив инновационного развития отдельных регионов и территорий. В данном исследовании будет рассмотрена авторская система показателей и методы определения перспектив территориального инновационного развития.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали работы самих авторов [3,4], других ученых, материалы СМИ, находящиеся в открытом доступе. Кроме того, изучены статистические и аналитические материалы и показатели [1,2]. Методы исследования – научный обзор специализи-

рованной литературы, изучение данных статистики (табл.1), SWOT-матрица для развития инноваций в России Нью-Йоркской академии наук, авторская система показателей, метод многомерного анализа. Изучая прогресс России в области диверсификации экономики, мы пришли к заключению, что результаты действующей модели развития весьма ограниченные. Вопреки модернизационной риторике, на долю нефти и газа в настоящее время приходится около 70% общего объема товарного экспорта; доходы от продажи энергоносителей обеспечивают около половины федерального бюджета. В индексе MSCI Russia на долю несырьевых секторов приходится в целом менее четверти всей рыночной капитализации. Для оценки эффективности таких масштабных вложений уже существует ряд методов и приемов. Многими исследователями предпринимаются шаги по определению конкретного экономического эффекта инновационной деятельности. Но чаще всего изучаются макроэкономические показатели деятельности на уровне государств. Мы считаем, что необходимо разработать методы и приемы оценки возможности инновационного развития на уровне регионов, муниципальных образований, и отдельных хозяйствующих субъектов.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенного исследования мы выяснили, что Нью-Йоркская академия наук обобщила исторический опыт пяти стран: Израиля, США, Франции, Индии и Тайваня. Она также проанализировала состояние дел в области инноваций в России и дала конкретные рекомендации, учитывающие полученный опыт и уже заявленные приоритеты развития страны. Кроме того, озвучены предостережения, сделанные на основе анализа ошибок и провалов, допущенных другими странами. Результатом этой работы SWOT-матрица для развития инноваций в России.

SWOT – анализ – это определение сильных и слабых сторон объекта, а также возможностей и угроз, исходящих из его окружения (внешней среды).

Сильные стороны (Strengths) – преимущества объекта;

Слабости (Weaknesses) – недостатки объекта;

Возможности (Opportunities) – факторы внешней среды, использование которых создаст преимущества объекта;

Угрозы (Threats) – факторы, которые могут потенциально ухудшить положение объекта. Важны различия между элементами SWOT: силами, слабостями, возможностями и угрозами. Сильные и слабые стороны – это внутренние черты компании, следовательно, ей подконтрольные. Возможности и угрозы связаны с характеристиками рыночной среды и неподвластны влиянию [2].

Итак, для развития инноваций в России SWOT-матрица выглядит так:

Сильные стороны

Высокий научный и образовательный потенциал, признанный в мире, наличие крупных научно-образовательных центров и большой технологический запас; большой внутренний рынок; значительный объем финансирования государственных инициатив в области поддержки высоких технологий; географическое положение и исторические связи в центре Евразии с прямыми доступами на европейские, азиатские и ближневосточные рынки.

Слабые стороны

Слабый спрос на инновации на внутреннем рынке; слабая инфраструктура (доступ к офисным площадям, жилью, телекоммуникациям и т.д.); неразвитая финансовая система (долговое финансирование, прямые и венчурные инвестиции, биржевые площадки); недружественная к высокотехнологичным бизнесам налоговая и правовая система; отсутствие предпринимательских традиций; незнание международных рынков, плохие связи у национального бизнеса; плохая репутация страны у международных инвесторов.

Перспективы развития

Рост спроса на внутреннем и мировом рынках на продукты и услуги в сфере высоких технологий; существующий разрыв между сильной российской наукой и способностью создавать на базе этой науки новые продукты и новыми компаниями, создающий потенциал быстрого роста в случае внедрения процессов коммерциализации; государственные инфраструктурные проекты: проект «Сколково», технопарки, особые

экономические зоны и технологические кластеры; пользующиеся государственной поддержкой институты развития, активно развивающие международное сотрудничество и стимулирующие местные инвестиции; рецессия в развитых странах, сокращающая возможности трудоустройства и открывающая окно для привлечения мировых талантов в Россию; расширение глобальных инвестиционных институтов и венчурного капитала, ищущих выхода на внешние рынки; большая русская диаспора за рубежом, особенно в США и Израиле.

Опасности

Быстрый неконтролируемый рост издержек, в том числе расходов на заработную плату; конкуренция с зарубежными компаниями; утечка мозгов и технологий, возникновение кадрового голода; коррупция и административные барьеры; агрессивная и недобросовестная конкуренция со стороны крупных российских компаний [5].

Можно ли данную методику применять к конкретным регионам? Изучая аналитику инновационного развития РФ [1,2], не удалось найти оценки инновационного потенциала регионов. Особенно мало статистических данных по этому направлению содержит статистика по ЮФО – региону, где живут авторы. Можно ли тогда использовать показатели, применяемые для определения инвестиционной привлекательности региона? Что будет интересовать инвесторов при определении территории, перспективной для вложения средств? Попробуем перечислить факторы, которые изучаются и органами власти, и бизнесменами, чтобы определить привлекательность того или иного региона для запуска очередного проекта, вложения средств и т.д.:

1. Показатель и индекс численности населения региона [6];
2. Показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы одного работника [7];
3. Показатель ввода в эксплуатацию жилых домов [8];
4. Соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты в регионах ЮФО, % [9];
5. Показатель и индекс физического объема валового регионального продукта;

Таблица 1

Некоторые экономические показатели регионов ЮФО, влияющие на инвестиционную привлекательность

Регионы ЮФО	Показатель численности населения региона (в 2019 г., тыс. чел.)	Индекс численности населения региона	Показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы одного работника, руб.	Показатель ввода в эксплуатацию жилых домов	Соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты в регионах ЮФО, %
Республика Калмыкия	272,6	0,990	27357,7	37	86,2
Республика Адыгея	454,7	1,003	28787,3	103,2	69,2
Республика Крым	1911,8	0,999	31890,8	182,2	13,9
г. Севастополь	443,2	1,015	33083,1	119,2	15,9
Астраханская область	1014,0	0,997	34611	158,2	54,3
Волгоградская область	2507,5	0,995	31903	274,8	53,4
Ростовская область	4202,3	0,996	32668,9	1191,7	58,1
Краснодарский край	5648,2	1,008	35387,4	1807,3	55,5

Таблица 2

Матрица рейтинговых оценок регионов ЮФО на основе табл. 1

Регионы ЮФО	Показатель численности населения региона (в 2019 г., тыс. чел.)	Индекс численности населения региона	Показатель среднемесячной номинальной начисленной заработной платы одного работника, руб.	Показатель ввода в эксплуатацию жилых домов	Соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты в регионах ЮФО, %
Республика Калмыкия	1	1	1	1	1
Республика Адыгея	3	6	2	2	2
Республика Крым	5	5	3	5	8
г. Севастополь	2	8	6	3	7
Астраханская область	4	4	7	4	5
Волгоградская область	6	2	4	6	6
Ростовская область	7	3	5	7	3
Краснодарский край	8	7	8	8	4

Таблица 3

Рейтинг регионов ЮФО на основе табл. 1

Регионы ЮФО	Набранные баллы	Место в рейтинге
1. Краснодарский край	35	1
2-3. Республика Крым – г. Севастополь	26	2-3
4. Ростовская область	25	4
5-6. Астраханская область – Волгоградская область	24	5-6
7. Республика Адыгея	15	7
8. Республика Калмыкия	5	8

6. То же на душу населения;

7. Показатель и индекс физического объема промышленного производства (то же);

8. оборот розничной торговли на душу населения и т.д.

Сравним некоторые из предлагаемых показателей регионов ЮФО.

Преобразуем собранные цифры в матрицу – рейтинг, выставя максимальное количество баллов (по 8-значной шкале (по числу регионов ЮФО)), и, выполнив таким образом, экспресс-анализ, определим рейтинг инвестиционной привлекательности. Без цифрового подтверждения мы (путем опроса) выяснили, что наиболее привлекательным сейчас является Республика Крым. Проверим:

Таким образом, регионы разместятся по ранжиру по лучшим показателям, выбранным нами для определения интереса инвесторов:

Лидером с большим отрывом стал Краснодарский край. Скорее всего, так же думают и инвесторы. Развитие региона идет с большим опережением, инвестиции имеют решающее значение для экономики, и она развивается, все больше отрываясь от аутсайдеров.

Однако нашей задачей было проверить – сопоставимы ли оценки привлекательности территории для инвесторов и инновационного потенциала региона? Пожалуй, здесь нужна другая выборка. Дело в том, что Краснодарский край, как и занявшие 2-3 места Крым и Севастополь привлекательны для инвесторов не как производственные центры, а как курортные территории. Близость и нахождение на Черном море, природно-климатические особенности делают

эти территории привлекательными. Использовать в оценке инновационного потенциала факторы инвестиционной привлекательности не могут.

И здесь поднимается актуальная и для других территорий ЮФО проблема – если нет моря – чем привлечь инвесторов? Климат теплый, солнечных дней в Волгоградской и Астраханской областях под 300 в году. Купаться, загорать можно 5 месяцев, плохой погоды в этот период не бывает. Очень хорошие условия для летнего отдыха и в Ростовской области. Возможно, это не используемый потенциал развития? Ведь до сих пор эти территории использовались как крупные промышленные и сельскохозяйственные центры. Может быть, именно туризм должен вернуть в регионы жителей и активизировать инвестиционный процесс?

Для развития нашей Волгоградской области проблема инвестиций особенно актуальна. По уровню социально-экономического положения за 2019 год регион попал в список наихудших в России. В 2018 году аутсайдеров в России оказалось большинство – 52 субъекта, 20 из которых (*Волгоградская область среди них*) продемонстрировали самые плачевные результаты. Соответственно, и бизнес региона чувствует себя неважно. Волгоградская область прочно удерживает 10-ю позицию в рейтинге самых слабых по развитию реального сектора экономики субъектов РФ. В соседних Астраханской и Ростовской областях положение у коммерсантов, напротив, более выгодное, чем в среднем по стране. По итогам 2018 года министерство регионального развития РФ обозначило Волгоградскую область, как «инвести-

ционно непривлекательную» территорию. Впрочем, неинтересных для финансовых вложений субъектов в России большинство – 58 из 83-х. По объемам ввода жилья регион также среди отстающих [10].

Кроме этого, Волгоградская область оказалась и в числе 42 территорий страны, где наименьший уровень доходов населения. А в 21 регионе, среди которых и волгоградский, реальные денежные доходы упали. Положительная динамика отмечается лишь в сельском хозяйстве. Индекс производства продукции аграриев Волгоградской области выше 100%. Таких регионов на страну оказалось всего 26 [11].

Заключение

Российская экономическая политика может быть адекватной только в том случае, если ее стержнем окажется ставка на создание новых направлений развития, новых производств, а не перегруппировка уже созданных активов. Малый бизнес может играть две роли – социальную и технологическую. Социальная – это устойчиво малый бизнес местного значения, который решает проблему региональной занятости и в определенной мере снижающий иждивенческие настроения на данной территории. В данном случае о налогах можно было бы вообще забыть, кроме персональных. В случае с технологическим малым бизнесом (развивающим новые продукты) необходима установка на рост, стимулирование перерастания малого бизнеса

в крупный. В конкурентной среде бизнес – лучший определитель приоритетов экономического развития. Производство в России упало сильнее, чем в других ведущих странах, при полном отсутствии финансовых предпосылок для этого. Однако корректировки не произошло. Под разговоры о социальной направленности и социальных обязательствах был усилен «производственный собес».

Этот механизм воспроизводился в последние годы в «рыночной» российской экономике: дотирование неэффективных бизнесов за счет изъятия доходов у более-менее состоявшихся производств стало основным инструментом «подтягивания» экономики под желаемые текущие показатели. Меры ЦБ по поддержке рубля, «проектное финансирование», докапитализация госбанков, направление средств ФНБ на дотации, непрозрачное кредитование – все это формы перекачки ресурсов из эффективных бизнесов в бизнесы неэффективные. Одной из основных причин развала советской экономики был именно этот процесс – попытка через государственные дотации удержать экономику в границах устаревших технологий (производственных, социальных, управленческих).

Выполненный в статье анализ методов определения инновационной и инвестиционной привлекательности территорий заставляет задуматься о разных направлениях инвестиционной политики и поиске новых путей развития региональных экономик.

Библиографический список

1. ВШЭ. Индикаторы инновационной деятельности // Статистический сборник. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii2019> (дата обращения 06.09.2020).
2. Шик Е.В., Шарова И.В. Анализ инновационной активности России на основе международного сопоставления. [Электронный ресурс]. URL: <http://edrj.ru/article/11-06-2019> (дата обращения 06.09.2020).
3. Мазница Е.М., Бриштен С.В. Формирование системы показателей и применение метода анализа иерархий для определения эффективности инноваций // Экономический анализ – теория и практика. 2013. №13(316). С. 24-33.
4. Мазница Е.М. Применение SWOT-анализа для оценки перспектив инновационного развития экономики // Материалы 9-й международной научно-практической конференции «Перспективные исследования», 17-25 февраля 2013 г., София, Болгария – 88 с.
5. Смирнов В. Матрица будущего // РБК Дейли. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru> (дата обращения 06.09.2020).

6. Ионова Л. Вакансии переезжают в мегаполисы [Электронный ресурс]. URL: [http://rg.ru/region/info/04/06/19, №119 \(7877\)](http://rg.ru/region/info/04/06/19, №119 (7877)). (дата обращения 06.09.2020).
7. Винник С., Коротченко Н., Мерзляков Р. Отгул или прогул [Электронный ресурс]. URL: [http://rg.ru/region/info/17/09/19, №207 \(7965\)](http://rg.ru/region/info/17/09/19, №207 (7965)) (дата обращения 06.09.2020).
8. Мельников Р. Обманутых дольщиков не будет [Электронный ресурс]. URL: [http://rg.ru/region/info/31/12/19, №296 \(8054\)](http://rg.ru/region/info/31/12/19, №296 (8054)). (дата обращения 06.09.2020).
9. Калмыкия возглавила рейтинг закредитованных регионов // [Электронный ресурс]. URL: [http://rg.ru/region/info/14/01/20, №4 \(8058\)](http://rg.ru/region/info/14/01/20, №4 (8058)). (дата обращения 06.09.2020).
10. Кувшинова А. Волгоградская область в цифрах // Деловое Поволжье. 2019. №12. [Электронный ресурс]. URL: www.politmagazine.ru/articles/2019/09/27. (дата обращения 06.09.2020).
11. Волгоградская область оказалась непривлекательна для инвесторов V1. [Электронный ресурс]. URL: <http://v1.ru/text/newsline/883685.html>. (дата обращения 06.09.2020).

УДК 330.341

Ю. Г. Мыслякова

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, e-mail: jul_jul@inbox.ru

УСТОЙЧИВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова: социальный иммунитет, устойчивое развитие, экономика региона, оценка, уральские территории.

В настоящее время обеспечение устойчивого развития экономики регионов является одной из актуальных междисциплинарных задач. В данной работе предложены научные рекомендации, позволяющие найти новые варианты решения сложившихся региональных проблем через призму оценки социального иммунитета территории. В статье присутствует гипотеза, что социальный иммунитет территории влияет на устойчивость ее экономики. Для доказательства гипотезы решены следующие задачи: разработана методика оценки социального иммунитета; апробирована методика на примере территорий уральского региона; выявлено влияние социального иммунитета на развитие экономики территории. Авторский методический подход позволяет моделировать ядро социального иммунитета любой территории на основе применения норм Фробениуса, отражающих положительные и отрицательные трансформации общества. Апробация методических рекомендаций по оцениванию социального иммунитета проводилась на примере таких уральских территорий, как Свердловская, Курганская, Челябинская и Тюменская области на временном интервале 2010-2018 гг. Результатом данного исследования стало доказательство гипотезы, а также вывод, что отсутствие социального иммунитета у территории приводит к недополучению экономических эффектов субъектами хозяйствования и повышает ее уязвимость экономическим дестабилизирующим внешним воздействиям, имеющим как случайный, так и закономерный характер.

Yu. G. Myslyakova

Institute of Economy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, e-mail: jul_jul@inbox.ru

SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OVER SOCIAL IMMUNITY OF THE TERRITORY

Keywords: social immunity, sustainable development, region economy, assessment, Ural territories.

Now ensuring sustainable development of economy of regions is one of relevant cross-disciplinary tasks. In this paper scientific recommendations, new options allowing to find solutions of the developed regional problems through a prism of assessment of social immunity of the territory are offered. At article there is a hypothesis that the social immunity of the territory affects stability of its economy. For the proof of a hypothesis the following tasks are solved: the technique of assessment of social immunity is developed; the technique on the example of territories of the Ural region is approved; influence of social immunity on development of economy of the territory is revealed. Author's methodical approach allows to model a kernel of social immunity of any territory on the basis of use of the norms of Frobenius reflecting positive and negative transformations of society. Approbation of methodical recommendations about estimation of social immunity was carried out on the example of such Ural territories as the Sverdlovsk, Kurgan, Chelyabinsk and Tyumen regions on a time interval of 2010-2018. The proof of a hypothesis and also a conclusion that the lack of social immunity at the territory leads to short-reception of economic effects by subjects of managing became result of this research and increases its vulnerability to the economic destabilizing external influences having both accidental, and natural character.

Введение

В настоящее время обеспечение устойчивого развития экономики регионов является одной из актуальных междисциплинарных задач, требующей принципиально новых направлений решения сложившихся региональных проблем, учитывающих природу социального и экономического развития

территорий, механизмы анализа условий изменчивости, идентичности и гетерогенности развития региональных систем, а также формализующих «наследственные записи» территории в систему детерминант ее устойчивости и динамичности во времени.

Одним из таких направлений является формирование защитного механизма

региона, противостоящего внешним и внутренним воздействиям, обеспечивающим его целостность и жизнеспособность в условиях системных экономических трансформаций общества. Таким механизмом, по мнению таких авторов, как Т. Парсонс, Н. Луман [1], П. Штомпка [2], А. Зиновьев [3], Р. Гринберг, А. Рубинштейн [4], Э. Эрикссон, М. Предовская, И. Мазуренко [5], выступает социальный иммунитет территории, который в экономическом контексте исследования, отвечает за развитие у региона способности противостоять потенциальным рискам внешних и внутренних потрясений и создает условия для системного восстановления после деструктивных событий, благодаря наличию внутренних не задействованных ранее ресурсов и активов [6,7,8]. Тогда можно говорить о важной функции данного иммунитета, заключающейся в фокусировании региона на создании устойчивых конкурентных преимуществ в динамике с экстраполяцией в будущее и способности хозяйствующего субъекта нивелировать потенциальные угрозы и выходить из экстремальных ситуаций с минимальными потерями путем адаптации общества к сигналам и вызовам. Такая функциональность социального иммунитета позволяет констатировать, что он отвечает за наследование защищенности рассматриваемого общества перед неблагоприятными факторами и наделяет его необходимым набором свойств, в комплексе представляющим потенциал устойчивого развития экономики.

Целью данного исследования служит доказательство научной гипотезы, что социальный иммунитет территории оказывает влияние на устойчивое развитие ее экономики. Для доказательства гипотезы необходимо решить следующие последовательные задачи: разработать методику оценки социального иммунитета; апробировать методику на примере территорий уральского региона; выявить связь социального иммунитета уральских территорий с устойчивым развитием их экономики.

Материалы и методы исследования

Используемый метод исследования построен на понимании того, что у территории сохраняется социальный им-

мунитет до тех пор, пока выполняется условие, превышения динамики положительных трендов над динамикой отрицательных изменений, протекающих в обществе. Кроме того, так как социальный иммунитет мы рассматриваем в контексте его влияния на устойчивое развитие экономики, то его составляющие должны оказывать прямое воздействие на данное динамическое состояние. По мнению А. Аганбегяна, Т. Заславской, З. Калугиной, экономика территорий устойчиво развивается тогда, когда выполняются три основных социальных условия [9,10].

1. Присутствующие на территории тренды интеллектуального и культурного развития населения стимулируют производственный потенциал общества.

2. Удовлетворение основных нужд населения в потреблении и трудоустройстве в масштабах, позволяющих поддерживать высокий уровень производительности экономики.

3. Поддержка устойчивой численности населения, соответствующей производительной способности экономики, достаточной для обеспечения высокого качества жизни общества.

Эти условия устойчивого развития экономики обуславливают выбор определенных оценочных параметров социального иммунитета, отражающих влияние состояния общества на процессы, протекающие в хозяйственных механизмах региона:

– сохранение здоровья населения, выражаемое нами через потенциал самочувствия населения (P_{health}). Данный показатель отражает динамики сокращения средней продолжительности жизни, роста смертности, особенно в трудоспособном возрасте, увеличения численности лиц, с хроническими заболеваниями [11]. Негативные изменения в области обеспечения общественного здоровья являются индикатором трансформаций социально-экономических условий жизнедеятельности людей, и сигнализируют об угрозе безопасности процессов регионального воспроизводства и накопления;

– активизация трудового потенциала населения (P_{labor}), в том числе через повышения уровня образования и вовлечение населения в инновационную

сферу. Об этом в своих работах отмечал П. Ромер, который утверждал, что для стабильного роста ВРП необходимо инвестировать в образование населения также, как и в рост населения и стимулирование производительности труда [12];

– стабилизация воспроизводственного потенциала населения ($P_{production}$) заключается в стабилизации темпов роста ВРП, приходящегося на душу населения; фиксировании занятого населения в производственных процессах и поддержки высокого уровня дохода, обуславливающего процессы потребления на региональном уровне.

Представленные выше оценочные параметры социального иммунитета должны составлять основу инструментария доказательства нашей гипотезы. Авторский метод оценки социального иммунитета сводится к следующей последовательности шагов.

Шаг 1. Выявление оценочных индикаторов, раскрывающих потенциал самочувствия, трудовой потенциал и воспроизводственный потенциал населения. С одной стороны, данные индикаторы должны отражать связь изменения социальных процессов, протекающих в обществе, с трансформацией экономиче-

ских трендов развития, с другой, – содержательно отражать динамику изменения и при этом быть безразмерными величинами для интеграции в один оценочный показатель, называемый нами «ядро» социального иммунитета. Для выполнения двух этих условий предлагаем обозначенные выше потенциалы населения раскрывать через индексы (рисунок).

Расчет каждого из индексов получается путем соотношения рассматриваемого показателя в текущем временном периоде к показателю предыдущего периода. Более точные выводы при анализе социального иммунитета позволит сделать применение индексов за временной период путем усреднения его полученных значений на всем его интервале. Структурные параметры социального иммунитета имеют морфологию, представленную на рисунке 1.

Шаг 2. Моделирование ядра социального иммунитета региона, в нашем случае имеющего матричный формат «А», элементами которого являются потенциалы населения территории, интегрирующие в себе действующие социальные тренды изменения его функционирования, и влияющие на динамику экономики, см. формула 1:

Параметр	Индикатор
Потенциал самочувствия населения (P_{health})	Индекс естественного прироста населения (P_{health_1})
	Индекс общего коэффициента рождаемости (P_{health_2})
	Индекс заболеваемости населения (P_{health_3})
Трудовой потенциал населения (P_{labor})	Индекс доли занятого населения в общей численности населения (P_{labor_1})
	Индекс доли населения с высшим образованием в общей численности занятого населения (P_{labor_2})
	Индекс численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками (P_{labor_3})
Воспроизводственный потенциал населения ($P_{production}$)	Индекс ВРП на душу населения ($P_{production_1}$)
	Индекс среднегодовой численности занятого населения ($P_{production_2}$)
	Индекс среднедушевых денежных доходов населения ($P_{production_3}$)

Параметры и индикаторы социального иммунитета территории

$$A = \begin{vmatrix} P_{health_1} & P_{health_2} & P_{health_3} \\ P_{labor_1} & P_{labor_2} & P_{labor_3} \\ P_{production_1} & P_{production_2} & P_{production_3} \end{vmatrix} \quad (1)$$

Шаг 3. Для определения размера ядра социального иммунитета предлагаем использовать нормы Фробениуса, отражающие положительные и отрицательные тренды в обществе и позволяющие систематизировать изменения потенциалов населения по знаку «+» и «-», см. формула 2, 3 и 4:

$$\|A^+\| = \sqrt{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n a_{ij}^2} \quad \text{при } a_{ij} > 0, \quad (2)$$

$$\|A^-\| = \sqrt{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n a_{ij}^2} \quad \text{при } a_{ij} < 0, \quad (3)$$

$$Core_Social_immunity = \|A^+\| - \|A^-\|, \quad (4)$$

где Core_Social_immunity – ядро социального иммунитета территории,

$\|A^+\|$ – положительная норма матрицы,

$\|A^-\|$ – отрицательная норма матрицы,

a_{ij} – элементы матрицы A (индикаторы социального иммунитета территории).

Полученная модель ядра социального иммунитета может быть применена для любого уровня территории, имеет универсальный характер и отражает силу общества противостоять случайным воздействиям, быть защищенным за счет своих эндогенных факторов и поддерживать/стагнировать развитие экономики.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ социального иммунитета производился нами на примере таких территорий уральского региона, как Курганская область, Свердловская область, Челябинская область, Тюменская область, за период 2010 – 2018 гг. По первому показателю социального иммунитета нами были получены выводы, о том, что Индекс естественного прироста населения и Индекс общего коэффициента рождаемости на всех рассматриваемых территориях имеют отрицательные динамики на всем временном периоде. При этом естественный прирост населения на территориях Свердловской и Челябинской области имеет наиболее ухудшающиеся тенденции. Индекс заболеваемости населения на территориях УрФО, кроме Челябинской области, имеет отрицательную динамику, свидетельствующую о постоянном росте болезней населения (табл. 1). В целом потенциал самочувствия населения уральских территорий имеет отрицательную динамику по всем оценочным индикаторам. Кроме того, большинство территорий фиксируют снижение доли занятого населения в общей численности населения, что негативно сказывается на экономических процессах в уральском регионе.

Таблица 1

Морфология социального иммунитета УрФО по территориям за 2010-2018 гг.

Уральский ФО	P_health_1	P_health_2	P_health_3	P_labor_1	P_labor_2	P_labor_3	P_production_1	P_production_2	P_production_3
Курганская область	-0,083	-0,026	-0,011	-0,010	-0,152	-0,004	0,091	-0,020	0,054
Свердловская область	-0,511	-0,017	-0,002	-0,009	0,007	0,001	0,108	-0,008	0,066
Челябинская область	-0,409	-0,022	0,003	0,002	0,046	0,006	0,120	0,002	0,061
Тюменская область	-0,023	-0,020	-0,003	-0,007	0	0,012	0,102	0,004	0,061

Таблица 2

Социальный иммунитет УрФО в разрезе территорий за 2010 – 2018 гг.

Уральский ФО	A ⁺	A ⁻	Core_Social_immunity	Индекс ВРП
Курганская область	0,105955919	0,176816367	-0,070860448	0,080
Свердловская область	0,126958505	0,511124179	-0,384165674	0,109
Челябинская область	0,142500368	0,410136518	-0,26763615	0,111
Тюменская область	0,119818334	0,031112693	0,088705641	0,115

Доля населения с высшим образованием в общей численности занятого населения только на территории Челябинской области имеет положительный тренд за весь период исследования. Худшая динамика данного показателя фиксируется на территории Курганской области. Индекс численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, имеет устойчивость проявления в уральском регионе, за исключением Курганской области, где наблюдается его стагнирование. Трудовой потенциал населения Челябинской области имеет наилучшую динамику в виде положительной устойчивости.

Воспроизводственный потенциал населения уральского региона в разрезе Челябинской и Тюменской области устойчив, в отличие от других рассматриваемых территорий. Курганская область по Индексу среднегодовой численности занятого населения фиксирует снижение темпов роста, что обусловлено внутренней трудовой миграцией. Аналогичная динамика данного индекса характерна и для Свердловской области. В ближайшее время ожидается дальнейший тренд на его снижение, так как социологические опросы, проводимые нами среди молодежи позволяют отметить высокую заинтересованность выпускников вузов в поиске работы и трудоустройстве в столичных регионах и европейских странах.

Свердловская область имеет наилучший темп роста среднедушевых денежных доходов населения, обусловлено это трудоустройством населения, в том числе в сфере малого и среднего предпринимательства, а также реализацией стратегий диверсификации отраслевой структуры экономики территорий.

Полученные нормы матриц иллюстрируют, что скрытыми ядерными силами обладает Тюменская область, поскольку сила положительных трендов, протекающих в обществе на данной территории, существенно превышает силу отрицательных динамик (табл. 2).

Наши наблюдения иллюстрируют, что Свердловская область имеет наиболее слабый социальный иммунитет, который препятствует устойчивому развитию экономики территории. Также для этой территории фиксируются риски ухудшения социально-экономического положения, поскольку область имеет ряд серьезных скрытых проблем практически по всем составляющим рассматриваемых потенциалов. Челябинская область также обладает социально-экономическим генотипом, содержащим превышение отрицательных темпов социальных изменений и доминирования их влияния на показатели хозяйственной деятельности.

В целом можно отметить, что значение ядра социального иммунитета уральского региона лежит в диапазоне [-0,38; 0,09]. Кроме того, примечательным моментом здесь служит наше наблюдение, которое отмечается на примере Тюменской области. Так, если социальный иммунитет у территории есть, т.е. значение рассматриваемой дельты положительное, то и темпы роста ее ВРП выше, чем у территорий с отсутствием состояния социальной безопасности общества и низкой устойчивостью к потрясениям. Это в свою очередь подтверждает нашу гипотезу о том, что социальный иммунитет является одним из источников устойчивого развития экономики. Еще одно наше наблюдение фиксирует корреляцию отрицательных значений соци-

ального иммунитета, вызывающих его отсутствие, с недополучением ВРП, поскольку темпы роста данного показателя устойчивы на одном уровне и увеличиваются незначительно на всем временном периоде исследования.

Выводы

В рамках данной статьи нами была выдвинута гипотеза, что социальный иммунитет региона выступает одним из источников устойчивого развития его экономики. Для доказательства гипотезы была разработана универсальная методика оценки социального иммунитета с учетом влияния параметров состояния общества на экономическое развитие его территорий. Данная методика была апробирована на примере уральских регионов одного федерального округа. Результатом данного исследования стала идентифи-

кация территории, обладающей социальным иммунитетом на временном периоде 2010-2018 гг. с устойчивой динамикой роста ВРП. Также было установлено, что отсутствие социального иммунитета у региона приводит к недополучению экономических эффектов его субъектами хозяйствования и подверженности территории к экономическим дестабилизирующим внешним воздействиям, имеющим как случайный, так и закономерный характер. Опираясь на выявленные тенденции, можно утверждать, что гипотеза доказана. Для получения более достоверных результатов данное исследование будет продолжено с расширением охвата территорий при апробации авторской методики оценивания и установления зависимости устойчивых экономических трендов развития от социальных процессов, протекающих в обществе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00802 «Моделирование базового кода индустриального развития экономики региона с учетом его генетического профиля».

Библиографический список

1. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.
2. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3-12.
3. Зиновьев А.А. Кризис коммунизма. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=966zinovev_aleksandr_krizis_kommunizma (дата обращения 23.09.2020).
4. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическое неравенство: текущая практика и современная теория. Стенограмма семинара. М., 2006. URL: http://www.gorby.ru/img.php?img=file&art_id=24951 (дата обращения 01.09.2020).
5. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996.
6. Татаркин А. Конкурентное позиционирование регионов и территорий в пространственном развитии России // Вестник ОГУ. 2013. №8 (157). С. 148-158.
7. Важенин С.Г., Важенина И.С. Идентификация и оценка территориальной конкуренции // Экономика региона. 2012. № 1. С. 29-40.
8. Берсенёв В.Л. Экономическая безопасность в ретроспективе // Экономика региона. 2012. № 2. С. 219-226.
9. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2004. 272 с.
10. Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / ред. кол.; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. сиб. предприятие РАН, 1999. 736 с.
11. Ефремова Т.М. Социально-экономический потенциал общественного здоровья // Отечественный журнал социальной работы. 2009. №3. С. 35-40.
12. Romer P. Endogeneous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. October. P. 71-102.

УДК 338.23

Д. Г. Родионов¹, А. А. Зайцев², Н. Д. Дмитриев³

¹ ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург, e-mail: rodion_dm@mail.ru

² ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург, e-mail: andrey_z7@mail.ru

³ ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург, e-mail: ndmitriev1488@gmail.com

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, экономическая безопасность, интеллектуальные ресурсы, инновационная экономика, интеллектуальная безопасность, устойчивое развитие.

Обеспечение экономической безопасности государства является важным направлением национальной стратегии долгосрочного развития, в рамках которого определяются основные угрозы экономической стабильности и потенциальные возможности воспрепятствовать им с помощью доступных социально-экономических механизмов. Устойчивое развитие возможно лишь при создании конкурентноспособной экономики, что в современных условиях невозможно осуществить без инновационного развития и повышения качества человеческих ресурсов. Именно данные аспекты определяют значимость интеллектуального капитала нации, который становится основным детерминантом устойчивого развития и поддержания конкурентноспособности национальной экономики в условиях интенсификации процессов глобализации. Цель данного исследования заключается в рассмотрении интеллектуального капитала в контексте обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Для достижения данной цели предлагается рассмотреть сущность интеллектуальной безопасности государства, проанализировать текущее интеллектуальное положение отечественной экономики и определить основные тенденции развития интеллектуального потенциала. На основе авторского анализа имеется возможность судить об интеллектуальном положении России и выявить интеллектуальные угрозы для поддержания экономической стабильности. Также предлагается рассмотреть авторскую модель зависимости основных показателей результатов инновационной деятельности от финансирования интеллектуального развития на государственном и региональном уровнях. На основе выявленной зависимости имеется возможность прогнозирования интеллектуального потенциала от увеличения объемов финансирования. В дальнейшем планируется оценить взаимосвязь отдельных интеллектуальных результатов от конкретного направления инвестирования.

D. G. Rodionov¹, A. A. Zaitsev², N. D. Dmitriev³

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, e-mail: rodion_dm@mail.ru

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, e-mail: andrey_z7@mail.ru

³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, e-mail: ndmitriev1488@gmail.com

INTELLECTUAL CAPITAL IN THE STRATEGY OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Keywords: intellectual capital, economic security, intellectual resources, innovative economy, intellectual security, sustainable development.

Ensuring the economic security of the state is an important area of the national strategy for long-term development, which identifies the main threats to economic stability and potential opportunities to prevent them through available socio-economic mechanisms. Sustainable development is possible only when creating a competitive economy, which in modern conditions cannot be achieved without innovative development and improving the quality of human resources. These aspects determine the importance of the nation's intellectual capital, which becomes the main determinant of sustainable development and maintaining the competitiveness of the national economy in the context of the intensification of globalization processes. The purpose of this research is to examine intellectual capital in the context of ensuring economic security of the Russian Federation. To achieve this goal, it is proposed to consider the essence of intellectual security of the state, analyze the current intellectual situation of the domestic economy and determine the main trends in the development of intellectual potential. Based on the author's analysis, it is possible to judge the intellectual position of Russia and identify intellectual threats to maintaining economic stability. It is also proposed to consider the author's model of the dependence of the main indicators of innovation performance on the financing of intellectual development at the state and regional levels. Based on the revealed dependence, it is possible to predict the intellectual potential of increasing funding. In the future, it is planned to evaluate the relationship of individual intellectual results from a specific investment direction.

Введение

Процессы глобализации и международной интеграции труда приводят к ужесточению мировой конкуренции и возрастанию экономической нестабильности. В таком контексте повышается значимость вопросов, связанных с достижением экономической безопасности государства. Являясь одной из важнейших функций национальной политики, экономическая безопасность определяет жизнеспособность экономики, а также ее способность оказывать сопротивление внутренним и внешним экстерналиям. Рассматривая российскую специфику, актуальность обеспечения экономической безопасности связана с социально-политическими изменениями, происходящими в отечественной экономике на протяжении последних десятилетий. С этой целью потребовалось создать научно обоснованную концепцию, основные направления которой прописаны в Стратегии национальной безопасности РФ, подписанной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [1; 2].

В частности, одним из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности является создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирование развития инновационного и человеческого потенциала, что напрямую связано с формированием и качественной трансформацией интеллектуального капитала на национальном уровне [1; 3]. Такое направление можно назвать интеллектуальной безопасностью, сущность которой тесно связана с особой ролью использования способностей людей генерировать и усваивать новые знания, осуществлять их практическое воплощение, что активизирует процессы научно-технического прогресса, поднимает на новый уровень конкурентоспособность национальной экономики и способствует предотвращению угроз макроэкономической нестабильности [4].

Информационное общество во всем мире признает значимость интеллектуальных факторов для экономического и социального прогресса общества. В наиболее технологически развитых странах

предпринимается ряд мер для формирования интеллектуального потенциала. Поддержание динамизма, масштабности и устойчивости интеллектуальной сферы оказывает положительное воздействие на экономический рост и конкурентоспособность национальной экономики. Во всем мире сфера интеллектуальной деятельности становится способом достижения стратегических национальных целей, создавая возможности для получения стратегических преимуществ за счет интенсивного роста [5; 6].

Цель исследования заключается в рассмотрении текущего положения интеллектуального капитала в стратегии обеспечения экономической безопасности России. Для достижения цели предлагается проанализировать основные показатели отечественного уровня интеллектуализации и инновационного развития, а также определить тенденции развития интеллектуального потенциала страны и его влияние на экономическую безопасность Российской Федерации. Также предлагается смоделировать зависимость роста интеллектуального развития от государственных и внутренних инвестиций на основе статистических данных.

Материал и методы исследования

Для построения авторского исследования были рассмотрены труды из экономических и социальных областей науки. Вопросы экономической безопасности на макроуровне и в разрезе территориальных объединений были подробно исследованы в работах Е.В. Попова и К.А. Семячкова [2], Ю.М. Дененберга и К.С. Сурниной [7], Д.А. Дадашевой и А.А. Адаменко [8], Е.С. Митякова [9] и других авторов. Значимость интеллектуальных ресурсов для обеспечения экономической безопасности и долгосрочного устойчивого развития были отражены в научных работах А.А. Колпашиковой, В.О. Тимченко и М.Н. Лаврова [3], Р.Р. Марутян [4], А.В. Бондарь и Н.А. Жебентяевой [5], Ю.Н. Арсеньева, В.С. Минаева и М.А. Алимова [10]. Для проработки инновационных аспектов государственных служащих были рассмотрены работы А.С. Никитиной [11; 12], Д.Г. Родионовым с коллегами в исследованиях [13; 14] были проанализированы процессы интеллектуализации и челове-

ский капитал на региональном уровне. Перспективы инновационной экономики и процессы ее интеллектуальной трансформации были рассмотрены коллективом авторов в исследовании интеллектуальной ренты [6], в работе [21] обоснована необходимость опережающего роста производительных видов рент над ресурсными. Н.Е. Судакова в статьях [15; 16] провела анализ образовательных процессов и духовно-нравственных факторов в формировании современной личности и человеческого потенциала, являющихся неотъемлемым элементом интеллектуальной экономики.

В рамках исследования также предлагается построить авторскую модель зависимости результатов интеллектуальной деятельности от уровня финансирования, для чего были рассмотрены наиболее актуальные статистические данные по ключевым экономическим показателям на макроуровне [17; 18]. На основе доступных данных имеется возможность использовать эконометрический анализ, а также выявить зависимость инновационных результатов от финансирования интеллектуальной деятельности на государственном и региональном уровнях. Доступные данные позволяют проанализировать текущие тенденции в области интеллектуальной сферы и с помощью прогнозирования предложить рекомендации для минимизации негативных последствий интеллектуального отставания России.

Результаты исследования и их обсуждение

Интеллектуальный потенциал государства зависит от системы многих

элементов, таких как наука и образование; кадровые ресурсы и уровень их качественного развития; информационная инфраструктура; интеллектуальная собственность, включая патенты, лицензии и ноу-хау; располагаемые информационные ресурсы и так далее [4; 10].

Многие исследователи и политические деятели отмечают значимость человеческого фактора и интеллектуального потенциала страны для формирования инновационной экономики. В частности, В.В. Путин еще в 08.02.2008 году выдвинул инновационный путь в качестве единственного возможного и правильного направления для России, отмечая приоритетность и важность национальных интеллектуальных ресурсов. Для такого пути необходимо осуществить масштабные инвестиции в человеческий капитал для самосовершенствования и использования навыков и талантов людских ресурсов [10; 13].

Несмотря на признанную значимость человеческого капитала, в отечественной практике происходит ежегодный спад количества научно-исследовательского персонала. На рисунке 1 представлена динамика численности научных сотрудников в России. Как видно, наблюдается негативная тенденция практически за весь анализируемый период. Данный факт свидетельствует о серьезных проблемах в контексте обеспечения экономической безопасности, что может стать серьезной угрозой не только для поддержания конкурентоспособности, но и для устойчивого развития национальной экономики и общества в долгосрочной перспективе.

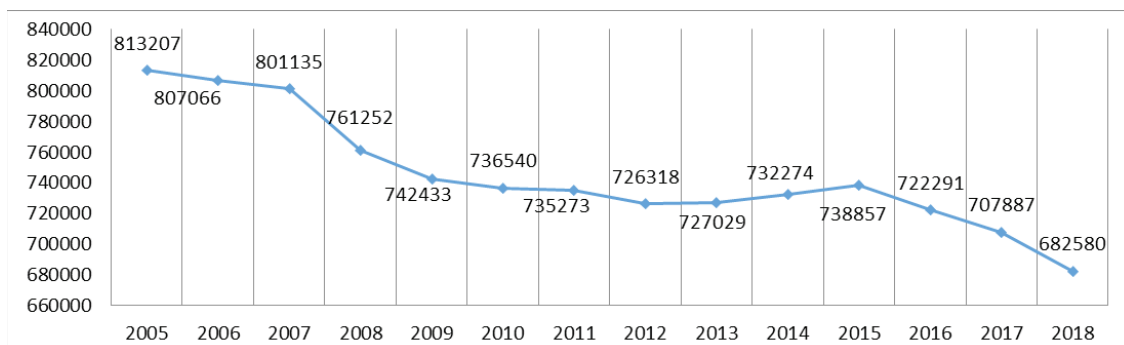

Рис. 1. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками [18]

На территории России наблюдаются серьезные негативные процессы, которые сказываются на негативной динамике оттока специалистов (рис. 1). В первую очередь, данные тенденции связаны с недостаточной материальной и социальной поддержкой специалистов интеллектуальной сферы. Так, пока наблюдается серьезная несправедливость в оплате труда и недооценке труда специалистов, процесс «утечки мозгов» будет только продолжаться, что является одной из самых серьезных проблем для обеспечения интеллектуальной безопасности. Стоит отметить, что на сегодняшний день данные процессы не замедляются, так как разрыв между уровнем заработной платы интеллектуальных работников в России и в развитых странах только увеличивается, а труд отечественных «интеллектуалов» в коммерческих структурах западных стран ценится гораздо выше. Снижение престижности интеллектуального труда ставит под угрозу экономическую безопасность страны и будущее всей нации [3; 8].

Причем проблемы с формированием качественных сторон человеческого капитала начинаются с деструктивных процессов в когнитивных структурах общества на образовательном уровне. Многие организации в достаточной степени не осуществляют мероприятия по развитию социально-психологических основ личности в процессе ведения образовательного процесса, а некоторые не способны активизировать выработку основных профессиональных навыков и компетенций у будущих специалистов. Люди как интеллектуальный ресурс нации являются фундаментом интеллектуального потенциала государства, поэтому развитие их качественных характеристик должно стать основой национальной политики. При этом важно уделить внимание не только профессиональным навыкам, но и духовным, нравственным

и социальным аспектам личности, которые способствуют созданию преимуществ во всех сферах стратегического развития [4; 15; 16].

Для поднятия человеческого капитала на новый уровень нужно не только расширить финансирование и создать благоприятную социальную среду, но и ускорить обновление кадрового состава государственных служащих, обеспечивающих инновационные процессы в стране. Необходимо подготовить современных государственных гражданских служащих к социально-профессиональной трансформации, как значимого класса с позиции поддержания процессов интеллектуализации и инновационного развития отечественной экономики [11; 12].

Предотвращение интеллектуального вырождения российской науки является лишь одной из множества стратегических проблем государства. Другой значимой проблемой является недостаточное развитие информационно-аналитической среды на государственном и региональном уровнях, что создает сложности для организации технологического прогресса уже на предпринимательском уровне. Так, недостаточная развитость информационной инфраструктуры оказывает негативное влияние на управленческие механизмы, ведение инновационной деятельности и развитие кадрового потенциала в корпоративной среде [2; 5]. В таблице 2 представлена динамика инновационной активности российских организаций. Считается, что если данный уровень составит меньше 20%, то обеспечение устойчивого экономического роста в ближайшей перспективе вряд ли будет возможно. За весь период инновационная активность экономических субъектов находится на низком уровне, зачастую ниже 10% по критериям 3-й редакции Руководства Осло. Лишь до кризиса 2014 года данный показатель незначительно превышал барьер в 10%.

Таблица 1

Уровень инновационной активности организаций (%) [17; 18]

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*	2018*
9,5	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4	8,5 (14,6 – новый)	12,8

Примечание: начиная с 2017 года данные начинают публиковать по критериям 4-й редакции Руководства Осло, что существенно завышает показатели.

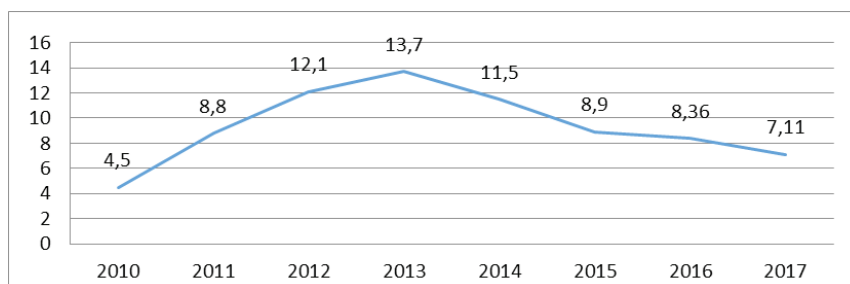

Рис. 2. Доля инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме промышленного экспорта (%) [14; 18]

Инновационная активность российских организаций находится во взаимосвязи с интеллектуальным потенциалом государства в целом. Таким образом, достижение экономической безопасности государства возможно лишь при создании условий для повышения предпринимательской инновационной активности. Результатом такого процесса становится производство инновационных товаров, работ и услуг, в первую очередь в отраслях промышленности. Промышленность является основой любого современного государства, а экспорт наиболее инновационных продуктов характеризует уровень интеллектуализации отечественной экономики. На рисунке 2 рассмотрена доля интеллектуальных результатов в общем объеме промышленного экспорта России. Как видно из рисунка, данная динамика весьма неоднозначна, поскольку после кризиса 2014 года наблюдается серьезный спад инновационного экспорта, что негативно характеризует интеллектуальную безопасность Российской Федерации и положение страны на международной арене.

Интеллектуальный капитал способствует активизации инновационных процессов и способствует обеспечению экономической безопасности государства, так как определяет инфраструктуру и реализацию всех других видов национальной безопасности. При этом именно интеллектуальная сфера позволяет обеспечивать экономический рост, а также устранение значительной части диспропорций в социально-экономическом развитии без экстенсивного использования материальных ресурсов. Таким образом, интеллектуальный потенциал страны создает специфический барьер для недопущения кризисных ситуаций. В то

же время недостаток интеллектуального капитала и слабая эффективность его использования приведет к более масштабным кризисным последствиям, на преодоление которых может уйти ни одно десятилетие. Например, Россия до сих пор не смогла избавиться от негативных последствий кризиса 90-х годов [10; 14].

Нематериальные ресурсы носят стратегический характер, поскольку дают возможность направить знания, умения, информационный, технологический и духовный потенциал человеческих ресурсов, а также их качественные характеристики, на создание передовых технологий и знаний, совокупность которых определяет основные положения устойчивого развития [4; 13]. Таким образом, в рамках стратегии обеспечения экономической безопасности огромное значение имеет разработка передовых производственных технологий, которые способствуют рационализации интеллектуальных процессов в промышленности. Динамика по Российской Федерации, рассмотренная на рисунке 3, свидетельствует о наличии положительной тенденции в данном направлении, однако представленные показатели в несколько раз отстают от развитых стран, что требует изыскания способов по обеспечению возрастания количества разработок передовых технологий, от которых зависит научно-технический прогресс национальной экономики.

Увеличение объемов разработок передовых технологий и научный прогресс возможен лишь при использовании результатов интеллектуальной деятельности. В таблице 2 представлена динамика использования объектов интеллектуальной собственности в отечественной практике. Так, можно заметить

существенное возрастание количества использования всех основных видов результатов интеллектуальной деятельности, что свидетельствует о постепенном развитии процессов интеллектуализации отечественной экономики. Однако, если сопоставлять данный рост с технологически развитыми странами, то российский интеллектуальный прогресс является незначительным. Для обеспечения экономической безопасности в стратегической перспективе необходимо создать условия по наращиванию объемов интеллектуальной собственности как главного элемента достижения стабильности и устойчивого развития.

Тенденции инновационного развития российского корпоративного сектора можно назвать условно благоприятными, поскольку происходит, хоть и медленными темпами, активизация инновационных процессов во всех отраслях народного хозяйства. Главным

элементом интеллектуального развития отечественной экономики выступает человеческий капитал. Значительный объем человеческих ресурсов обеспечивает функционирование инновационных механизмов даже в условиях низкой оплаты труда и недостаточности финансирования технологических разработок, однако такие условия не смогут продолжаться целую вечность [14; 19]. Согласно данным Международной организации, на интеллектуальное развитие необходимо выделять не менее 2% ВВП, а меньшие объемы финансирования приведут к разрушению не только научного потенциала, но и других общественно значимых сфер, включая национальную экономику. Реализация мероприятий по предотвращению деградации интеллектуального потенциала страны должна стать стратегическим направлением национальной политики [4].

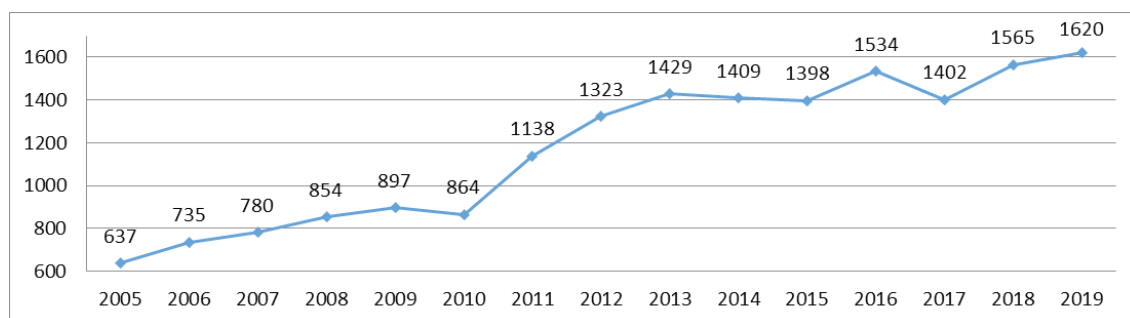

Рис. 3. Разработанные передовые производственные технологии (кол-во) [14; 18]

Таблица 2

Сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности [17; 18]

	Изобретения	Полезные модели	Промышленные образцы	Базы данных	Программы для ЭВМ	Топологии интегральных микросхем
2010	10663	4188	1560	273	2861	56
2013	12709	5090	1730	654	4541	202
2014	13048	5406	1668	845	5602	162
2015	14181	5556	1659	1153	6459	135
2016	15871	5840	1785	1283	7742	235
2017	15492	5566	1888	1238	8515	298
2018	17340	6339	2195	1472	12125	366
2019	20402	7166	2466	1961	14694	549

Если проанализировать объем финансирования российской научной деятельности (табл. 3), то можно увидеть, что несмотря на возрастание объемов затрат на исследования и разработки, на научный прогресс приходится около 0,5% ВВП, а в количественном выражении на сегодняшний день сумма только начала достигать уровня 2014 года. Такая ситуация свидетельствует о серьезных проблемах в интеллектуальном развитии России, решение которых необходимо осуществить в ближайшее время. В то же время внутренние затраты на научные исследования с каждым годом возрастают, однако их объем не достаточен для покрытия потребностей инновационного развития отечественной экономики. В современных условиях интеллектуальный капитал определяет не только уровень развития, но и подлинную независимость, авторитет и мощь любого государства, что требует от Российской Федерации срочных изменений, в первую очередь увеличение объема финансирования интеллектуальной сферы.

Угроза интеллектуальной безопасности является серьезной проблемой в контексте обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Имеется множество внешних и внутренних факторов, способных нанести непоправимый урон экономической стабильности. Для многих развивающихся стран, к которым можно причислить и Россию, наиболее значимым фактором являются вопросы финансирования и действующая инвестиционная политика. Проблемы с поступлениями денежных ресурсов могут происходить в связи со стратегическими направлениями правительственной политики, планами центрального банка, стратегиями регионального развития [8; 20].

На следующем шаге предлагается проанализировать зависимость основных показателей результативности инновационной деятельности от уровня финансирования. Для этого была рассмотрена корреляция между различными показателями, что позволит построить авторскую модель. Результаты корреляции представлены в таблице 4.

Таблица 3

Финансирование научной деятельности в Российской Федерации [17; 18]

	Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, (млн. руб.)	Расходы на науку из бюджета в процентах к ВВП (%)	Расходы на науку из бюджета в процентах к расходам бюджета (%)	Внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн. руб.)
2005	76909,3	0,36	2,19	230785,2
2006	97363,2	0,36	2,27	288805,2
2007	132703,4	0,40	2,22	371080,3
2008	162115,9	0,39	2,14	431073,2
2009	219053,4	0,56	2,27	485834,3
2010	237644	0,51	2,35	523377,2
2011	313899,3	0,52	2,87	610426,7
2012	355921,1	0,52	2,76	699869,8
2013	425301,7	0,58	3,19	749797,6
2014	437273,3	0,55	2,95	847527,0
2015	439392,8	0,53	2,81	914669,1
2016	402722,3	0,47	2,45	943815,2
2017	377882,2	0,41	2,3	1019152,4
2018	420472,3	0,40	2,52	1028247,6

Таблица 4

Корреляция показателей для построения модели

X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	
1,0000	0,9642	0,7192	0,9446	-0,5555	0,9114	-0,2909	0,1624	0,8650	0,3824	X1
	1,0000	0,6149	0,9861	-0,6062	0,8683	-0,4444	-0,0393	0,9618	0,1770	X2
		1,0000	0,5716	0,1245	0,8342	0,3909	0,5912	0,4270	0,8101	X3
			1,0000	-0,6438	0,8631	-0,4717	-0,0258	0,9686	0,1699	X4
				1,0000	-0,2887	0,8182	0,3974	-0,6606	0,2718	X5
					1,0000	0,0151	0,4199	0,7614	0,5240	X6
						1,0000	0,8016	-0,6096	0,6626	X7
							1,0000	-0,2418	0,8554	X8
								1,0000	-0,0523	X9
									1,0000	X10

Примечание:

- X1 – Разработанные передовые производственные технологии (кол-во);
 X2 – Отгружены (выполнены) инновационные товары, работы, услуги (млн. руб.);
 X3 – Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (%);
 X4 – Затраты на технологические инновации (млн. руб.);
 X5 – Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (кол-во человек);
 X6 – Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета (млн. руб.);
 X7 – Расходы на науку из бюджета в процентах к ВВП (%);
 X8 – Расходы на науку из бюджета в процентах к расходам бюджета (%);
 X9 – Внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн. руб.);
 X10 – Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме промышленного экспорта (%).

На основе полученных данных предлагается построить две модели зависимости. Первая модель (табл. 5): X1 – результирующий показатель; X6 и X9 – управляющие параметры. Вторая модель (табл. 6): X2 – результирующий показатель; X6 и X9 – управляющие параметры. Таким образом, имеется возможность рассмотреть уровень влияния федерального финансирования и внутренних инвестиций на разработку передовых технологий и на количество в денежном выражении выполненных инновационных товаров, услуг и работ.

После проведения регрессии по первой модели получилось следующее уравнение:

$$X1 = 391,19 + 0,00137 \cdot X6 + 0,000532 \cdot X9.$$

Уравнение имеет высокий коэффициент детерминации (R-квадрат = 0,963; Исправленный R-квадрат = 0,956), R-значение удовлетворяет норме.

После проведения теста на мультиколлинеарность методом инфляционных

факторов получились следующие значения: X6 = 8,623 (<10); X9 = 8,623 (<10). Следовательно, уравнение является значимым.

Таблица 5

Динамика показателей X1, X6, X9 за 2005–2018 гг.

Годы	X1	X6	X9
2005	637	76909,3	230785,2
2006	735	97363,2	288805,2
2007	780	132703,4	371080,3
2008	854	162115,9	431073,2
2009	897	219053,4	485834,3
2010	864	237644	523377,2
2011	1138	313899,3	610426,7
2012	1323	355921,1	699869,8
2013	1429	425301,7	749797,6
2014	1409	437273,3	847527,0
2015	1398	439392,8	914669,1
2016	1534	402722,3	943815,2
2017	1402	377882,2	1019152,4
2018	1565	420472,3	1028247,6

Таблица 6

Динамика показателей X2, X6, X9
за 2010–2018 гг.

	X2	X6	X9
2010	1243712,5	237644	523377,2
2011	2106740,7	313899,3	610426,7
2012	2872905,1	355921,1	699869,8
2013	3507866	425301,7	749797,6
2014	3579923,8	437273,3	847527,0
2015	3843428,7	439392,8	914669,1
2016	4364321,7	402722,3	943815,2
2017	4166998,7	377882,2	1019152,4
2018	4516276,4	420472,3	1028247,6

После проведения регрессии по второй модели получилось следующее уравнение:

$$X2 = -2186820 + 5,265 \cdot X6 + 4,351 \cdot X9.$$

Уравнение имеет высокий коэффициент детерминации (R -квадрат = 0,969; Исправленный R -квадрат = 0,959), R -значение удовлетворяет норме. После проведения теста на мультиколлинеарность методом инфляционных факторов получились следующие значения: $X6 = 2,379$ (<10); $X9 = 2,379$ (<10). Следовательно, уравнение является значимым.

Можно сделать следующие выводы на основе полученных данных: при увеличении государственного финансирования на 1 миллиард, появляется 1-2 новые передовые технологии, а количество выполненных инновационных товаров, услуг и работ увеличивается свыше, чем на 5 миллиардов; при увеличении внутренних затрат на научные исследования и разработки на один-два миллиарда появляется одна новая передовая производственная технология, а количество выполненных инновационных товаров, услуг и работ увеличивается свыше чем на 4 миллиарда; в случае отсутствия финансирования выполнение инновационных работ будет стремиться к минимуму. Таким образом, имеется серьезная зависимость между инновационным развитием и финансированием, в первую очередь со стороны федерального бюджета.

Усиление диспропорций мировой экономики и повсеместная интеллектуализация приводят к необходимости реализации проектов по управлению

инновационными процессами как на макроуровне, так и на микроуровне в корпоративной среде. Построение качественных моделей управления даст возможность с максимальной эффективностью использовать имеющийся интеллектуальный потенциал всех уровней. Поиск способов наиболее оптимального интеллектуального развития должен сопровождаться соответствующими инвестиционными потоками, что даст возможность противостоять угрозам экономической безопасности, стоящим перед Российской Федерацией [19; 22].

Огромное значение в области формирования интеллектуального капитала нации играет предпринимательская сфера. В условиях рыночной экономики именно организации играют ключевую роль в обеспечении построения инновационной экономики. Так, на корпоративном уровне важно реализовывать мероприятия для проведения значительных изменений, способствующих повышению качества не только человеческих ресурсов, но и трудового потенциала компании. Используя достижения научно-технического прогресса и инновационных разработок, имеется возможность сократить транзакционные издержки на производстве и повысить производительность труда, что благоприятно скажется на национальном развитии [23].

На втором уровне происходит интеллектуальное развитие отраслей народного хозяйства и территориальных объединений. Экономическая безопасность каждого отдельного региона является ключевым направлением национальной политики Российской Федерации, однако недостаточно найти решение проблем финансирования. Необходимо изыскать и реализовать мероприятия на региональном уровне, которые способны активизировать образовательные и социальные процессы повышения значимости и престижности интеллектуальной деятельности. Именно на региональном уровне необходимо разрешить проблемное положение человеческого капитала, без которого невозможно обеспечить экономическую безопасность государства [7; 9].

Повышение уровня интеллектуальной безопасности связано с созданием благоприятных условий для защищенности продуктов умственного труда, а

также с рациональным использованием умственных способностей людей, которые в совокупности обеспечивают воспроизводство интеллектуального потенциала страны. Поэтому стратегические интересы России должны быть направлены на долгосрочное интеллектуальное развитие, без которого нельзя представить переход к новому качеству социально-экономических отношений. Это связано прежде всего с тем, что интеллектуальная рента государства является основным конкурентным преимуществом в современном мире, поскольку создает возможности развития всех сфер жизнедеятельности общества [6].

Эффективное использование интеллектуальных ресурсов способствует интересам устойчивого развития, однако для этого необходимо рационализировать механизмы использования, воспроизводства и накопления интеллектуального потенциала российского народа. Необходимо не просто предотвратить снижение интеллектуальной эффективности, а создать возможности для наращивания интеллектуализации как необходимого детерминанта экономической безопасности.

Заключение

На основе проведенного исследования была выявлена недостаточность текущего интеллектуального развития Российской Федерации. Являясь значимым элементом экономической безопасности, интеллектуальный капитал представляет собой основу обеспечения устойчивого развития государства в сложившихся нестабильных условиях и

глобальных мировых дисбалансов. Необходимо решить проблемы в области интеллектуализации отечественной экономики в ближайшее время, поскольку промедление может лишить Россию надежд на дальнейшую принадлежность к развитым странам и допустить серьезное научно-технологическое отставание.

Преобразования в экономике необходимо начинать с повышения уровня финансирования интеллектуальных кадров и инновационных разработок. Утечка квалифицированных кадров вследствие низкого уровня оплаты труда и отсутствия престижности интеллектуального труда ставят под сомнение долгосрочное развитие и обуславливают острую необходимость проведения преобразований в экономике. Инновационный путь развития невозможен без поддержания интеллектуальной безопасности государства и выработки качественного интеллектуального потенциала, способного конкурировать на мировом рынке.

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день интеллектуальная безопасность является важным элементом в стратегии обеспечения экономической безопасности страны; в ней заложены основные интеллектуальные интересы, угрозы и способы защиты. Наша страна обладает существенным интеллектуальным потенциалом, однако его современное использование является недостаточно эффективным. Поэтому устранение интеллектуальных угроз должно быть, прежде всего, связано с необходимостью повышения уровня финансирования и создания условий для роста престижности интеллектуального труда.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Попов Е.В., Семячков К.А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. 2018. № 4. С. 1088-1101. DOI: 10.17059/2018-4-3.
3. Колпащикова А.А., Тимченко В.О., Лавров М.Н. Интеллектуальный капитал в структуре экономической безопасности в контексте государственной экономической политики // Инновации и инвестиции. 2020. № 1. С. 115-116.
4. Марутян Р.Р. Интеллектуальный потенциал и интеллектуальный ресурс государства как основа обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 1. С. 24-29.
5. Бондарь А.В., Жебентяева Н.А. Интеллектуальный капитал в системе интеллектуальной безопасности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2016. № 14. С. 7-13.

6. Dmitriev N., Zaytsev A., Talerchik S. Intellectual Rent as A Necessary Element in The Transition to Noonomics // 35th IBIMA Conference. Spain, Madrid. 2020.
7. Дененберг Ю.М., Сурнина К.С. Сущностные аспекты системы экономической безопасности региона // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 1. С. 23-27.
8. Дадашева Д.А., Адаменко А.А. Актуальные проблемы экономической безопасности регионов РФ // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2018. № 3. С. 75-77.
9. Митяков Е.С. Ключевые элементы методологии и инструментария мониторинга экономической безопасности регионов России // Фундаментальные исследования. 2018. № 8. С. 84-88.
10. Арсеньев Ю.Н., Минаев В.С., Алимов М.А. Интеллектуальный капитал в стратегиях развития экономической безопасности России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. №4-1.
11. Никитина А.С. Инновации и традиции в деятельности социально-профессиональной группы современных государственных гражданских служащих. диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Екатеринбург, 2014. 192 с.
12. Никитина А.С. Готовность государственных гражданских служащих к инновациям // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: сборник статей. 2013. С. 182-184.
13. Rodionov D., Kudryavtseva T., Skhvediani A. Human development and income inequality as factors of regional economic growth // European Research Studies Journal. 2018. № 21. pp. 323-337. DOI: 10.11214/thalassinos.21.06.034
14. Shabunina T., Shchelkina S., Rodionov D. Regional Habitat as a Factor of the Human Capital Assets Development in Russian Regions // Journal of Social Sciences Research. 2018. Special Issue 3. pp. 313-317. DOI: 10.32861/jssr.spi3.313.317
15. Судакова Н.Е. Духовно-нравственное становление личности посредством инклюзивного образования: взгляд в будущее // Человеческий капитал. 2012. № 1 (37). С. 133-135.
16. Судакова Н.Е. Психолого-педагогические основы развития интереса к обучению: от Аристотеля к Л.С. Выготскому // ФЭн-наука. 2012. № 3 (6). С. 72-74.
17. Россия в цифрах 2019: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2019. 549 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/rus19.pdf> (дата обращения: 23.06.2020).
18. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.06.2020).
19. Дмитриев Н.Д. Тенденции инновационного развития отечественных предприятий // Сборник тезисов докладов участников I Международной научно-практической конференции «Инновационные направления интеграции науки, образования и производства». 2020. С. 322-324.
20. Кулин А.А., Жильцов С.А. Эмиссионная политика центрального банка Российской Федерации как сдерживающий фактор повышения уровня монетизации экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3. № 7. С. 75-81.
21. Зайцев А.А. Рентный профиль управления устойчивостью аграрных отношений // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – СПб: Издательство СПбГАУ, 2012. – № 28. – С. 140-144.
22. Родионов Д.Г., Мельниченко А.М. Моделирование организационно-экономического механизма управления развитием инновационной среды // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 11-3. С. 72-83. DOI: 10.17513/vaael.928.
23. Дмитриев Н.Д., Зайцев А.А., Ильченко С.В. Управление качеством трудового потенциала компании с помощью сокращения транзакционных издержек // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4-3. С. 305-312. DOI: 10.17513/vaael.1088.

УДК 332.143

Т. Н. Селентьева, А. А. Зайцев, П. А. Карпенко

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
Санкт-Петербург, e-mail: selentieva_tn@spbstu.ru

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ВНУТРИКЛАСТЕРНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ КООПЕРАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Ключевые слова: экосистема инновационной кластерной кооперации, экспертный опрос, транзакционные издержки.

Представленная работа обобщает результаты проведенного авторами в 2017-2019 г.г. экспертного опроса с целью анализа тенденций развития внутрикластерной инновационной кооперации в Санкт-Петербурге. В статье описаны результаты, полученные в соответствии с опубликованным ранее алгоритмом применения экспертных оценок для анализа кластерного развития. Приведено последовательное описание этапов осуществления исследования, дана характеристика исследуемой выборки субъектов кластерной среды, структуры используемой экспертной анкеты. В соответствии с применяемой в настоящем исследовании классификацией транзакционных издержек выделены следующие группы вопросов, характеризующие: временные затраты на поиск контрагентов, временные затраты на заключение контрактов с контрагентами, издержки, связанные с нарушением договорных обязательств (оппортунистического поведения), развитие экосистемы инновационной кластерной кооперации. Предложено введение системы интегральных показателей, характеризующих динамику развития инновационной внутрикластерной кооперации, а также состояние экосистемы инновационной кластерной кооперации. Проведенный в рамках исследования анализ позволяет сформулировать выводы о необходимости усиления мер кластерной политики и программ поддержки, направленных на расширение таких форм инновационной кооперации как совместное использование результатов НИОКР и технологий, а также необходимость совершенствования нормативно-правового обеспечения деятельности кластеров и иллюстрирует тенденции совершенствования информационной поддержки деятельности участников кластеров.

T. N. Selenteva, A. A. Zaycev, P. A. Karpenko

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg,
e-mail: selentieva_tn@spbstu.ru

ASSESSMENT OF THE INTRA-CLUSTER INNOVATION COOPERATION DEVELOPMENT TRENDS IN ST. PETERSBURG

Keywords: ecosystem of innovative cluster cooperation, expert survey, transaction costs.

This paper summarizes the results of an expert survey conducted by the authors in 2017-2019 to analyze trends in the development of intra-cluster innovation cooperation in St. Petersburg. The article describes the results obtained in accordance with the previously published algorithm for applying expert assessments to analyze cluster development. A sequential description of the stages of the study is given, the characteristics of the sample of subjects in the cluster environment and the structure of the expert questionnaire used are given. In accordance with the classification of transaction costs used in this study, the following groups of issues are identified: time spent on finding contractors, time spent on concluding contracts with contractors, costs associated with violation of contractual obligations (opportunistic behavior), and development of the ecosystem of innovative cluster cooperation. It is proposed to introduce a system of integral indicators that characterize the dynamics of development of innovative intra-cluster cooperation, as well as the state of the ecosystem of innovative cluster cooperation. The analysis carried out in the framework of the study allows us to draw conclusions about the need to strengthen cluster policy measures and support programs aimed at expanding such forms of innovation cooperation as the joint use of R & d results and technologies, as well as the need to improve the regulatory support for cluster activities and illustrates trends in improving information support for the activities of cluster participants.

Введение

Среди большого числа факторов, оказывающих воздействие на показатели эффективности и инновационный потенциал кластерных образований следует особо выделить роль государственной политики, задающей контекст

функционирования как отдельных хозяйствующих субъектов, так и их объединений [1]. Рассмотрение развития инфраструктурных связей как одной из ключевых характеристик, определяющих сущностную природу кластерного образования, позволяет утверждать,

что меры кластерной политики разных уровней должны всецело быть ориентированными на их развитие и поддержание [2,3]. В связи с этим актуальным становится выработка методических основ оценки как инфраструктурных связей, так и мониторинга развития кластерной среды в целом [4,5]. В рамках представленной работы отражены ключевые результаты исследования, организованного в соответствии с опубликованным ранее алгоритмом применения инструментария экспертных оценок для анализа внутрикластерной инновационной кооперации.

Цель исследования – оценка развития внутрикластерной инновационной кооперации в Санкт-Петербурге с применением инструментария экспертных оценок.

Материал и методы исследования

В рамках проведения исследования за период со второго квартала 2017 года по первый квартал 2020 года в соответствии с этапами принятого алгоритма был проведен экспертный опрос субъектов кластерной среды Санкт-Петербурга. Описанная далее последовательность этапов в наибольшей степени соответствует такому виду экспертных оценок как метод Дельфи, предполагающего проведение отдельного опроса для каждого независимого эксперта с последующей обработкой результатов [6].

Результаты исследования и их обсуждение

Обобщенная сводная характеристика исследуемой выборки представлена в таблице 1. За период II-III квартала 2017 года в соответствии со структурой задач первого и второго этапов было проведено формирование перечня исследуемых организаций в соответствии с количеством предприятий – участников кластеров и кодами ОКВЭД [7,8,9]. Результатом первого этапа стало формирование содержательной части анкеты, представляемой в дальнейшем экспертам, а также формирование предварительного состава привлекаемой экспертной группы. В 2018 году информационная база была расширена данными ГИС Индустриальные парки, технопарки, кластеры, а также в 2019 году – ЕМИСС [10,11].

Формирование экспертной группы для каждого года проводилось из числа лиц, замещающих должности административно-управленческого персонала организаций-участников кластеров. С целью отбора экспертов был применен такой априорный метод оценки экспертов как самооценка по вербальной шкале, где в ходе предварительных интервью экспертам было предложено дать оценку тому, насколько они знакомы со спецификой взаимодействия с контрагентами и инновационной деятельности компании, которую представляют, а также регуляторным полем деятельности хозяйствующего субъекта. Результаты предварительных интервью позволили сформировать из представителей предприятий-участников кластеров, составляющих ядро кластерных образований, экспертные группы численностью следующего распределения по годам: 2017 – 106 чел, 2018 – 130 чел, 2019 – 149 чел. Характеризуя представленные в исследовании предприятия, следует отметить, что на 2019 год наибольшая доля (79,3%) хозяйствующих субъектов по кодам ОКВЭД, присвоенным основному виду деятельности, относится к обрабатывающим производствам (рис 1).

Содержательная часть представляемой экспертам анкеты, включавшей в общей сложности 40 вопросов, была составлена с учетом отраслевой принадлежности предприятий кластеров и результатов анализа специфики инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. В соответствии с используемой в настоящем исследовании классификацией транзакционных издержек выделены следующие группы вопросов, характеризующие:

1-14 – временные затраты на поиск контрагентов;

15-28 – временные затраты на заключение контрактов с контрагентами

29-35 – издержки, связанные с нарушением договорных обязательств (оппортунистического поведения)

36-40 – развитие экосистемы инновационной кластерной кооперации.

Каждый из ответов ранжирован по шкале от 1 до 5 баллов, в соответствии с предварительной интервальной оценкой значений показателей, иллюстрируемой таблицей 2.

Таблица 1

Характеристика исследуемой выборки

№ п/п	Наименование кластера	Год образования	Количество участников кластера на I квартал 2020 г.	Участие в исследовании		
				2017	2018	2019
1.	Кластер информационных технологий и радиоэлектроники	2012	295	*	*	*
2.	Кластер медицинской и фармацевтической промышленности	2010	178	*	*	*
3.	Композитный кластер Санкт-Петербурга	2015	39	*	*	*
4.	Санкт-Петербургский кластер транспортного машиностроения	2010	11	*	*	*
5.	Кластер станкоинструментальной промышленности	2012	26	*	*	*
6.	Кластер развития инноваций в энергетике и промышленности	2015	49		*	*
7.	Кластер «Автопром Северо-Запад»	2015	27		*	*
8.	Промышленный кластер робототехнических эко-систем	2017	17			*
9.	Кластер производителей средств электронно-вычислительной техники	2017	13			*
10.	Кластер чистых технологий для городской среды	2014	62	*	*	*
Общее количество экспертов по годам				106	130	149

Таблица 2

Интервальные характеристики исследуемых критериев

Группа 1. Издержки поиска контрагентов и заключения контрактов	Группа 2. Издержки оппортунистического поведения		Группа 3. Экосистема инновационной кластерной кооперации
Время поиска контрагентов и заключения контрактов	Количество нарушаемых договорных обязательств	Период просрочек по договорным обязательствам	- характер инновационной кооперации; - деятельность УК кластера; - нормативно-правовое обеспечение.
0 до 7-10 дн до 10-21 дн до 21-35 дн до 2-2,5 мес	0-1 до 1-3 до 4-6 до 7-10 более 10	0 до 15 до 1 мес до 2-2,5 мес до полугодя	Качественные показатели

Исходя из гипотезы исследования о сокращении транзакционных издержек по мере кластерного развития и стадии жизненного цикла кластерного образования, нами была предложена балльная оценка каждого критерия, при этом для показателей групп 1 и 2 принята

обратная (большой балл – ниже временные затраты или же количество фактов нарушения обязательств), а для 3 группы – прямая качественная зависимость (выше балл – выше качественная характеристика критерия (вопроса)) [12,13].

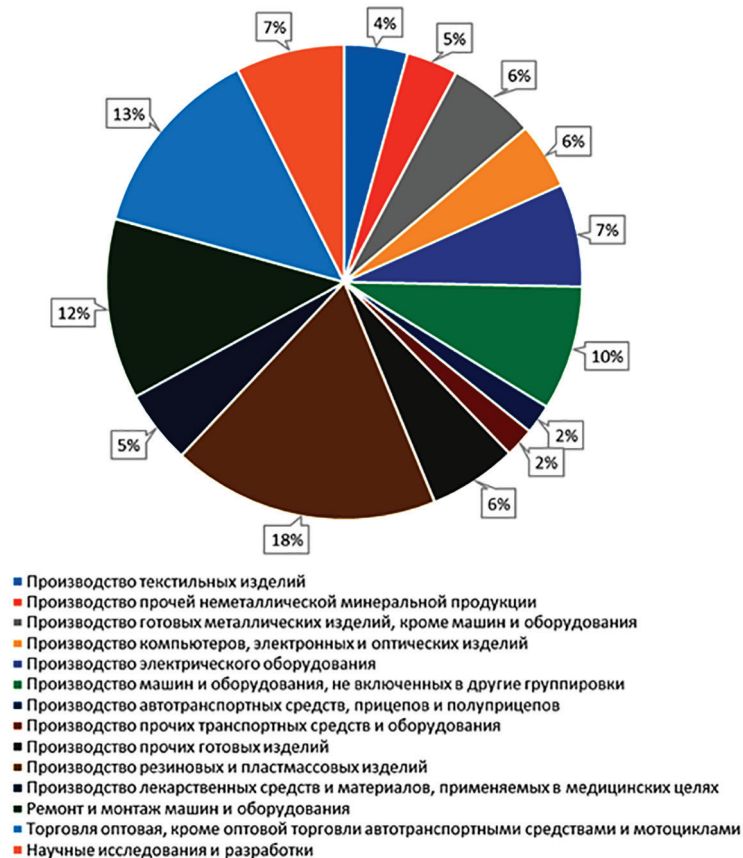

Рис. 1. структура предприятий-участников кластеров по ОКВЭД

При этом контрагенты сгруппированы по следующим группам:

- поставщики сырья, материалов и др;
- поставщики услуг;
- консалтинговые фирмы;
- научные организации;
- вузы и образовательные организации;
- потребители.

Для вопросов с 1 по 28 произведено дополнительное деление контрагентов на: участников кластера и являющихся сторонними по отношению кластеру хозяйствующими субъектами.

С целью выполнения задач третьего этапа исследования в рамках обработки результатов опросов экспертов были использованы следующие методы:

1. Формирование обобщенной оценки каждого рассматриваемого критерия (вопроса) с применением показателей среднего значения, медианы, моды, а также дополнительных показателей стандартной ошибки среднего значения, дисперсии и вариации.

2. Оценка согласованности мнений экспертов с применением коэффициента конкордации Кендалла. Полученные значения коэффициента (0,666, 0,615 и 0,631 для 2017, 2018 и 2019 г.г. соответственно) позволяют сделать вывод о высокой степени согласованности мнений экспертов по характеризующим объект исследования критериям, так как интервал $W > 0,6-0,8$ принято считать свидетельством того, что эксперты солидарны в своих оценках рассматриваемых параметров [14].

Вместе с тем, значения показателей обобщенной оценки позволяют охарактеризовать распределение балльных оценок экспертов по каждому из вопросов как нормальное, в частности для получения данных характеристик были построены гистограммы распределения с нормальными кривыми с использованием программного пакета IBM SPSS.

Исходя из сводных показателей экспертных оценок была подтверждена

гипотеза исследования об изменении величины транзакционных издержек в зависимости от стадии развития кластерного образования. Так, анализ динамики средних и медианных значений балльной оценки критериев, характеризующих транзакционные издержки, и сопоставление их с периодом функционирования хозяйствующего субъекта и периодом существования кластера, представителем которого является данный эксперт, демонстрирует их снижение по годам, таким образом, позволяя предположить зависимость рассматриваемой величины от стадии жизненного цикла конкретного кластера.

Так, наиболее очевидно, на наш взгляд, это демонстрируют характеристики, полученные по первой группе вопросов, связанных с оценкой времени поиска контрагентов и заключения контрактов.

Говоря об оценках экспертов, касающихся взаимодействия с контрагентами, не являющихся участниками кластера, следует отметить очевидную тенденцию постоянства временных затрат на совершение сделок в контексте поиска контрагентов и заключения контрактов. Вместе с тем, на основании расчета показателей вариации для каждого из параметра-вопроса следует выделить разброс оценок экспертов по времени, затрачиваемому на поиск контрагентов, особенно по 2019 г. по научным организациям, и 2018 г. по поставщикам услуг, где показатели вариации превышают значение 0,3. В соответствии с принятым алгоритмом исследования в ходе следующего за формированием сводных

результатов дополнительного интервью с отдельными экспертами, ответы которых по более чем 10% вопросов анкеты и/или отдельным вопросам существенно отличались, были получены разъясняющие балльную оценку комментарии. Так, в частности, по указанным характеристикам экспертов было выявлено, что сокращение времени поиска научных организаций, не являющихся участниками кластера, с целью инновационной кооперации было связано в отдельных случаях с возобновлением прерванного ранее сотрудничества, получением информации о специфике научных разработок на тематических мероприятиях, таких как специализированные выставки и иные формы информационной поддержки инновационной деятельности по отраслям. В случае же оценки времени на поиск поставщиков услуг в 2018 г. экспертами отдельных предприятий было отмечено, что сокращение временных затрат было вызвано в отдельных случаях организационными преобразованиями внутри предприятий и совершенствованием бизнес-процессов закупочной деятельности, а также расширением контактной базы в ходе информационного обмена с участниками кластера. Интересен в этом отношении факт падения балльной оценки этого показателя в 2019 г. и большая согласованность мнений экспертов (таблица 3). Аналогичные уточняющие процедуры проводились по всем годам проведения исследования, что, в конечном итоге, позволило рассматривать получаемые медианные и средние значения экспертных оценок при формировании обобщающих выводов.

Таблица 3

Сводная частотная таблица: поставщики сырья, материалов и др. – внешние

Балльная оценка		2018		2019	
		Частота	Проценты	Частота	Проценты
Допустимо	1,00	53	40,8	70	47,0
	2,00	61	46,9	78	52,3
	3,00	15	11,5	1	0,7
	4,00	1	0,8		
	Всего	130	100,0	149	100,0

Что же касается времени поиска контрагентов – участников кластера, с очевидностью следует констатировать, что за период проведения исследования балльная оценка экспертами временных затрат на поиск контрагентов в рамках кластера повышалась, что, в соответствии с принятой ранее логикой формирования экспертной анкеты свидетельствует о сокращении времени и позволяет говорить о справедливости вышеупомянутой гипотезы. Так, например, за трехлетний период экспертами отмечено сокращение времени на поиск контрагентов – поставщиков сырья, материалов и др., консалтинговых фирм (таблица 4).

Интересен при этом анализ динамики показателей оценки временных затрат поиска субъектов государственной поддержки и институтов развития, балльная оценка которых повышается лишь в последний год исследования

(таблица 5). В совокупности с другими критериями, отнесенными нами к характеристикам экосистемы инновационной кластерной кооперации, указанная динамика позволяет, на наш взгляд, говорить о необходимости совершенствования регуляторного поля деятельности кластерных образований.

Подтверждают выявленные тенденции и оценки второй части первой группы вопросов, посвященных временным затратам на заключение контрактов. Так, примечателен факт существенной положительной динамики балльной оценки временных затрат на заключение контрактов с поставщиками сырья, материалов и др. (таблица 6). В сравнении с 2017 г. (среднее значение 1,8) в 2019 г. средняя оценка этого показателя составляла уже 3,503 балла, максимально приближаясь к модальным значениям и демонстрируя упрочнение кооперационных связей (рисунок 2).

Таблица 4

Сводная частотная таблица:
поставщики сырья, материалов и др. – участники кластера

Балльная оценка		2017		2018		2019	
		Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Допустимо	1,00	28	26,4	1	,8		
	2,00	65	61,3	7	5,4	8	5,4
	3,00	13	12,3	46	35,4	53	35,6
	4,00			53	40,8	55	36,9
	5,00			23	17,7	33	22,1
	Всего	106	100,0	130	100,0	149	100,0

Таблица 5

Сводная частотная таблица: субъекты государственной поддержки

Балльная оценка		2017		2018		2019	
		Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Допустимо	1,00	1,00	8	13	10,0		
	2,00	2,00	60	64	49,2	6	4,0
	3,00	3,00	35	38	29,2	63	42,3
	4,00	4,00	3	6	4,6	60	40,3
	5,00			9	6,9	20	13,4
	Всего	106	100,0	130	100,0	149	100,0

Таблица 6

Сводная частотная таблица: поставщики сырья, материалов и др., – контракты

Балльная оценка		2017		2018		2019	
		Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Допустимо	1,00	31	29,2	1	,8	1	,7
	2,00	65	61,3	68	52,3	3	2,0
	3,00	10	9,4	60	46,2	65	43,6
	4,00			1	,8	80	53,7
	Всего	106	100,0	130	100,0	149	100,0

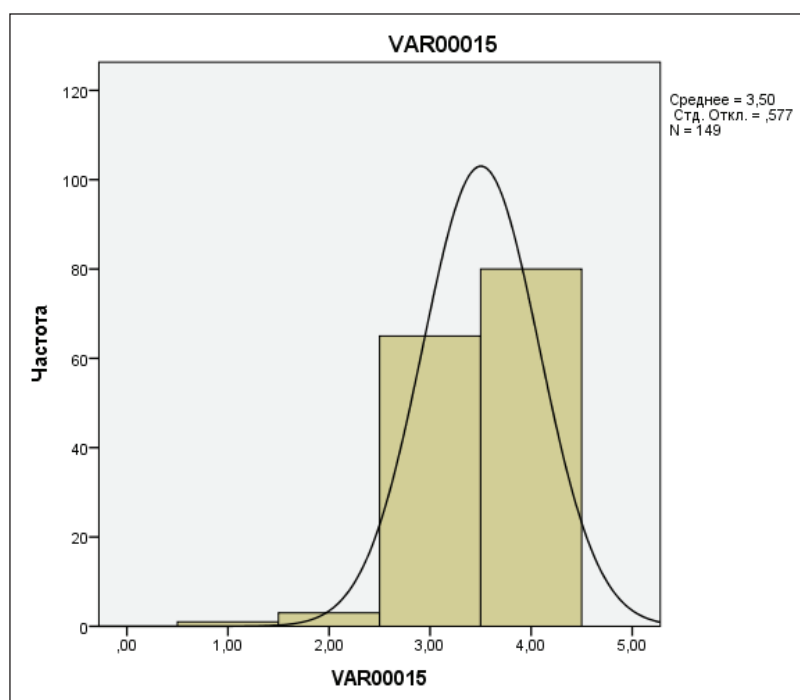

Рис. 2. Распределение балльной оценки временных затрат на заключение контрактов с поставщиками сырья, материалов и др., 2019 г.

При этом стабильно невысокими остаются балльные оценки в отношении временных затрат на заключение контрактов с субъектами государственной поддержки и институтами развития, при чем во втором случае присутствует достаточно большой вариационный размах в 2019 г. Дополнительные интервью с отдельными экспертами позволили заключить, что во многом указанное обусловлено внутренней спецификой бизнес-процессов субъектов государственной поддержки, а также особенностями правового обеспечения деятельности институтов развития. Схожие коммен-

тарии были получены также по общей характеристике взаимодействия с образовательными и научными организациями, при этом подавляющим большинством экспертов был отмечен специфический круг организационных проблем, связанных с процессами оформления кооперации с государственными учреждениями в этой сфере, начиная от иерархически сложной организационной структуры и необходимости ведения зачастую длительных переговоров и согласований, заканчивая процедурными аспектами документального оформления сотрудничества.

Таблица 7

Сводная частотная таблица потребители – участники кластера

Балльная оценка		2017		2018		2019	
		Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Допустимо	4,00	4,00	40	26	20,0	33	22,1
	5,00	5,00	66	104	80,0	116	77,9
	Всего	106	100,0	130	100,0	149	100,0

Таблица 8

Сводная частотная таблица потребители – не участники кластера

Балльная оценка		2017		2018		2019	
		Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Допустимо	2,00	2,00	47	66	50,8	64	43,0
	3,00	3,00	47	53	40,8	77	51,7
	4,00	4,00	12	11	8,5	8	5,4
	Всего	106	100,0	130	100,0	149	100,0

Характеризуя издержки оппортунистического поведения, следует констатировать устойчивое превышение балльных оценок, иллюстрирующих снижение количества нарушаемых в одностороннем порядке договорных обязательств в рамках кооперации с контрагентами внутри кластера, над фактически постоянными показателями по данному критерию за пределами кластерных образований. Так, в качестве наиболее полярных следует указать на значения оценок, характеризующих количество нарушений договорных обязательств за истекший год внутри и за рамками кластера потребителями (таблицы 7, 8).

Примечательна также и положительная динамика оценок, характеризующих продолжительность превалирующего за прошедший год периода просрочек исполнения по действующим контрактам. Отметим, что данные оценки проводилась экспертами лишь для внутрикластерной кооперации, так как оценка этого показателя за пределами кластера была признана нецелесообразной на момент составления текста анкетного опроса в рамках первичных экспертных интервью. Очевидно сокращение временного интервала за период наблюдений, что в целом дополняя динамику показателей данной группы свидетельству-

ет о продуктивности среды кластерного строительства.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают оценки показателей третьей группы, характеризующей экосистему инновационной кластерной кооперации. В первую очередь, характеристика элементного содержания инновационной кластерной кооперации. Показательно, что опираясь на экспертные оценки возможно говорить о качественном изменении ее структуры. Так, если в 2017 г. наибольшая доля оценок приходилась на совместные программы обучения и повышения квалификации, то в 2019 преобладает уже – совместное использование инновационной инфраструктуры и активов (59%), при том что уверенно фигурирует также и работа в рамках совместных кластерных проектов (55%), а также совместное использование результатов НИОКР, технологий (26%) (рисунок 3).

Очевидно прослеживается совершенствование деятельности управляющих компаний кластеров и организации взаимодействия с участниками кластерных образований, по сравнению с 2017 г. в 2019 г. существенно возросла доля ответов о регулярном проведении тематических мероприятий и стратегических сессиях (рисунок 4).

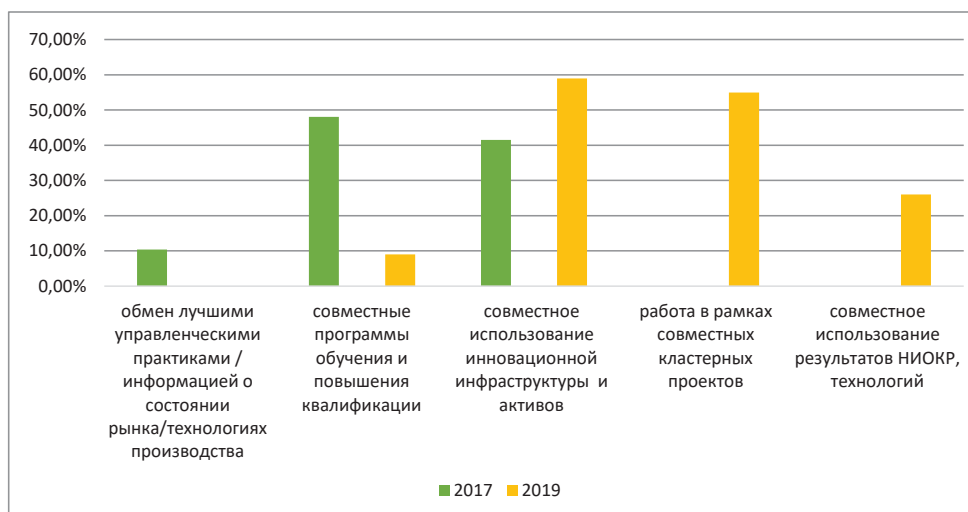

Рис. 3. Структура инновационной внутрикластерной кооперации

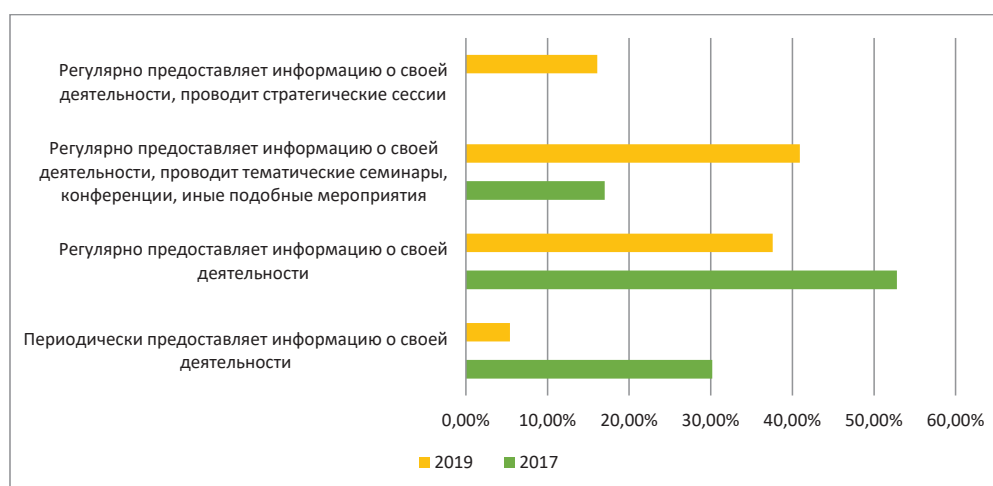

Рис. 4. Характер взаимодействия с УК кластеров

Доступность информации о программах государственной поддержки кластеров (организаций-участников кластера) получила среднюю оценку экспертов за период наблюдений, при этом в ходе дополнительных интервью была отмечена необходимость совершенствования информационных ресурсов как на уровне субъектов государственной поддержки, так и на уровне центра кластерного развития. Вместе с тем, при удовлетворительной оценке экспертами уровня нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности, по нашему мнению, стоит особое внимание уделить стабильно низким оценкам уровня нормативно-правового обеспечения деятельности кластеров и организаций-участников кластеров. В рамках допол-

нительных интервью рядом экспертов были отмечены пробелы в нормативно-правовой базе на уровне понятийного аппарата и классификации кластерных образований.

Далее в соответствии с ранее описанной схемой было произведено обоснование и расчет интегральных показателей внутрикластерной инновационной кооперации и развития экосистемы инновационной кооперации.

С целью формирования обобщенного показателя внутрикластерной инновационной кооперации, на наш взгляд, целесообразно опираясь на принятую ранее классификацию балльных экспертных оценок сообщить веса каждому из элементов, отражающих отдельные аспекты рассматриваемых критериев [15].

Пусть:

$$I_{ic} = X_m \times k_m, \quad (1)$$

где X_m – средняя балльная оценка рассматриваемого критерия, при m – номер вопроса, для данной выборки $m \in \{1;3;5;7;9;11;15;17;19;21;23;25;29;31;33\}$ где k_m – вес, присвоенный балльной оценке X_m в соответствии с таблицей 9.

Выбор указанных весов по подгруппам обусловлен тем, что используемые средние балльные оценки характеризуют различные виды транзакционных издержек путем оценки временных затрат и количественных показателей.

Так, для подгруппы 1.1.: наибольший вес присвоен $X_{11} = 0,3$. В рамках первичных экспертных интервью, направленных на формирование анкеты, эксперты оценили как наиболее значимое в контексте сотрудничества с контрагентами – поиск покупателей, следующими же по значимости в подавляющем большинстве случаев были указаны поставщики – X_1 и X_2 , что обусловило им присвоение весовых коэффициентов – 0,2. Консалтинговые фирмы, образовательные и научные организации оценены равнозначно, что определило присвоение весов данным элементам – 0,1. Присвоение весов по подгруппам 1.2. и 1.3 имеет аналогичное обоснование. В связи с тем, что в подгруппе 1.3. контрагенты агрегированы без детальной классификации, X_{29} (поставщики) и X_{31} (потребители) получили вес 0,4, а X_{33} (научные и образовательные организации) – 0,2.

Так как $X_m \in [1;5]$, то при $\sum k_m = 3$, $I_{ic} \in [3;15]$.

Аналогично для показателя развития экосистемы инновационной кооперации.

Пусть:

$$I_{ie} = X_n \times k_n, \quad (2)$$

где X_n – средняя балльная оценка рассматриваемого критерия, при n – номер вопроса, для данной выборки $n \in \{13;14;27;28;37;38;39;40\}$, где k_n – вес, присвоенный балльной оценке X_n в соответствии с таблицей 10.

Показатель сформирован из средних балльных оценок, отражающих ключевые элементы экосистемы инновационной кооперации. Так, вопросы 13 и 14 – отражают оценку временных затрат на поиск субъектов и программ государственной поддержки и институтов развития, 27-28 – временные затраты на заключение с ними контрактов, 37 – доступность информации о программах государственной поддержки, 38 – уровень взаимодействия с управляющей компанией кластера, 39 и 40 – оценку уровня нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности и деятельности кластеров соответственно. При этом как наиболее значимый элементы данной группы при формировании экосистемы инновационной кластерной кооперации экспертами названо нормативно-правовое обеспечение, что и получило отражение в весах интегрального показателя.

Таблица 9

Распределение весовых коэффициентов в интегральном показателе
внутрикластерной инновационной кооперации

№ вопроса	Подгруппа 1.1						Подгруппа 1.2						Подгруппа 1.3		
	1	3	5	7	9	11	15	17	19	21	23	25	29	31	33
k_m	0,20	0,20	0,10	0,10	0,10	0,30	0,20	0,20	0,10	0,10	0,10	0,30	0,40	0,40	0,20
	$\sum k_{1-11} = 1$						$\sum k_{15-25} = 1$						$\sum k_{29-33} = 1$		

Таблица 10

Распределение весовых коэффициентов в интегральном показателе развития
экосистемы инновационной кооперации

№ вопроса	13	14	27	28	37	38	39	40
k_n	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
	$\sum k_{13-40} = 1$							

Так как $X_n \in [1;5]$, то при $\sum k_n = 1$, $I_{ie} \in [1;5]$.

По результатам экспертных оценок за исследуемый период времени были определены значения указанных интегральных показателей. Для сравнения, с использованием формулы 1 и аналогичных весовых коэффициентов также был произведен расчет интегрального показателя I_{n-ic} по средним оценкам, характеризующим взаимодействие за пределами кластера. Сводная таблица 11 представляет полученные значения и иллюстрирует динамику изменений, позволяя сделать вывод об эффективности внутрикластерной инновационной кооперации (по всем годам величины интегрального показателя превышают аналогичные оценки за пределами кластерной структуры).

Таблица 11

Сводная таблица
интегральных показателей

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	2019 г.
I_{ic}	9,70	11,04	11,91
I_{n-ic}	6,29	6,26	6,57
I_{ie}	2,31	2,69	3,05

Заключительным этапом анализа результатов экспертного опроса стало построение процентильных таблиц распределения средних балльных оценок по

группам показателей, характеризующих транзакционные издержки, в зависимости от времени существования кластерной структуры, а также обобщение результатов дополнительных экспертных интервью, что, в свою очередь, позволило классифицировать исследуемые кластеры по трем стадиям жизненного цикла кластерного образования: зарождающийся, развивающийся и зрелый кластер. Диаграмма, представленная на рисунке 5 иллюстрирует распределение средних значений балльных оценок величины транзакционных издержек в зависимости от фазы жизненного цикла кластера, где:

ТИП – транзакционные издержки поиска контрагентов;

ТИЗ – транзакционные издержки заключения контрактов;

ТИО – транзакционные издержки оппортунистического поведения.

Следует подчеркнуть, что, как уже было сказано выше, приведенные оценки являются показателями качества кластерной среды и отражают удобство ведения бизнеса посредством оценки участниками рынка транзакционных издержек. В соответствии с принятой логикой построения экспертного опроса для данных критериев чем выше баллы – тем ниже издержки и, таким образом, выше качество кластерной среды.

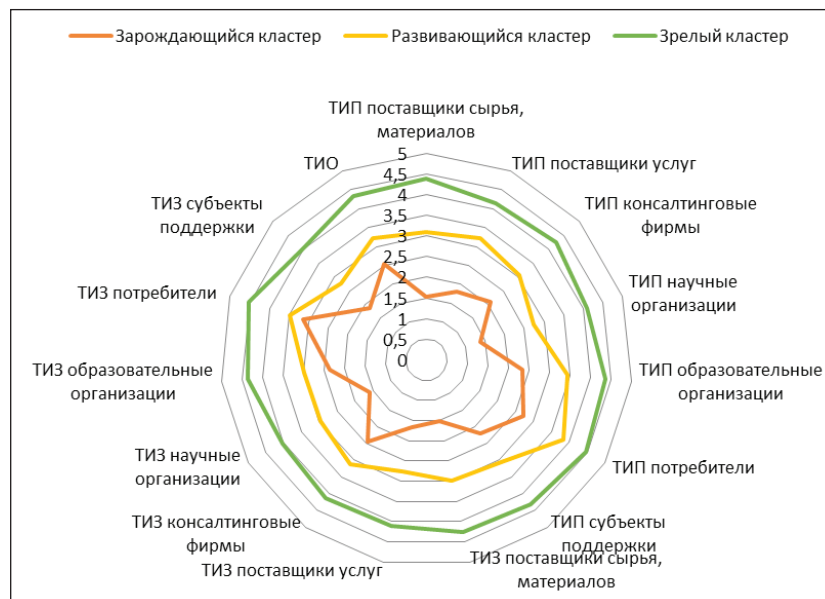

Рис. 5. Распределение величин транзакционных издержек в зависимости от фазы жизненного цикла кластера, баллы

Заключение

Проведенный в рамках исследования анализ позволяет сформулировать следующие общие выводы по состоянию кластерного развития в Санкт-Петербурге:

- анализ динамики выбранных значе- ний критериев, характеризующих инно- вационную кооперацию, позволяет го- ворить о необходимости усиления мер кластерной политики и программ под- держки, направленных на расширение

таких форм инновационной кооперации как совместное использование результа- тов НИОКР и технологий;

- анализ динамики выбранных значе- ний критериев, характеризующих экоси- стему инновационной кластерной коопе- рации – необходимость совершенствова- ния нормативно-правового обеспечения деятельности кластеров и иллюстрирует тенденции совершенствования инфор- мационной поддержки деятельности участников кластеров.

Библиографический список

1. Зайцев А.А., Сулин М.А. Концептуальные подходы к определению приоритетов государственного регулирования в аграрной сфере региона // Известия Международной академии аграрного образования. СПб: Издательство МААО, 2015. № 21. С. 120-125.
2. Зайцев А.А., Талерчик С.М. Кластерная политика региона как основа его инновационной устойчивости // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: сборник статей / под общей редакцией В.Н. Скворцова, 2016. С. 138-142.
3. Жогова Е.В., Зайцев А.А., Родионов Д.Г. Инструментальные методы оценки региональной промышленной политики // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 2. С. 35.
4. Схведиани А.Е., Кудрявцева Т.Ю. Анализ локализации химической промышленности в реги- онах Российской Федерации в 2009-2018 годах // В сборнике: Кластеризация цифровой экономики: Глобальные вызовы. Сборник трудов национальной научно-практической конференции с зарубеж- ным участием. В 2-х томах. Под редакцией Д.Г. Родионова, А.В. Бабкина. 2020. С. 176-184.
5. Рудская И.А., Бычкова А.В. Развитие инновационных кластеров в Санкт-Петербурге с участи- ем вузов // Современная экономика социальные вызовы и финансовые проблемы XXI века: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 114-121.
6. Зайцев А.А. Развитие методологии системного анализа в управлении устойчивостью аграрных отношений // Известия Международной академии аграрного образования. СПб: Издательство МААО, 2012. Вып. 15. Т. 2. С. 47-56.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 30.08.2020).
8. Официальный сайт Центра кластерного развития Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://spbcluster.ru/> (дата обращения 30.08.2020).
9. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, утверждённый Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения 30.08.2020).
10. Официальный сайт ГИС Индустриальные парки, технопарки, кластеры [Электронный ре- сурс]. URL: <https://www.gisip.ru/> (дата обращения 30.08.2020).
11. Официальный сайт ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата об- ращения 30.08.2020).
12. Родионов Д.Г., Кичигин О.Э., Селентьева Т.Н. Особенности оценки конкурентоспособности инновационного регионального кластера: институциональный подход // Научно-технические ве- домости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 43-58.
13. Родионов Д.Г., Кичигин О.Э., Селентьева Т.Н. К вопросу об условиях возникновения класте- ров на рынке монополистической конкуренции: институциональный подход // Регионоведение. 2020. Т. 28. № 1 (110). С. 48-79.
14. Лубенец Ю.В. О модифицированном коэффициенте конкордации, учитывающем в боль- шей степени согласованность лучших альтернатив // Вестник ИпГТУ. 2017. №10 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-modifitsirovannom-koeffitsiente-konkordatsii-uchityvayuschem-v-bolshey-stepeni-soglasovannost-luchshih-alternativ> (дата обращения: 30.08.2020).
15. Rudskaja I., Rodionov D. Construction of efficiency indicators for innovative activity in Russia's regions // Review of Integrative Business and Economics Research. 2018. Т. 7. № 1. С. 16.

УДК 332.83

Ю. И. Селиверстов

БГТУ им. В.Г. Шухова, Белгород, e-mail: urisel@mail.ru

М. А. Шевченко

БГТУ им. В.Г. Шухова, Белгород, e-mail: shev-ma-93@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН ДОСТУПНЫМ ЖИЛЬЕМ

Ключевые слова: жилищная инфраструктура, жилищные проекты, федеральные жилищные программы, ипотечное жилищное кредитование.

В статье рассмотрена проблема создания благоприятных условий для развития доступной жилищной инфраструктуры посредством реализации государственной программы и входящих в нее подпрограмм и проектов. В ходе проведенного аналитического анализа выявлены существующие механизмы решения жилищного вопроса граждан, рассмотрены применяемые инструменты. Изучены, проанализированы и представлены в графическом виде данные о состоянии жилищного сектора, его динамики и сложившихся тенденций на рынке ипотечного жилищного кредитования. Проанализирован сложившийся тренд развития строительной отрасли в целом, представлены плановые показатели государственного развития данного направления. Описаны некоторые существующие национальные и региональные программы и проекты, нацеленные на повышение доступности жилья, увеличение объемов жилищного строительства. Предложены возможные новые инструменты для решения жилищной проблемы.

Yu. I. Seliverstov

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod,
e-mail: urisel@mail.ru

M. A. Shevchenko

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod,
e-mail: shev-ma-93@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF CREATING FAVORABLE CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY AND PROVIDING CITIZENS WITH AFFORDABLE HOUSING

Keywords: housing infrastructure, housing projects, federal housing programs, residential mortgage.

The article deals with the problem of creating favorable conditions for the development of affordable housing infrastructure through the implementation of the state program and its subprograms and projects. In the course of the analytical analysis carried out, we revealed the existing mechanisms for solving the housing problems of citizens and considered the tools used. The data on the state of the housing sector, its dynamics and trends in the residential mortgage market were studied, analyzed and presented in a graphical form. The current trend of the construction industry development was analyzed in general, the planned indicators of the state development of this direction were presented. We described some existing national and regional programs and projects aimed at increasing the affordability of housing and housing quantity. Possible new tools for solving the housing problem were proposed.

Повышение уровня жизни российских граждан абсолютно закономерно влечет за собой рост требований, предъявляемых к жилью. Это касается и внутриквартирного комфорта, и расположения жилого дома, и окружающей его инфраструктуры. Поэтому российские граждане должны иметь возможность улучшать свои жилищные условия раз-

личными способами (приобретение готового жилья в собственность, аренда, участие в долевом строительстве и т.д.). Без удовлетворения потребности человека в жилье невозможно говорить ни о каких других социальных приоритетах общества. Кроме того, жилищный вопрос тесно связан с миграцией трудовых кадров и демографической ситуацией в стране.

По данным Росстата обеспеченность жильем в России составляет 25,9 кв. м на человека. По этому показателю мы уступаем не только развитым странам Запада (Норвегия – 74 кв. м, США – более 60 кв. м, Дания – 50,6 кв. м, Германия и Франция – 43 кв. м, Финляндия – 39 кв. м), но и странам Восточной Европы (около 35 кв. м на человека) и Китаю (30 кв. м) [5, 7]. Расчеты показывают, что для достижения хотя бы уровня Восточной Европы нам предстоит в течение 15-20 лет ежегодно вводить не менее одного квадратного метра на душу населения, то есть около 145 млн. кв. м в год.

В рамках Федеральной целевой программы «Жилище» был определен важный социальный показатель – коэффициент доступности жилья. Он представляет собой частное от деления принятой типовой, средней стоимости квартиры (общая площадь 54 кв. м на семью из трех человек) на годовой доход этой семьи. Или иными словами, сколько лет семья со средним доходом должна работать, чтобы накопить на покупку квартиры. В большинстве регионов России коэффициент доступности равен 5,5 – 6, однако есть регионы, где коэффициент имеет значение 8 -9.

Такой показатель также широко применяется и в мировой практике. Считается, что жилье доступно, если годового дохода домохозяйства достаточно для того, чтобы накопить на квартиру площадью 110 кв. м за три года. В частности, коэффициент доступности жилья в Нью-Йорке составляет 2,7, в Париже – 3, Мельбурне – 3,6, Лондоне – 4,7, Токио 5,6, Стокгольме – 6, Амстердаме – 7,8.

Очевидно, что в настоящее время одним из ключевых направлений государственной политики является обеспечение доступности жилья и развитие жилищного строительного сектора. В этой связи возникает вопрос необходимого симбиоза двух важнейших составляющих: экономической доступности жилья и его качества.

Доступность жилья может быть обеспечена двумя основными способами: приобретением в собственность или аренда. В большинстве развитых европейских стран доля жилья в собственности населения составляет не более 20-30%. В России значительная доля на-

селения, по-прежнему, стремится приобрести квадратные метры жилой площади в собственность, а не на условиях аренды или найма, зачастую в угоду экономически невыгодным условиям ипотеки или с привлечением других кредитных продуктов. Высокая доля жилья в собственности у населения также во многом связана с приватизацией, которая продолжается уже более 25 лет.

В то же время, многие российские исследователи считают, что активно должен развиваться арендный рынок жилья, чтобы иметь возможность удовлетворять потребности домохозяйств с доходами, недостаточными для покупки жилья. С одной стороны, зарубежный опыт показывает, что в случае аренды наниматель не тратится на текущий и капитальный ремонт и налог на имущество, а в случае перемены места работы может легко от этого жилья отказаться. Но, с другой стороны, строительство арендного жилья не выгодно инвестору, так как:

а) инвестиции имеют низкую рентабельность вследствие высоких затрат на строительство и низкие доходы от арендных платежей;

б) высокая стоимость земельных участков и необходимость обустройства инженерной инфраструктуры обуславливают длительные сроки окупаемости инвестиций;

в) практически отсутствуют механизмы государственного содействия частным инвесторам при строительстве арендного жилья.

С учетом изложенных выше факторов, а также сложившейся ментальности населения, которая не предполагает социальную и рыночную аренду квартир и домов, вопрос разработки новых доступных механизмов привлечения ресурсов граждан в жилищное строительство сейчас как никогда актуален.

Основной целью работы стало изучению существующих инструментов решения жилищной проблемы населения в условиях применения механизма государственно-частного партнерства, а также анализ динамики показателей жилищного сектора в России.

В ходе написания был использован аналитический метод исследования данных, применены статистические и дедуктивные инструменты изучения материала.

Основными источниками финансирования строительства являются средства населения (60% проектов профинансировано за счет продажи жилья на стадии строительства) и кредиты банков (применяется в 40% проектов) [6]. Так по итогам 2018 года российскими гражданами была оформлена 1 470 551 единица жилищных кредитов, общий объем которых составил 2 967 746 млн. рублей, то есть средний размер одного кредита составил порядка 2 млн. рублей. При этом средняя взвешенная ставка процента по кредиту была зафиксирована на уровне 9,59%, а срок погашения превысил 16 лет. Аналогичные показатели за 2019 год продемонстрировали негативную динамику (рис. 1), а именно:

объем кредитования составил 2 856 938 млн. рублей, что на 3,7 % меньше, чем в предшествующем году;

количество выданных жилищных кредитов зафиксировалось на уровне 1 287 797 единиц;

средний размер кредита на одного заемщика увеличился на 9,9 % к уровню 2018 года и составил 2 218 тыс. рублей;

значение процентной ставки в средней взвешенной величине составило 9,99 %;

средний срок кредитования вырос на 1 год и 8 месяцев (равен 17 лет 10 месяцев) [3].

За первое полугодие 2020 года тенденция в области ипотечного жилищного кредитования улучшилась, что подтверждается снижением средней взвешенной

ставки до 8,47% годовых и общим объемом выданных жилищных кредитов в размере 1 510 910 млн. рублей.

Причины сложившейся динамики на рынке жилищного кредитования мы видим в следующем:

- во-первых, это тренд на снижение процентной ставки по ипотечным кредитам, которая колебалась в диапазоне от 9,99% до 8,33% (рис. 2). Безусловно, такой резонанс связан с изменениями ключевой ставки ЦБ РФ, которая также в этот период меняла свои значения от 7,75% до 4,25% (рис. 2), причем последнее исследуемое значение в основном связано с эпидемией 2020 год;

- во-вторых, в 2019 году были приняты изменения в законодательстве, регулирующие отношения сторон долевого строительства. Ужесточение требований 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» повлекло увеличение цен на новостройки, банкротство наименее финансово устойчивых не крупных застройщиков и невозможность работы с применением механизма долевого участия граждан в строительных организациях, не имеющих достаточного размера собственного капитала, опыта работы на рынке, количества введенных в эксплуатацию квадратных метров жилых помещений и т.п.

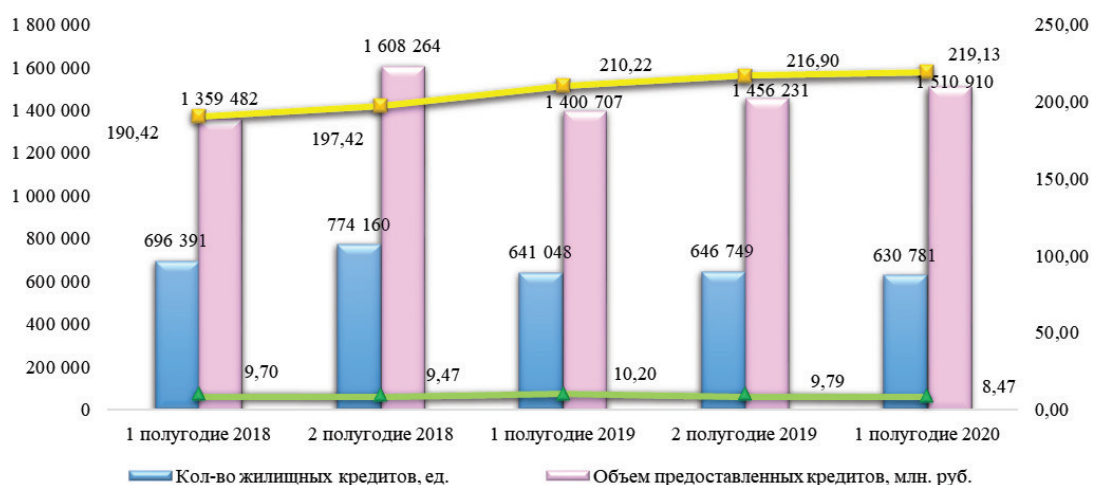

Рис. 1. Динамика показателей жилищного кредитования физических лиц-резидентов РФ

The chart displays the volume of new construction in Moscow from 2014 to 2019, categorized by quality and type of construction. The Y-axis represents the volume in square meters, ranging from 30,000 to 150,000. The X-axis represents the years from 2014 to 2019. The legend identifies five categories: new construction of average quality (green line with circles), new construction of improved quality (pink line with circles), elite new construction (grey line with circles), secondary construction of average quality (yellow line with circles), and secondary construction of improved quality (blue line with circles).

Year	новостройки среднего качества	новостройки улучшенного качества	элитные новостройки	вторичка среднего качества	вторичка улучшенного качества
2014	50 906	52 664	62 288	52 664	59 261
2015	49 189	52 664	80 804	52 664	59 261
2016	52 664	52 664	80 804	52 664	59 261
2017	52 664	52 664	80 804	52 664	59 261
2018	51 157	59 248	131 820	51 157	59 248
2019	53 864	59 097	157 273	53 864	59 097

Конечно, пандемия 2020 года также стала одной из причин изменения объемов жилищного кредитования. Неблагоприятная эпидемиологическая обстановка послужила рычагом к увеличению объемов жилищного кредитования, что связано, в первую очередь, с потребностью граждан во вложении средств в наиболее прибыльные активы. Тем не менее, введенные в 2020 году программы льготного ипотечного кредитования уже приносят результаты, превосходящие аналогичный период 2019 года, что с высокой вероятностью может быть пролонгировано представителями власти на 2021 год.

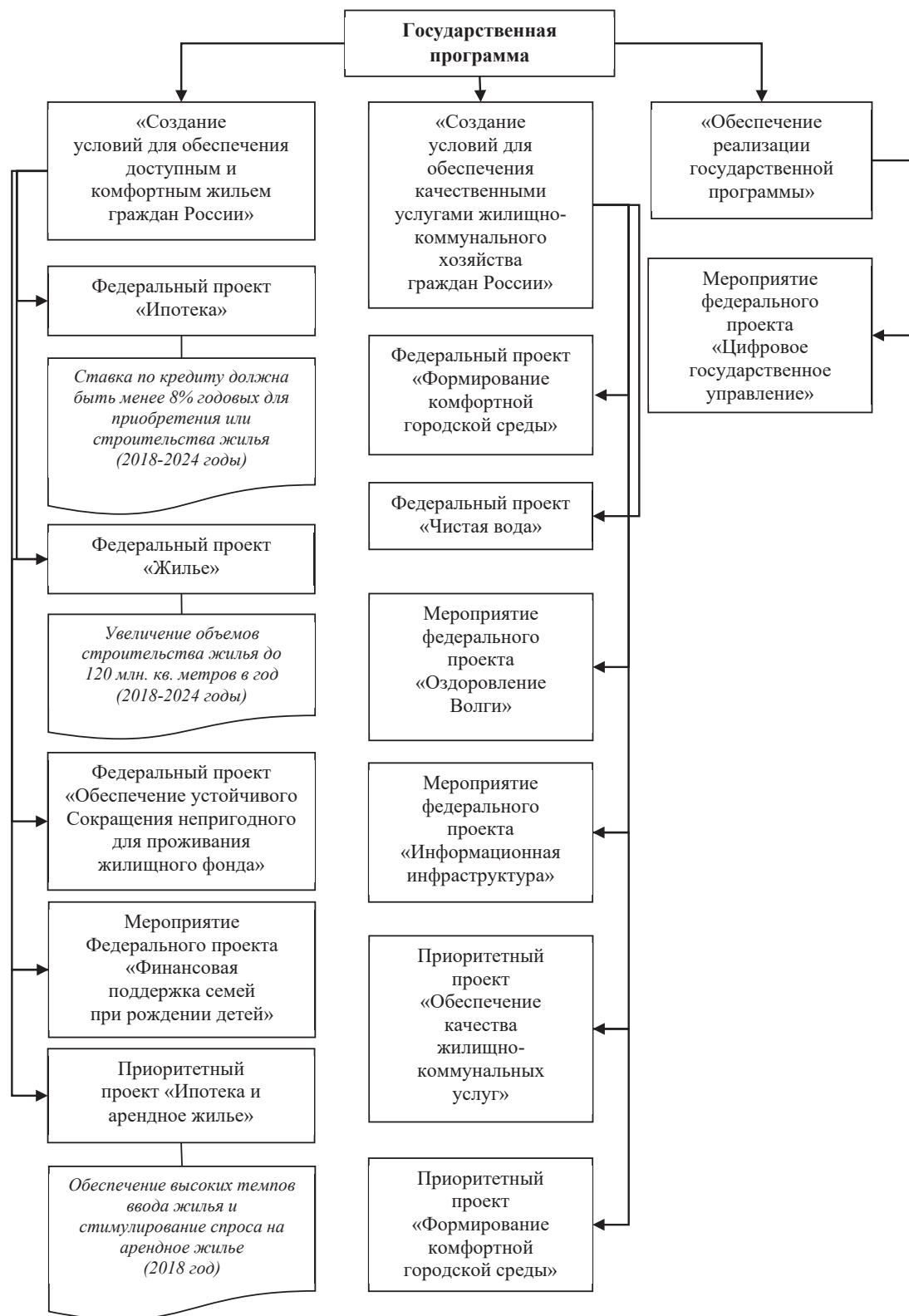

Рис. 4. Схема проектов и мероприятий государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»

С целью повышения доступности жилья и качества жилищного обеспечения населения правительством РФ была утверждена национальная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (Постановление от 30 декабря 2017 года № 1710), в рамках которой обозначены ключевые показатели достижения основной цели, в том числе повышение доступности жилья в разрезе среднего годового дохода граждан.

Национальная программа включает несколько подпрограмм и приоритетных проектов (рис. 4), наиболее интересными из которых показались подпрограммы «Федеральный проект «Ипотека», Федеральный проект «Жилье», Федеральный проект «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда», Приоритетный проект «Ипотека и арендное жилье».

Основной задачей федерального проекта «Ипотека» является создание общедоступных условий ипотечного кредитования путем снижения процентной ставки до 8% годовых и фиксирования ее на этом уровне. В качестве инструментов, используемых для достижения цели, предполагается оперировать ликвидностью операций (повышение), кредитными рисками банка

(снижение), применять механизмы рефинансирования, а также стандартизировать рынок ипотечного жилищного кредитования.

Одним из основных направлений государственной программы стал проект «Жилье», в рамках которого действует четыре крупных блока: повышение качества и модернизация технологий строительной отрасли, внедрение новых принципов проектирования, совершенствование механизмов государственной поддержки; снижение административной нагрузки на застройщиков, совершенствование нормативно-правовой базы и порядка регулирования в сфере жилищного строительства; эффективное использование земельного фонда в целях обеспечения жилищного строительства при условии сохранения зеленой среды; развитие высшего и среднего профессионального образования в области строительства и городского хозяйства, а также повышение квалификации специалистов в области архитектуры, градостроительства и строительства.

Важнейшим показателем эффективности реализации мероприятий в рамках проекта «Жилье» является объем ввода жилых помещений в год. Согласно паспорта программы к 2024 году ввод жилья ежегодно должен достичь уровня 120 млн. квадратных метров (рис. 5).

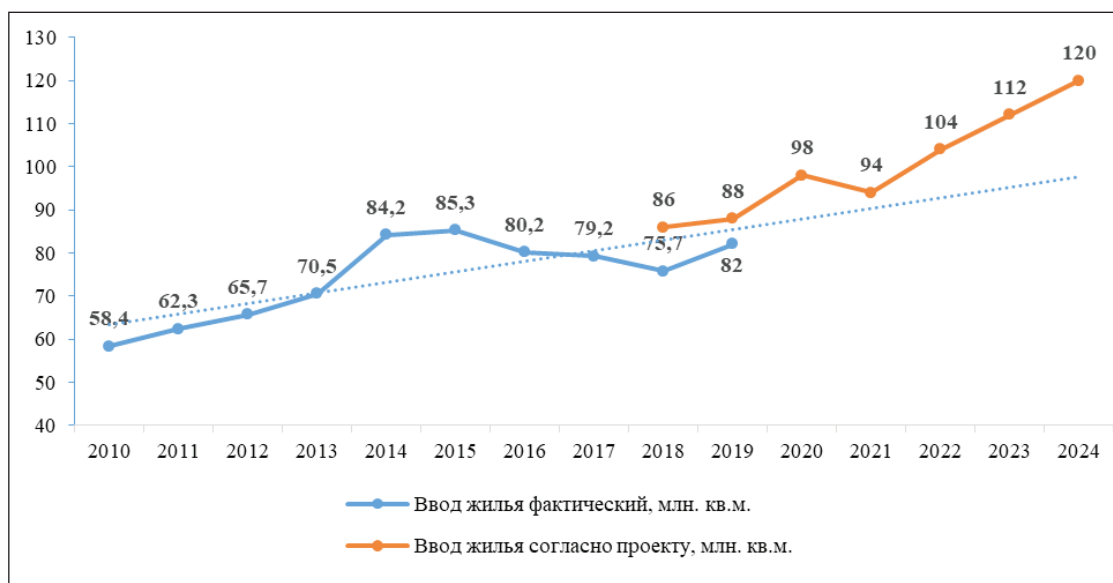

Рис. 5. Ввод жилья, фактически сложившийся с 2010 года и прогнозируемый в рамках федерального проекта «Жилье»

Выделенная пунктиром линия тренда позволяет предположить, что вероятнее всего в сложившихся условиях достижение плановых показателей в 2022-2024 гг. является невозможным, однако, при условии внедрения новых технологий в проектировании и строительстве, а также использования принципиально новых финансово-экономических и юридических инструментов, возможен некий скачок в будущем.

Следует отметить, что многие регионы использовали основные принципы и механизмы национальной программы и стали участниками различных ее подпрограмм и проектов. По итогам 2018 года в рамках мероприятия по стимулированию программ развития жилищного строительства субъектов РФ за счет поддержки проектов жилищного строительства в 33 субъектах обеспечен дополнительный ввод 7,7 млн. кв. метров жилья. Общий годовой объем ввода жилья составил 75,3 млн. кв. метров жилья, что на 12,7 млн. ниже планового уровня. Снижение данного показателя к плану и к значению за предыдущий период связано с низким количеством новых проектов и достаточно длительной адаптацией застройщиков к новым условиям (реформам). Положительный вклад в реализацию государственной программы был внесен в рамках мероприятия по обеспечению жильем молодых семей – 15,2 тыс. семей по итогам 2018 года получили свидетельства о праве на получение социальной выплаты, также улучшили жилищные условия 11,9 тыс. граждан, перед которыми федеральным законодательством установлены государственные обязательства по обеспечению жильем [2]. Так, например, различные проекты реализуются в Белгородской [4] и Свердловской [1] областях.

Таким образом, вопрос модернизации принципов регулирования сектора жилищного строительства, а также инструментов улучшения жилищных условий граждан, по-прежнему остается актуальным и требует разработки новых методов и подходов. В ходе аналитического анализа существующих проектов и программ были сделаны выводы о том, что, несмотря на различность юридиче-

ской и финансовой сторон изученных подходов, основной принцип остается одинаковым – механизмы основаны на государственных субсидиях и дотациях. Отсюда получается, что экономическая составляющая для государства, как единицы процесса создания благоприятной жилищной инфраструктуры, снижается, уступая социальным целям. А именно происходит отвлечение федеральных средств для предоставления различного вида материальной помощи разным группам граждан в решении жилищного вопроса. Конечно, часть выделенных средств с течением времени вернется в бюджеты различных уровней в виде налоговых отчислений, но в целом эффективность таких механизмов снижается.

Исходя из всего вышесказанного, возникает потребность в разработке и применении новых методологий решения существующей проблемы, а именно применения новых подходов с участием частных структур (юридических лиц – застройщиков, например, или инвесторов; кредитных организаций – банков, КПК; кооперативов – жилищных накопительных и строительных; граждан) и государства в лице региональных властей, что позволит:

а) увеличить эффективность и сроки реализации федеральных программ;

б) вовлечь застройщиков и инвесторов в процесс создания благоприятной жилищной инфраструктуры, как следствие, снизить бюджетную нагрузку и дать возможность открытия для частных компаний новых направлений деятельности или реструктурирования существующих;

в) кредитным организациям и кооперативам стать эффективным инструментом финансового обеспечения как юридических лиц, участвующих в реализации той или иной программы, так и физических лиц – нуждающихся в улучшении жилищных условий граждан;

г) применять механизм работы жилищных накопительных кооперативов как инструмента планирования приобретения жилья на долгосрочную перспективу, используя только имеющиеся в настоящий момент ресурсы («касса взаимопомощи», инструмент сбережений).

Библиографический список

1. Молодая семья // Информационно-справочный портал «Ипотека в РФ». [Электронный ресурс] URL: <https://ipotekahouse.ru/socialnaya-ipoteka/dlya-molodoj-semi/> (дата обращения: 21.09.2020).
2. Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан российской федерации // Портал государственных программ РФ. [Электронный ресурс] URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/realizaciya-gosudarstvennyh-programm/29/> (дата обращения: 21.09.2020).
3. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Банк России: статистика (банковский сектор). [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (дата обращения: 21.09.2020).
4. Программа Молодая семья в городе Белгород и Белгородской области // Сайт о программе. 2020. [Электронный ресурс] URL: <http://molodaja-semja.ru/regiony/v-gorode-belgorod-i-belgorodskoj-oblasti/> (дата обращения: 21.09.2020).
5. Рябова И. Жилищный вопрос // ЭКОНС: Экономический разговор. 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://econs.online/articles/details/strany-tretego-riska/> (дата обращения: 21.09.2020).
6. Селютина Л.Г. Социальное жилье – стратегическое направление развития строительства в регионах России / Л.Г. Селютина, К.О. Булгакова, М.С. Бессонов, А.А. Пайгусов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-1. С. 142-144.
7. Эксперты рассказали, какое жилье будет действительно комфортным для россиян. [Электронный ресурс] URL: <https://news.ners.ru/eksperty-rasskazali-kakoe-zhile-budet-dejstvitelno-komfortnym-dlya-rossiyan.html> (дата обращения: 24.09.2020).

УДК 332.122

Э. И. Тагирова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, e-mail: dream-any@mail.ru

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ДЕПРЕССИВНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: депрессивные территории, региональная экономика, рост, развитие территорий, эффективное управление.

В статье описываются особенности механизма управления депрессивными территориями, который связан с экономическим ростом других территорий. Для описания данного механизма было дано определение депрессивных территорий, под которыми понимаются такие территории, в которых на текущий момент времени низкие показатели социально-экономического развития, чем средние показатели по стране, но когда-то в прошлом имели ведущие показатели. Возникновение данных территорий связано с экономическим, социальным и природно-географическим потенциалом. Для отнесения к депрессивным территориям должно быть отставание таких отраслей экономики, как промышленность, строительство, транспорт, связь, торговля и сельское хозяйство по средним показателям данных отраслей по стране на протяжении 12 лет. Депрессивные территории не могут выйти из состояния кризиса самостоятельно, им требуется поддержка со стороны правительства. Правительства тщательно выделяют и следят за данными территориями с целью организации эффективной поддержки для перехода данных территорий в фазу экономического роста. В качестве правительственной поддержки создаются целевые программы. Целевая программа направлена на ускорение экономической перестройки и смягчению неблагоприятных последствий. Суть целевой программы заключается в создании особого экономико-правового статуса на депрессивных территориях. Данные целевые программы уже имеют положительные результаты и позволяют улучшить ситуацию в депрессивных территориях и восстановить экономический рост этих территорий.

E. I. Tagirova

Ufa Federal research center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, e-mail: dream-any@mail.ru

MECHANISM FOR MANAGING DEPRESSIVE TERRITORIES: EXPERIENCE AND PROBLEMS

Keywords: depressed territories, regional economy, growth, development of territories, effective management.

The article describes the features of the management mechanism of depressed territories, which is associated with the economic growth of other territories. To describe this mechanism, a definition was given of depressed territories, which are understood as those territories in which at the current time there are low indicators of socio-economic development than the national average, but once in the past had leading indicators. The emergence of these territories is associated with economic, social and natural-geographical potential. To be classified as depressed territories, there should be a lag in such sectors of the economy as industry, construction, transport, communications, trade and agriculture in terms of the average indicators of these sectors in the country over 12 years. Depressed territories cannot get out of the crisis on their own; they need government support. Governments carefully identify and monitor these territories in order to organize effective support for the transition of these territories into the phase of economic growth. Targeted programs are created as government support. The targeted program aims to accelerate economic restructuring and mitigate adverse effects. The essence of the target program is to create a special economic and legal status in depressed areas. These targeted programs have already had positive results and help improve the situation in depressed areas and restore economic growth in these areas.

Введение

Развитие территорий в условиях глобализации рынка осуществляется с помощью пространственного подхода, который позволяет достигнуть экономический рост территорий, однако за счёт определённых факторов наблюдается существенная дифференциация в развитии территорий, что способствует к появлению депрессивных территорий. Одна из

главных задач правительств стран заключается в преодолении данной дифференциации и установить стабильный экономический рост каждого региона. Исследования многих лет показали, что существует определенный механизм управления депрессивными территориями, который имеет свои особенности и

предпосылки, которые можно контролировать и предотвратить, следовательно, необходимо выявить данные особенности механизма управления депрессивными территориями.

Цель исследования заключается в выявлении причин, проблем и механизмов управления депрессивными территориями.

Материал и методы исследования

Используемыми материалами для проведения исследования были отечественные и зарубежные научно-аналитические материалы по теме формирования депрессивных территорий в отечественной и зарубежной практике. Был сделан упор на исследования отечественных авторов, описывающие особенности развития депрессивных территорий. Основными методами, которые были использованы при проведении исследования, являлись сравнительный анализ научно-практических работ отечественных авторов, также были применены методы систематизации и обобщения при выявлении особенностей механизма формирования депрессивных территорий.

Результаты исследования и их обсуждение

Региональная экономика каждого государства занимается вопросом развития депрессивных территорий, так как без правительственной поддержки данные территории не могут выйти из статуса «депрессивных». Под депрессивными районами понимают такие территории, в которых на текущий момент времени низкие показатели социально-экономического развития, чем средние показатели по стране, но когда-то в прошлом имели ведущие показатели. Главной причиной отнесения района в данную категорию можно назвать несостояние территории в самостоятельном преодолении социально-экономического кризиса.

Если рассматривать историю появления данного термина, то данный термин неразрывно связан с основными отраслями региона, на которых и специализировался регион. С изменениями экономики данные отрасли в регионах ухудшили свои показатели и стали менее конкурентоспособными, за счёт чего спрос на продукцию стал низким, в последствии

регионы из статуса среднеразвитых стали переходить в депрессивные. Это связано с тем, что появляются прогрессивные и экологичные отрасли, которые вытесняют старопромышленные. Помимо ухудшения экономических показателей наблюдаются и резкое ухудшение социальных показателей, что свидетельствует об ухудшении качества жизни населения. Депрессивность территорий связана со множеством факторов, таких, как: географические; исторические; демографические; экономические; экологические и т.д.

К немаловажным факторам можно также отнести региональную политику территорий, действия администрации регионов и т.д.

Депрессивные регионы определяются определенными причинами, группами факторов, отличительными признаками (табл. 1) [1]. Для оценки уровня депрессивности территории используют социально-экономические и демографические показатели (рис. 1).

Экономический кризис депрессивных территорий составляет не менее 12 лет, поэтому такие территории не могут самостоятельно выйти из данного кризиса. Для отнесения к депрессивным территориям должно быть отставание таких отраслей экономики, как промышленность, строительство, транспорт, связь, торговля и сельское хозяйство по средним показателям данных отраслей по стране на протяжении 12 лет. Есть и другое определение данного отставания: если доля отрасли в объёме ВРП менее 30%.

Как было отмечено ранее, депрессивные территории не могут выйти из состояния кризиса самостоятельно, им требуется поддержка со стороны правительства. Правительства тщательно выделяют и следят за данными территориями с целью организации эффективной поддержки для перехода данных территорий в фазу экономического роста. В качестве форм и методов поддержки каждое правительство предпринимает различные меры, поэтому необходимо рассматривать не только отечественный, но и зарубежный опыт [2].

Были рассмотрены такие страны, как Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды, Канада, Япония и их способы решения проблемы депрессивных территорий (табл. 2).

Таблица 1

Причины, факторы, признаки депрессивных территорий

Наименование	Сущность
Причины возникновения	1. Переход от плановой экономики к рыночной; 2. Снижение конкурентоспособности продукции отраслей территории от других аналогичной продукции других территорий; 3. Сокращение инвестиционного спроса; 4. Прекращение системы государственных заказов на выпуск продукции; 5. Сокращение природных ресурсов, как сырья и материалов для производства; 6. Изменения в экономике
Факторы появления	1. Неадаптированность экономики региона к рыночной экономике, так как преобладает большое количество нерентабельных производств, соответственно низкий спрос на неконкурентоспособную продукцию; 2. Недостаточность бюджетных средств на развитие производств в данных территориях; 3. Спад производства, за счёт чего происходит сокращение рабочих мест, следовательно рост уровня безработицы
Отличительные признаки	1. Высокий уровень накопленного научно-технического потенциала; 2. Значительная доля промышленности в структуре экономики; 3. Высокий уровень квалификации кадров.

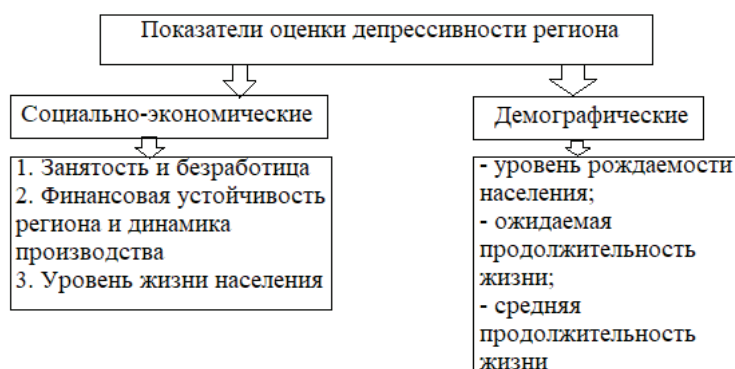

Рис. 1. Показатели оценки депрессивности региона

Данные меры зарубежных стран способствовали положительному изменению и привели некоторые районы из состояния депрессии в фазу экономического роста. Принимать данные меры в российской практике невозможно, так как нужно учитывать менталитет, специфику России, поэтому Правительство РФ принимает собственные меры по поддержке депрессивных территорий.

На сегодняшний день к депрессивным территориям в Российской Федерации относят Ивановская, Читинская, Курганская, Кировская области, Чувашская Республика. Наблюдаются признаки депрессивных территорий в Амурской, Архангельской, Рязанской областях и др.

Рассматривая механизм управления депрессивными территориями, можно

сделать вывод, что его особенность состоит в том, что данный механизм запускается при экономическом росте. Экономический рост приводит одних территорий к образованию точек роста, районов нового освоения, а других к депрессивному состоянию (рис. 2).

Причинами возникновения большого количества депрессивных территорий на территории РФ можно выделить в три группы: экономический, социальный и природно-ресурсный потенциалы (рис. 3) [3].

Из-за вышеперечисленных причин происходит возникновение дифференциации между регионами, из-за чего некоторые территории становятся депрессивными, так как данную дифференциацию не могут депрессивные территории изменить самостоятельно.

Таблица 2

Стратегия и меры развития депрессивных территорий зарубежными странами

Страна	Депрессивные территории	Стратегия	Меры
Велико-британия	Уэльс	Развитие угольного производства	Привлечены крупные частные инвестиции, созданы специальные правительственные органы для формирования привлекательных условий для инвестиций, поддержка правительством иностранных инвесторов
Германия	Рурская область	Переориентация предприятий с горнодобывающей отрасли на авто- и машиностроение, электротехнику и высокоточную механику, сферу услуг.	1. Оказание дополнительной помощи депрессивным регионам не способным самостоятельно решить возникшие проблемы; 2. Определение единой схемы реформирования и развития всех регионов;
Франция	Альпийские долины Мариенне и Арве	Переход от металлообрабатывающей промышленности к формированию кластеров	Формирование и развитие национальных кластеров на базе научного потенциала исследовательских центров
Нидерланды	Регион Твенте	Стратегия поддержки инноваций, придание инновациям и предпринимательству статуса национальной экономической идеи.	Сотрудничество вузов и промышленности при поддержке национального правительства. Создание инновационной платформы при участии правительства.
Канада	Восточный Квебек	Улучшение уровня жизни в регионах с высоким уровнем безработицы и низким экономическим ростом	Развитие «специальных областей» и применение «региональных индустриальных стимулов» в целях реализации проектов, направленных на совершенствование транспортной и водной инфраструктуры регионов и развитие промышленных зон с предоставлением грантов компаниям, создающим новые рабочие места на определенных территориях
Япония	Кобэ	Переход от тяжелой промышленности к инновационной медицинской промышленности.	Создание интеллектуального инновационного кластера, медицинского индустриального города Кобэ

Рис. 2. Сущность поляризации территориальных систем

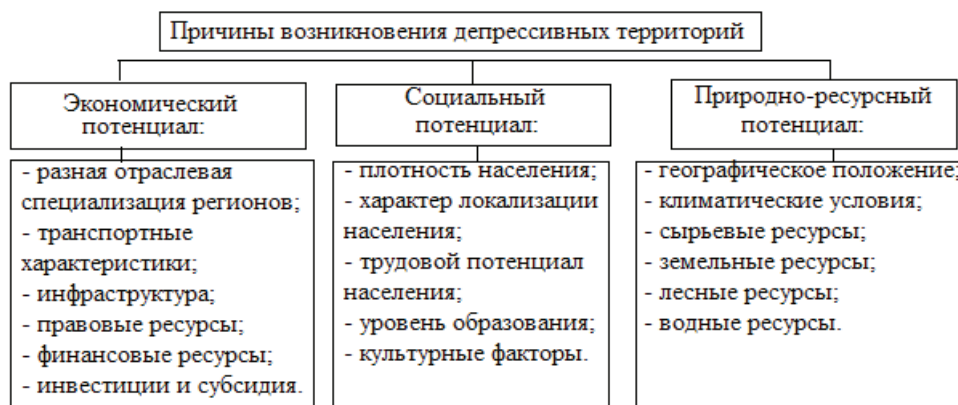

Рис. 3. Причины возникновения депрессивных территорий

Механизм управления депрессивными территориями начинается с экономического роста других территорий. Данный механизм невозможно предотвратить, однако возможно контролировать данный процесс с помощью государственной поддержки [4].

Поддержка депрессивных регионов Правительством РФ осуществляется на следующих принципах:

1. Целенаправленности, который заключается в применении целевых государственных программ, так как территории не могут самостоятельно преодолеть кризисную ситуацию, поэтому без помощи федеральных и межрегиональных органов;

2. Единство территории. Депрессивные территории рассматриваются как единый социально-хозяйственный комплекс с целью обеспечения улучшения качества жизни людей;

3. Обоснованности. Прогнозирование развития депрессивных территорий должен быть обоснованным и долгосрочным на срок 5-10 лет;

4. Согласованности интересов. Для реализации программ по поддержке депрессивных территорий на основе социального партнёрства, так как подразумевает под собой согласованность всех участников государственной политики;

5. Дифференциации. Государственные программы по поддержке развития депрессивных территорий должны быть дифференцированной, конкретизированной и объективной.

Правительство РФ активно занимается поддержкой депрессивных террито-

рий и предпринимает следующие формы поддержки данных территорий:

1) создание федеральных программ по развитию и поддержки депрессивных территорий. Такие федеральные программы финансируются Правительством РФ на возмездной или безвозмездной основе;

2) предоставление льгот и преференций предприятиям, реализующим деятельность на депрессивных территориях и обеспечивающим рабочими местами местное население. Таким предприятиям также оказывают помощь в реконструкции и развития производств. Данные предприятия обязаны заниматься переподготовкой кадров, повышением их квалификации, а также оказывать социальную и экономическую помощь населению данной территории;

3) оказание правовой, организационной, финансовой помощи органам местного самоуправления. Данная помощь необходима депрессивным территориям с целью развития их [5].

Данные программы поддержки депрессивных территорий носят целевой характер. Целевая программа направлена на ускорение экономической перестройки и смягчению неблагоприятных последствий. Суть целевой программы заключается в создании особого экономико-правового статуса на депрессивных территориях. Такие программы могут реализоваться на федеральном уровне или на федерально-региональном уровне [6].

При федеральном уровне программа управляется федеральными органами и

финансироваться из федерального бюджета. Данный уровень удобен тем, что такие программы лучше подготавливаются, контролируются и больше финансируются. При федерально-региональном уровне местные власти наиболее заинтересованы в развитии территорий, так как финансируются программы из местного бюджета.

Заключение

Для развития депрессивных территорий необходимо создавать большее коли-

чество федеральных программ, направление которых связано с преодолением кризисных ситуаций в данных территориях. Эффективнее всего будут федеральные программы, так как федеральные программы более тщательно прорабатываются, контролируются и дают больший эффект. Механизм управления депрессивными территориями возникает при экономическом росте основополагающих отраслей, следовательно одни территории показывают экономический рост, тогда другие переходят в стадию депрессии.

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01211-20-01 на 2020 г.

Библиографический список

1. Гатауллин Р.Ф. Нивелирование пространственной поляризации социально-экономического развития разноуровневых территориальных систем: монография. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2019. 206 с.
2. Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г. Социально-экономическая эффективность привлечения трудовых мигрантов в Республике Башкортостан // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4 (72). С. 26-37.
3. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г. Теоретико-методологические аспекты нивелирования гетерогенности экономического пространства // Функциональные исследования. 2017. № 4-2. С. 368-372.
4. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Сущность, специфика и основные факторы поляризации территориальных систем // Фундаментальные исследования. 2017. № 4. С. 339-343.
5. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Эффективность территориального развития России: факторы и условия, реальность и тренды // Актуальные вопросы университетской науки. Сборник научных трудов. Уфа, 2016. С. 400-410.
6. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Региональная политика России: реалии, проблемы ожидания // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации. М.: РУДН, 2010. С. 224-235.

УДК 330.34

Д. М. Тадтаев

ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова»,
Цхинвал, e-mail: Tadtaev_dm@mail.ru

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ СТРАН: ЗАИМСТВОВАНИЕ ОПЫТА В УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Ключевые слова: национальная экономика, инновационная экономика, национальная инновационная система, Республика Южная Осетия, глобальная конкурентоспособность.

Современная мировая экономика находится в процессе перехода к шестому технологическому укладу посредством организационно-экономических, материально-технологических и регуляторных изменений, преобладающее значение в которых играет инновационная направленность, меняющая всю парадигму фундаментальных основ, на которых базировалась рыночная экономика. В статье рассматривается опыт построения инновационной экономики в развитых странах, проведен анализ основных этапов формирования инновационной экономики. Выделены фундаментальные особенности, на которых сформировался опыт создания инновационной экономики. Современная мировая экономика находится в процессе перехода к шестому технологическому укладу посредством организационно-экономических, материально-технологических и регуляторных изменений, преобладающее значение в которых играет инновационная направленность, меняющая всю парадигму фундаментальных основ, на которых базировалась рыночная экономика. В статье рассматривается опыт построения инновационной экономики в развитых странах, проведен анализ основных этапов формирования инновационной экономики. Выделены фундаментальные особенности, на которых сформировался опыт создания инновационной экономики.

D. M. Tadtaev

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval,
e-mail: Tadtaev_dm@mail.ru

INNOVATIVE ECONOMY OF DEVELOPED COUNTRIES: ADOPTION OF EXPERIENCE FOR THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

Keywords: national economy, innovative economy, national innovative system, Republic of South Ossetia, global competitiveness.

Modern world economy is on its way to sixth technological order through economical, technological and regulatory changes. They are driven by innovations that change the paradigm and fundamentals of market economy. The article overviews the experience of building innovative economy in developed countries. It analyzes main stages of this process. Important features of innovative economy experience are given. Modern world economy is on its way to sixth technological order through economical, technological and regulatory changes. They are driven by innovations that change the paradigm and fundamentals of market economy. The article overviews the experience of building innovative economy in developed countries. It analyzes main stages of this process. Important features of innovative economy experience are given.

Актуальность исследуемой темы определяется рядом следующих взаимосвязанных обстоятельств.

– на современном этапе осознание необходимости и разработка эффективной национальной инновационной экономики остается неспешным и противоречивым процессом, что определяет необходимость разработки механизма, направленный на конкретизацию концептуальной модели развития и построения государственной инновационной политики;

– создание множества моделей, на которых строятся национальные инновационные системы и проблема выбора наиболее эффективной системы для национальной экономики Республики Южная Осетия;

– эффективность любой национальной инновационной системы зависит от грамотного государственного управления и инфраструктуры, необходимой для полноценного функционирования. Возникает объективная необходимость методологического сопровождения оценки

эффективности инновационной системы и разработки стратегии ее развития, учитывающей ее структуру, взаимосвязь элементов и национальные особенности.

Материалы и методы исследования

В процессе изучения опыта азиатских стран в вопросах формирования инновационной экономики использовались статистические, логические методы, а также методы обобщения и сравнения.

Результаты исследования и их обсуждение

Связующими элементами мировой экономики, на которых планируется создание новой модели хозяйственных отношений между все странами, являются инновации и цифровые технологии. Сегодня можно смело утверждать, что дальнейшее развитие человечества и всего мирового хозяйства без них, невозможны.

В научный обиход понятие «инновации» впервые введено Й. Шумпетером в 1911 году в работе «Теория экономического развития», в которой изложена концепция инноваций [6]. Споры по толкованию понятия «инновации» до сих пор не утихли. Существует множество подходов к определению инноваций и их классификаций. Выделяют инновации процессные, объектные, радикальные, вспомогательные и т.д. Практически вся научная среда инновации рассматривают с позиции ведущих европейских и американских стран (Великобритания, Германия, США), так как, они долгое время по праву признавались мировыми лидерами в этой сфере. Но, постепенно пьедестал уступает передовым странам Юго-Восточной и Восточной Азии. Тенденция построения инновационной экономики не мог обойти стороной, самого крупного его представителя, Китая. При этом, учитывая несомненные успехи этой страны, в данной статье рассмотрен опыт и других азиатских стран, которые пополни в перечень мировых лидеров в сфере инноваций.

Для проведения сравнительного анализа стран, общепринятой практикой стала подготовка рейтингов по ним. В статье Абрамовой М.И., Манахова С.В. представлена таблица сравнительных характеристик [1], которая расширена автором в части азиатских стран.

По результатам исследования, проведенного Всемирным экономическим форумом в 2019 году, в «The Global Competitiveness Report 2019» попали все азиатские страны. На первом месте оказался Сингапур, на шестом месте Япония, на тринадцатом месте Республика Корея (Южная Корея) [3]. Не менее интересным является «Bloomberg Innovation Index 2019», который подготавливается экспертами «Блумберг». Здесь на первом месте оказалась Республика Корея (Южная Корея), на шестом месте Сингапур и на девятом месте Япония [2].

Стремление Республики Южная Осетия создать собственную национальную экономику – это стратегическая цель, которую необходимо достичь в возможно короткие сроки для сохранения государственного суверенитета. В быстроменяющейся конъюнктуре мировой экономики и геополитике, сегодня практически нет времени на «холостые обороты». Необходимо разработать качественный «рецепт» последовательных действий, которые будут показывать как качественные, так и количественные изменения в структуре народного хозяйства.

Автор, исходя из проведенного исследования, глубоко убежден, что принимаемые меры в национальной экономике должны базироваться на инновационных началах с учетом особенностей Республики Южная Осетия. Процесс длительный и сложный, но формулирование национальной инновационной модели – осознанная необходимость. Без инновационной модели с каждым днем увеличивает вероятность, что Республика Южная Осетия за бортом мировой экономики 21 века.

Это совсем не говорит о том, что необходимо изобретать «колесо». Существует достаточное количество теоретических выкладок и практического опыта по разработке и внедрению таких систем, и в зависимости от положения национальной экономики, мировой опыт может быть как позитивный, так и негативный. Его необходимо структурировать и провести качественный анализ, без которого крайне опасно формировать новую национальную экономику инновационного типа, функциональная обязанность которой – обеспечение национальных интересов Республики Южная Осетия.

Сравнительные характеристики инновационных стратегий зарубежных стран [1, 3, 4]. *

Страна / название стратегии	Цели и задачи	Основные области реализации	Механизмы и инструменты реализации	Инновационная инфраструктура	Роль образования
Великобритания / «Инновационная нация»	Основная задача – создать в стране наиболее привлекательные в мире условия для инновационного бизнеса и государственных услуг. Основные стратегические задачи: увеличение объема совокупных затрат на исследование и разработки до 2,5% национального дохода; укрепление сотрудничества между университетами и бизнесом; повышение уровня профессиональных навыков в области науки, технологий, инженерного дела и математики.	Спрос на инновации; поддержка инновационной деятельности в предпринимательском секторе; связь инноваций с научно-исследовательской базой; международная инновационная деятельность; профессиональные навыки, связанные с инновациями; инновации в секторе государственных услуг; региональные инновации.	Инновационные платформы; трансфер технологий; исследовательские гранты; контракты, заключаемые на конкурсных условиях; кредитные гарантии малым фирмам; налоговые кредиты; государственные закупки; инновационные ваучеры; ежегодный инновационный доклад.	Наукоград, научно-исследовательские советы, фонды «раннего роста», фонды венчурного капитала, центр исследований инноваций.	Для максимизации инновационного потенциала страны предполагается создание национальных квалификационных академий в каждом крупном секторе экономики, оказание поддержки развитию преподавания в школах, колледжах и университетах дисциплин, связанных с наукой, технологиями, инженерным делом и математикой, дальнейшее расширение тренингового образования, а также развитие повышения профессиональной квалификации для активизации инновационной деятельности в предпринимательском секторе.
Япония / Комплексная стратегия развития инновационной экономики Японии до 2025 г. «Инновации 25»	Основные цели – достижение нового уровня благосостояния японской нации; формирование «Большой Азии» и активизация инновационного сотрудничества с остальной частью мира; формирование высокодуховной, творческой нации, согласной на риски инновационного развития. Стратегическая задача увеличить количество нобелевских лауреатов, повысить уровень международной мобильности ученых, исследователей и студентов.	Медицина и здравоохранение; экология, водные ресурсы и энергетика; передовые технологии и развитие промышленности; безопасность и комфортная жизнь для населения.	Налоговые кредиты; надбавки к налогам; возмещение расходов на оплату услуг патентного поверенного и патентных пошлин; возврат лицензионных пошлин; субсидии и дотации; льготные тарифы; новая политика; ужесточение наказаний за нарушение прав интеллектуальной собственности	Венчурные фирмы; центры трансферта технологий; бизнес-инкубаторы; научные парки; технополисы.	Университеты являются центрами создания интеллектуальной собственности и выступают региональными инновационными центрами. Увеличение финансирования университетов государством. Государство поощряет творческую активность в университетах и развитие человеческих ресурсов, обладающих уникальными способностями. Устраиваются площадки для взаимодействия государства, ученых и бизнеса - специальные штабы для решения и узкоспециализированных научно-технических проблем.

продолжение табл.

Страна / название стратегии	Цели и задачи	Основные области реализации	Механизмы и инструменты реализации	Инновационная инфраструктура	Роль образования
Германия / Стратегия высоких технологий Германии	Цель – захватить мировое лидерство в высокотехнологичном развитии, в производстве и экспорте высокотехнологичных товаров и услуг и стать инновационным государством. Основные задачи – поставка на мировой рынок современной и высококачественной продукции, расширение потенциала частного сектора и создание новых рабочих мест.	Биотехнология, нанотехнология, производственная технология, исследование сферы услуг, микро- и нанoeлектроника, оптическая технология, космос, информационные технологии, коммуникационные технологии.	Кластеры; поддержание трансфера знаний и технологий; «выработка правил»; регулирование охраны окружающей среды; установление стандартов качества; низкопроцентные кредиты; государственные закупки.	Бизнес-инкубационные центры; центры развития; Институт Макса Планка; Институт Фраунгофера; Ассоциация Гельмгольца; Ассоциация Лейбница.	Ежегодный рост доли затрат на НИОКР университетов; участие университетов в конкуренции за финансирование научных и исследовательских проектов; спонсирование кафедр в университете компаниями; подготовка и переподготовка кадров в приоритетных отраслях высокотехнологичного развития.
США	Основная цель – Америка должна быть лидером, возглавить научно-технический прогресс. Основные задачи: инвестирование в фундаментальные и прикладные исследования; создание новых стимулов для частных инновационных разработок; поощрение достижений в области энергетики и медицины; улучшение математического и естественного научного образования.	Обеспечение лидерства на всех направлениях научных знаний; укрепление связей между фундаментальными науками и национальными целями; развитие эффективного партнерства между государством, промышленностью и академическими кругами; подготовка ученых и инженеров особо высокого класса для Америки XXI века; повышение уровня научно-технических знаний населения страны.	Кластеры; специальные экономические зоны инновационного типа; налоговые кредиты; льготное налогообложение; программы НИОКР; трансфер технологий; государственные заказы.	Технопарки; бизнес-инкубаторы; центры превосходства; венчурные фирмы; научно-исследовательские центры; национальные лаборатории; бизнес-ангелы; фонды поддержки НИОКР	США – абсолютный мировой лидер по расходам на образование. Именно университеты являются базой инновационной структуры США. Университеты не только готовят специалистов в области высоких технологий, но и осуществляют создание и коммерциализацию технологических разработок. Университеты играют незаменимую роль в процессе формирования национального человеческого капитала в области науки и технологий.

окончание табл.

Страна / название стратегии	Цели и задачи	Основные области реализации	Механизмы и инструменты реализации	Инновационная инфраструктура	Роль образования
Сингапур / Государственная программа развития инноваций, исследований и предпринимательства	Осуществление коммерциализации передовых технологий, разработанных в исследовательских лабораториях, через создание стартап-компаний; оказание помощи университетам и политехническим колледжам по развитию академического предпринимательства и превращению результатов исследований в коммерческие продукты для реализации на рынке.	Передовые отрасли производства (биотехнологии, фармацевтика, производство электроники, судостроение, сектор финансовых услуг и международный туризм); биомедицину и здравоохранение; сферу услуг и цифровую экономику; градостроительство, развитие проекта «умный город».	Упрощенная регистрация бизнеса, налоговые льготы инновационным предприятиям. Английский язык, являющийся государственным, облегчает деятельность международных компаний, находящихся в Сингапуре. Разработан стандарт международного образца по созданию инвестиционной инфраструктуры в государстве.	Центры превосходства, центры трансферта технологий, фонды «посевного финансирования», бизнес-инкубаторы, государственные венчурные фонды, университетские институты поддержки инноваций.	Политика правящих кругов направлена на комплексную поддержку инновационных процессов, начиная с исследовательских работ (многoproфильная деятельность научно-исследовательского фонда, финансовая поддержка исследований на всех стадиях, созданные совместно с международными университетами исследовательских центров), развития инновационного и предпринимательского духа, начиная со средних учебных заведений, и заканчивая поддержкой технологической модернизации предприятий.
Республика Корея (Южная Корея) / Государственная программа «креативной экономики»	Формирование, координация и оценка политики по развитию НИОКР в промышленной сфере; развитие региональной инновационной системы; поддержка коммерциализации новых технологий; стимулирование частных инвестиций в НИОКР; расширение глобального сотрудничества по обмену и развитию технологий.	Фундаментальные НИОКР (судостроение, освоение космоса, физика элементарных частиц); зеленые технологии (возобновляемая энергетика) и биотехнологии; высокопроизводительные вычисления, в том числе и облачные; IT-технологии.	В 2015-ом году была проведена налоговая реформа, направленная на стимулирование национальной экономики, развитие малого и среднего бизнеса и рационализацию налоговой системы: введено ограничение на использование чистых операционных убытков до 80% для крупных компаний; предоставление налоговых кредитов продлено еще на 3 года, но снижена ставка налогового кредита для инвестиций в НИОКР и энергосберегающие производства; уточнены критерии определения недвижимого имущества крупных компаний, для налогообложения доходов от прироста капитала; сокращен объем электронных услуг, подлежащих регистрации для уплаты НДС; введена взаимная нулевая ставка НДС на определенные услуги, оказываемые нерезиденту, в том случае если в стране нерезидента также применяется нулевая ставка.	Государственный фонд развития малых и средних предприятий «Фонд создания будущего»; бизнес-инкубаторы; инновационно-технологические центры; центры коллективного доступа; технопарки; технополисы; наукограды.	Развитие региональных университетов согласно направлениям функционирования кластеров; развитие научно-исследовательских институтов и университетов, поддержка ученых

* Доработана автором.

Рассматривая опыт формирования инновационной экономики азиатских стран, мы столкнулись со множеством подходов к системному исследованию инновационных процессов: линейная модель инноваций, «модель треугольника», концепция национальной инновационной системы, теория «тройной спирали», модели локальных, региональных, глобальных, функциональных и т.д. инновационных систем. Наиболее развитой, универсальной и значимой среди них остается сформированная в 1980-е гг. модель национальной инновационной системы. Это объясняется тем, что страна по-прежнему играет ключевую роль в формировании инновационного климата и назначении правил игры. Более того, остальные концепции системного изучения инноваций не вступают в прямую конкуренцию с моделью НИС, а дополняют или углубляют ее.

Что касается национальной экономики Республики Южная Осетия, то теоретическая разработка концепции становления началась 90-х годов прошлого века, слепо заимствуя механизмы из других моделей и потом удивляясь, что они у нас не работают; либо пытаемся создать какую-то свою систему без учёта иностранного опыта, удивляясь, что и это не работает. Только сбалансированный подход позволит достичь значительных результатов.

В качестве стратегического направления развития Республики Южная Осетия создание национальной инновационной системы должно быть объявлено на уровне государства. Опыт азиатских государств в этом вопросе может быть полезен. Во-первых, инновационное развитие в рассмотренных государствах шло крайне быстрыми темпами, однако в относительно небольшой срок. Во-вторых, изначально в этих странах не было никаких природных ресурсов.

На примере Сингапура мы убедились, что благодаря продуманному управлению и правильно выбранному курсу – на построение инновационной экономики – за короткий по историческим меркам промежуток времени вполне возможно выйти в лидеры не только в регионе, но и в мире. Пример Сингапура во многом полезен для Республики Южная Осетия. В первую очередь, речь идет о принци-

пе верховенства закона и равенства всех перед законом. В Республике Южная Осетия принимается много правильных законов. Однако почему-то именно их беспрекословное исполнение остается в стороне. Разумеется, при построении инновационной экономики от острейшего вопроса коррупции также никуда не деться. Очень эффективной мерой для разрешения этого вопроса в Сингапуре показала себя смертная казнь [5]. Это совершенно не значит, что в Республике Южная Осетия необходимо ввести эту меру наказания, однако, как показывает история, управление человеческим страхом с помощью радикальных мер может очень существенно повлиять на сокращение уровня коррупции в стране, по крайней мере, на первых порах.

Также необходимы благоприятные условия для иностранных инвесторов. Через это прошли Сингапур и Япония, к этому идет и Южная Корея. В Республике Южная Осетия необходимо продолжить создание условий для того, чтобы наша страна казалась привлекательной для иностранцев. Здесь все упирается в организацию благоприятного инвестиционного климата, который начинается со стабильного и четкого законодательства и состояния судебной системы.

Что касается южнокорейского опыта построения инновационной экономики, то здесь для Республики Южная Осетия интересно будет «начало» пути, потому что инициатива инновационного развития в Южной Корее пошла от государственных лидеров. Особенность югоосетинского менталитета позволит государственным органам в первое время полностью контролировать деятельность субъектов инновационной экономики. Однако с одной очень важной оговоркой: государственные лидеры и управленцы должны мыслить системно, точно понимать сущность инновационной экономики, четко ставить цели и задачи, на всех этапах контролируя происходящее.

Многие наиболее эффективные методы стимулирования инновационной деятельности в ЕС (образование и подготовка кадров, рамочные программы), США (ведение и финансирование бизнеса, создание условий для него) и странах Азиатского региона (меры государственного управления) могут применяться в

Республике Южная Осетия. Республике Южная Осетия для начала следует воспользоваться достаточно жестким, но эффективным примером прорывного развития азиатских стран, а в дальнейшем выстраивать свою инновационную систему подобно странам Европейского союза и США – планомерно и целенаправленно, постепенно корректируя свой курс и ошибки.

Заключение

Сегодня национальная экономика Республики Южная Осетия – это непочатый край работы с неограниченными возможностями. Отсутствие правовой базы, регулирующей инновационную деятельность, необходимо рассматривать не как слабость, а возможность создания либеральной законодательной системы с «нуля» для стимулирования инновационной активности.

Любое решение о заимствовании какой-то зарубежной инновационной

модели или ее определенной части должно приниматься с осторожностью и детальной проработанностью высококвалифицированными специалистами в инновационной сфере, поскольку необходимо помнить о существенной разнице в уровнях социально-экономического развития между Республикой Южная Осетия и государствами, у которых заимствуется модель, национальными особенностями и менталитетом.

Однако в настоящий момент, исходя из финансовых, геополитических и географических ограничений, необходимо сформировать целенаправленную и продуманную инновационную политику, позволяющую осуществлять инновационную деятельность в четко структурированных рамках, на основе изученного международного опыта и привлеченных инвестиций. Только при таких условиях в Республике Южная Осетия возможно формирование национальной экономики инновационного типа.

Библиографический список

1. Абрамова М.И., Манахов С.В. Сравнительный анализ инновационных стратегий зарубежных стран // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2017. №6(96). С. 198-205.
2. Захарова Н.В., Лабудин А.В. Особенности формирования инновационной экономики в некоторых азиатских странах: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. №11. С. 59-70.
3. Колотырина Е.А. Национальные инновационные системы в условиях нарастания неопределенности мировой экономики. Опыт Республики Корея: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.14 / Колотырина Екатерина Алексеева; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. – М., 2018. 198 с.
4. Лешакова Н.П. Государственное регулирование инновационного развития Республики Корея // Вопросы инновационной экономики. 2017. №2. Т. 7. С. 161-174.
5. Наумова Е.В. Германия и Сингапур: суверенные модели инновационного развития // Инновации и инвестиции. 2019. №3. С. 60-67.
6. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.

УДК 331.45

Л. И. Хайруллина, О. А. Тучкова, В. С. Гасилов

ФГБОУ ВО «КНИТУ» «Казанский национальный исследовательский технологический университет», Казань, e-mail: LHDA79@mail.ru

ЭКОНОМИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ключевые слова: охрана труда, специалист по охране труда, оценка профессиональных рисков, квалификация, система управления охраной труда.

В статье рассмотрены отношения работодателя и специалиста по охране труда, а также парадоксальная ситуация возникающая в последнее время на многих предприятиях и которая заключается в том, что специалист по охране труда в организации имеется, а грамотно выстроенной системы управления охраной труда – нет, а, следовательно, возникающая отсюда проблема экономии в сфере охраны труда. Последняя, в свою очередь, становится причиной аварийных ситуаций и несчастных случаев на производстве. Авторами представлена попытка обобщения основных моментов, связанных с изменением подходов в сфере охраны труда: в плане нормативного регулирования; оценки профессиональных рисков; изменений в плане появления различных механизмов экономического стимулирования работодателей; роста количества рабочих мест с вредными условиями; опубликования рекомендаций по документообороту в области охраны труда и др. Уделено внимание практике проверок надзорных органов и обобщены основные пункты системы управления охраной труда, на которых работодатели пытаются сэкономить. Затронуты и описаны моменты непосредственного участия в решении этих проблем специалиста по охране труда. Расставлены акценты на том, что работодателям придется соблюдать принцип разумности и самим определять необходимый минимум специалистов по охране труда, основными требованиями к которым должны стать их квалификация, умение принимать самостоятельные решения и навыки выстраивания и поддержания функционирования системы управления охраной труда.

L. I. Khairullina, O. A. Tuchkova, V. S. Gasilov

Kazan National Research Technological University, Kazan, e-mail: LHDA79@mail.ru

OCCUPATIONAL SAFETY SAVINGS: CAUSES AND CONSEQUENCES

Keywords: occupational safety, occupational safety specialist, occupational risk assessment, qualification, occupational safety management system.

The article considers the relations between the employer and the labor protection specialist, as well as the paradoxical situation that has recently arisen in many enterprises and which consists in the fact that there is a labor protection specialist in the organization, but there is no competently built labor protection management system, and therefore the problem of labor protection savings arising from this. The latter, in turn, becomes the cause of accidents and accidents at work. The authors presented an attempt to summarize the main points related to changing approaches in the field of labor protection: in terms of regulatory regulation; occupational risk assessments; changes in the emergence of various mechanisms of economic incentives for employers; increasing the number of jobs with harmful conditions; publication of recommendations on document management in the field of labor protection, etc. Attention was paid to the practice of inspections of supervisory authorities and the main points of the labor protection management system were summarized, on which employers are trying to save money. The points of direct participation of the occupational safety specialist in solving these problems are touched upon and described. Emphasis is placed on the fact that employers will have to observe the principle of reasonable and determine the necessary minimum of labor protection specialists, the main requirements for which should be their qualifications, ability to make independent decisions and skills to build and maintain the functioning of the labor protection management system.

Основная цель системы охраны труда – это сохранение жизни и здоровья работника. Однако не смотря на множество усилий, предпринимаемых государством в последнее время, руководители надзорных органов, профильные специалисты в области безопасности говорят о том, что в последнее время, к сожа-

нию, наблюдается тенденция снижения ценности человеческой жизни как категории, причем как со стороны работодателей, так и работников. На многих предприятиях не развивают культуру безопасности производства, так называемую культуру труда. Но в настоящее время наблюдается кардинальное изме-

нение подходов к обеспечению безопасности как на законодательном, так и локальном уровнях, что требует притока в сферу производственной безопасности квалифицированных, грамотных инициативных специалистов.

Целью исследования является обобщение комментариев по «болевым» точкам системы управления охраной труда, формирующейся на предприятиях в новом ракурсе законодательных требований и обобщение результатов.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования были получены из профессиональных баз данных, журналов для профильных специалистов, официальных Интернет-сайтов надзорных органов. Основные методы исследования: анализ и синтез, а также обобщающий метод.

Результаты исследования и их обсуждение

В 80-е годы прошлого века на отраслевых предприятиях были типовые инструкции по охране труда, а также применялись и использовались типовые правила по охране труда, так как, по сути, применялось однотипное, одинаковое оборудование. Поэтому раньше профессиональные риски изучали в отраслевых министерствах и ведомствах и, впоследствии, разрабатывали типовые нормативные документы для последующего применения их на любых предприятиях. В настоящее время такой подход показал свою нежизнеспособность. Огромное количество разнообразного оборудования, различия в технологических процессах привели к тому, что решения в области производственной безопасности и охраны труда работодатели должны принимать внутри производства в зависимости от конкретных условий и рода деятельности предприятия. Однако практика и статистика показывают, что на многих предприятиях, особенно в регионах, деньги на мероприятия по охране труда выделяют по остаточному принципу, специалисты по охране труда предоставлены сами себе.

К большому сожалению, на сегодняшний день можно констатировать тот факт, что многие работодатели не понимают, что предупреждение произ-

водственного травматизма – это прямой экономический эффект, прямым образом отражающийся на многих промышленных и финансовых показателях предприятия. Например, при наступлении несчастного случая на производстве руководитель вынужден тратить деньги на расследование, штрафы и компенсации пострадавшему. В случае травмирования высококвалифицированного специалиста, расходов становится больше, так как он на достаточное длительное время «покидает» поле производственной деятельности. Кроме этого для любого предприятия любой произошедший несчастный случай на производстве – это, в первую очередь, неприятная, иногда форс-мажорная ситуация и конечно же удар по деловой репутации.

В этих условиях работодатель понимает, что специалист по охране труда – это его помощник, так как он может и должен предупредить несчастный случай на производстве, что, в свою очередь, сэкономит деньги работодателя. На сегодняшний день законодательно утверждено и постепенно внедрено множество различных экономических механизмов стимулирования работодателей в области охраны труда, среди которых:

- внедрение универсального инструмента оценки условий труда на рабочих местах;
- специальная оценка условий труда (далее СОУТ и спецоценка), пришедшая на смену аттестации рабочих мест;
- освобождение работодателя от уплаты страховых взносов в Пенсионный Фонд Российской Федерации в случае обеспечения безопасных условий труда;
- утверждение Типового перечня ежегодно реализуемых работодателем мероприятий по улучшению условий и охраны труда и снижению уровней профессиональных рисков;
- разработка механизма возмещения денежных средств на мероприятия по охране труда из Фонда социального страхования Российской Федерации (далее ФСС России);
- установление скидок к страховым тарифам на обязательное социальное страхование работников и др. [1].

Таким образом, в последнее время в России было принято достаточно много

значительных и важных нормативных документов, которые призваны заинтересовать работодателя обеспечивать безопасные условия труда для своих работников, получая при этом определенные преференции. «Продвинутые» и грамотные работодатели, не без помощи специалистов по охране труда, активно ими пользуются. Однако, необходимо подчеркнуть, что для этого специалисту по охране труда нужно иметь профессиональное образование и добросовестно относиться к своим обязанностям. Отдачу и эффективность работы такого профильного сотрудника по охране труда снижает его загрузка множеством дополнительных функций: экологией, кадрами, пожарной безопасностью. К охране труда они прямого отношения не имеют, но отвлекают специалиста от основной работы и не дают возможности полноценного погружения и контроля за состоянием охраны труда на предприятии.

Практика проверок надзорных органов показывает, что чаще всего работодатели пытаются сэкономить на обучении и проверке знаний требований охраны труда своих сотрудников. Вместо реального обучения они формально знакомят работников с инструкциями, давая лишь расписаться в журнале. При этом многие из них уверены, что это спасет их от любых проверяющих. В случае аварийных ситуаций и чрезвычайных происшествий они заявляют, что подпись в журнале стоит, а значит, работник инструктаж прошел и в случившемся виноват сам. Однако инспектору труда достаточно задать пару вопросов, чтобы понять – действительно ли сотрудник проходил инструктаж.

Еще одна статья расходов, на которой пытаются экономить руководители предприятий, – это здоровье персонала. Не напрямую, конечно, а в ситуациях, связанных с медосмотрами. Не секрет, что на многих предприятиях о медицинских осмотрах стараются не вспоминать. Хотя их проводят не только для профилактики тех ли иных заболеваний. Есть виды деятельности, которые может выполнять далеко не каждый работник. И это не только работы в горячих цехах и у сталеплавильных печей. Например, работы на высоте, которые проводят на каждом втором предприятии. Допускать

к ним можно только тех, у кого нет медицинских противопоказаний. Пренебрежение этими требованиями напрямую влечет за собой появление травм. Такие несчастные случаи не редкость в работе инспекции труда. Например, в одном из предприятий жилищно-коммунального хозяйства сотрудник забрался на стремянку, чтобы поменять перегоревшую лампочку, упал и получил тяжелую травму головы. При проверке инспектор выяснил, что пострадавший не проходил медицинский осмотр, хотя долгое время страдал гипертонической болезнью. Но работодатель не знал о постоянных резких скачках давления и допустил сотрудника к работе. Подъем на стремянку спровоцировал гипертонический криз, который и стал причиной падения сотрудника на бетонный пол [2].

Также достаточно часто инспекторы при проверках видят и замечают экономию работодателей на средствах индивидуальной защиты для персонала. Во время проверок обнаруживается, что у сотрудников нет положенной по закону спецодежды. В практике проверок, расследований несчастных случаев встречаются нарушения, связанные с тем, что работники выполняют, например, строительные работы без касок и страховочных ремней; не применяются и не используются защитные костюмы и противогазы. Работодатели не обеспечивают персонал газоанализаторами и изолирующими противогазами, а их не применение, например, при проведении таких работ, как прочистка забившегося канализационного коллектора, может привести к несчастному случаю. Также нередко персонал вынужден работать на устаревшем оборудовании, что тоже может привести к трагедии. Так, анализ статей по несчастным случаям и изучение материалов инспекционных проверок позволяет, к сожалению, привести множество примеров таких работ: отсутствие ограждений у вращающихся деталей привода различного оборудования; взрывы технологического оборудования из-за выработки своего ресурса и неправильном распределении нагрузки и другие. Не редкими при проверках являются и такие случаи, когда, например, дорогостоящая специальная зимняя одежда не имеет сертификата соответ-

ствия и закупаются такие единицы по цене ниже рыночной у непроверенных поставщиков. Результатами таких покупок могут стать запрет использования таких средств индивидуальной защиты и серьезный штраф.

Также специалисты надзорных органов видят еще одну немаловажную латентную причину возможности возникновения несчастных случаев на производстве – это некачественная работа наемных топ-менеджеров предприятий. Очень часто надзорные органы сталкиваются с ситуацией, когда даже на очень крупных и солидных предприятиях наблюдают такую картину, когда очевидным становится тот факт, что администрация во главе с наемным директором совершенно не занимается охраной труда, а собственник узнает об этом в тот момент, когда трагедия или что-то непоправимое уже произошло. При этом владельцы компаний готовы вкладывать деньги в охрану труда, но не владеют полной информацией о состоянии производственной безопасности на предприятии в силу разных причин.

Зачастую некоторые руководители просто надеются, что их это никак не коснется. Другие действительно не очень хорошо представляют, какой суммы они могут лишиться, если инспектор при проверке обнаружит все нарушения. При проверке выясняются и вскрываются даже такие факты, что специалистов по охране труда принимают временно, не интересуются их квалификацией и опытом работы, что совершенно не допустимо. Общеизвестно, что требования к образованию, опыту работы, знаниям нормативной правовой базы, а также к функционалу специалиста по охране труда описаны в профессиональном стандарте «Специалист в области охраны труда» (приказ Минтруда России от 4 августа 2014 г. № 524н) [3]. Итог такой экономии – административные штрафы за нарушение трудового законодательства в серьезных размерах.

Создание безопасных условий труда для своих работников, постоянный контроль или, как сейчас принято говорить, мониторинг соблюдения требований охраны труда с помощью приемов поведенческого аудита и иных инструментов повышения мотивации работни-

ков к безопасному труду – это прямая обязанность работодателя. По закону, если в организации работают больше 50 человек, то руководитель должен нанять специалиста по охране труда или организовать службу по охране труда. Ее численность он определяет сам. Минтруд не считает возможным вводить обязательные нормативы, предполагает использовать другие инструменты, например, введение новых требований к специалистам по охране труда. Эти изменения предлагается ввести в 10 раздел Трудового кодекса, где в новой редакции будет изложена статья о службе охраны труда, в ней предполагается указать все новые требования к специалистам по охране труда [4]. Проект нового профессионального стандарта специалиста по охране труда уже активно обсуждается.

Для стимулирования работодателей в части поддержания рекомендованной численности службы охраны труда последними изменениями в законопроекты касательно охраны труда (и в профессиональный стандарт специалиста по охране труда в том числе) вносятся пункты о так называемом стратегическом управлении профессиональными рисками в организации, которое предполагает определение профессиональных рисков и является важным шагом, направленным на защиту работников и бизнеса работодателей, а также на соответствие требованиям законодательства. Оценка профессиональных рисков призвана помочь работодателю и работникам сосредоточить свое внимание на тех рисках, которые действительно могут возникнуть на рабочем месте и потенциально могут причинить реальный вред. Многие исследования показывают, что при помощи непосредственных, простых, а зачастую дешевых, но эффективных мер, можно обеспечить защиту наиболее ценного актива любой организации – рабочей силы.

Также одним из последних трендов в области охраны труда, а именно системы управления охраной труда, является определение работодателем политики в области охраны труда, которая впоследствии предполагает оформление публичной декларации [5]. В международной практике политика охраны труда, наряду с оценкой рисков, является

основным инструментом, который используют для создания и поддержания безопасных условий труда. Политика охраны труда должна быть разработана после тщательного исследования того, что может нанести вред людям в рабочей среде, которое должно быть проведено работодателем таким образом, что он мог бы взвесить, достаточно ли мер предосторожности уже предпринято, и что именно должно быть сделано еще с тем, чтобы предотвратить возможные вредные последствия. Политика охраны труда – это документ, «задающий тон» в системе управления охраной труда.

Минтруд также разработал Порядок проверки проведения специальной оценки условий труда силами Государственной инспекции труда (далее ГИТ) без взаимодействия с работодателем (приказ Министерства труда и социальной защиты от 16.01.2019 № 13н). Предполагается, что контроль проведут, анализируя список предприятий, которые должны провести специальную оценку условий труда, с информацией в федеральной государственной информационной системе (далее ФГИС) учета результатов проведения СОУТ. После сверки будет составлен акт и каждое предприятие, у которого будет выявлено нарушение, получит предостережение о недопустимости нарушения закона. По результатам сверки (ст. 8.3 Закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ [6]).

Если инспекция труда по данным информационных ресурсов установит, что организация не провела спецоценку, она вправе назначить внеплановую проверку. Информация о допущенных предприятием нарушениях, связанных со специальной оценкой условий труда, которую получили без взаимодействия с организацией, – законное основание для внеплановой проверки. Если во время нее инспектор установит, что спецоценку не провели, организацию оштрафуют.

Также Всероссийским научно-исследовательским институтом документооборота и архивного дела опубликованы рекомендации по документообороту в области охраны труда ГОСТ Р 7.0.97-2016 (Методические рекомендации ВНИИДАД от 01.01.2018) [7]. В них описали требования к ведению бумажного и электронного документооборота.

Методические рекомендации носят рекомендательный характер, поэтому работодатель не обязан их соблюдать, но в них описано, как оформлять документы, какие включить реквизиты, как правильно писать преамбулы и основной текст документов, как утверждать документ отдельным приказом и как записью в самом документе и т.д. Методику можно использовать при оформлении документов по охране труда – инструкций, актов, приказов, положений и протоколов.

Во всех этих вопросах предполагается непосредственное участие специалиста по охране труда. Проектом нового профессионального стандарта специалиста по охране труда в качестве его обобщенной функции, наряду с трудовой функцией «Организация и проведение мероприятий, направленных на снижение уровней профессиональных рисков» предполагается, так называемое «Стратегическое управление профессиональными рисками в организации», которое включает в себя и методическое обеспечение стратегического управления профессиональными рисками в организации, и процессы координации работ по внедрению системы управления профессиональными рисками в организации, и контроль работ за внедрением вышеуказанной системы. В данном случае не совсем верно говорить о переходе «количества в качество», потому что специалисты по охране труда все-таки «штучные» работники [8]. Они, прежде всего, должны понимать производственный процесс в целом, а для этого у них должно быть техническое образование. Не допустимо, чтобы службу по охране труда крупного промышленного предприятия возглавлял человек с профильным базовым юридическим, экономическим или, что совсем неприемлемо – педагогическим образованием. Поэтому предполагается, что законодательное закрепление дополнительных обязанностей специалиста по охране труда будет для работодателей стимулом для формирования отделов и служб охраны труда с адекватным штатом.

Заключение

На сегодняшний день можно сделать однозначный вывод о том, что в последнее время появилось много норматив-

ных документов в сфере охраны труда и производственной безопасности, которые привели к тому, что предприятия и организации вынуждены внедрять систему управления профессиональными рисками (при этом также необходим постоянный контроль и мониторинг ее результативности); оформлять политику в области охраны труда, являющейся основной составляющей системы управления охраной труда; использовать различные механизмы экономического стимулирования работодателей, так они дают реальный экономический эффект и др. Поэтому в организациях и на предприятиях должны работать высококвалифицированные специалисты с профильным образованием, которые способны выстроить современную систему управления охраной труда с учетом постоянно

изменяющихся и совершенствующихся нормативных документов и поддерживать ее функционирование. Эти специалисты должны по сути «переложить» политику охраны труда в организации на язык руководящих документов: регламентов, инструкций и т.д., то есть формализовать ее. Однако тех же специалистов, которые могли бы именоваться как «Заместитель руководителя организации по управлению профессиональными рисками» или «Руководитель направления (подразделения) по управлению профессиональными рисками в организации» и готовых перейти к новой модели – не так много. Назрела проблема изменения программ обучения по техносферной безопасности с учетом современных реалий, но это тема следующей статьи и следующего исследования.

Библиографический список

1. Хайрулина Л.И., Гасилов В.С., Зиннатулина Г.Н. Экономическое стимулирование работодателей в области охраны труда: современные аспекты вопроса // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 10 (часть 2). С. 425-429.
2. Тетюшев А. К чему приводит желание руководителя сэкономить на охране труда. Справочник специалиста по охране труда. № 1, январь, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.otruda.ru/518350> (дата обращения: 07.09.2020).
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 4 августа 2014 г. № 524н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области охраны труда» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70731928/> (дата обращения: 20.09.2020).
4. Сергеев П. Когда нормативы численности службы охраны труда станут обязательными. Справочник специалиста по охране труда. № 4, апрель, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.otruda.ru/545640> (дата обращения: 07.09.2020).
5. Ситько Е. Изменения с начала 2019 года, которые повлияли на работу специалистов по охране труда. Справочник специалиста по охране труда. № 6, июнь, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.otruda.ru/732215> (дата обращения: 07.09.2020).
6. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12164247/> (дата обращения: 20.09.2020).
7. Методические рекомендации по работе с документами по личному составу в государственных и муниципальных архивах, архивах организаций (Федеральное архивное агентство, ВНИИДАД, 2018 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72211810/> (дата обращения: 20.09.2020).
8. Иванов Е. Контрольно-надзорная деятельность Роструда во второй половине 2019 года: новые регламенты проверки работодателей - Справочник специалиста по охране труда. № 6, июнь, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.otruda.ru/732216> (дата обращения: 07.09.2020).

УДК 314.1

Г. Т. Шкиперова

Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, e-mail: shkiperova@mail.ru

Е. В. Молчанова

Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, e-mail: molch@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ В РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Ключевые слова: развитие экономики, смертность, глобальное бремя болезней, Россия, Западная Европа.

В современных условиях социально-экономические условия являются определяющими факторами общественного здоровья. В связи с этим исследование взаимосвязи макроэкономических индикаторов и медико-демографических показателей становится особенно актуальным. В данной статье на основе методики проекта Глобальное бремя болезней (ГББ) выполнен сравнительный анализ динамики отдельных медико-демографических показателей и ВВП на душу населения для стран Западной Европы и России в период 1990-2017 гг. Результаты анализа в целом свидетельствуют о наличии связи между уровнем дохода и индикаторами здоровья населения, определяемыми проектом ГББ. Сила и характер взаимосвязи для стран с разным уровнем развития могут меняться в разные периоды времени. В странах с высоким уровнем дохода по мере увеличения подушевого ВВП индикаторы здоровья сначала быстро снижаются, а затем начинают расти. В странах с относительно низким и средним уровнем дохода связь развития экономики и показателей смертности довольно слабая. В отдельных случаях рост экономики сопровождается увеличением смертности. В России динамика индикаторов здоровья носит колебательный характер. Показатели смертности населения и индексы DALY существенно выше, чем в странах Западной Европы. Положительные тенденции наблюдаются в период 2006-2017 гг. и во многом совпадают с периодами экономической стабильности в стране. Полученные результаты могут быть полезны в качестве информационно-аналитической базы при разработке экономической политики.

G. T. Shkiperova

Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk,
e-mail: shkiperova@mail.ru

E. V. Molchanova

Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk,
e-mail: molch@yandex.ru

FEATURES OF RELATIONSHIP ECONOMIC DEVELOPMENT AND MEDICAL AND DEMOGRAPHIC INDICATORS IN RUSSIA AND WESTERN EUROPE

Keywords: economic development, mortality, global burden of disease, Russia, Western Europe.

Socio-economic conditions are the determining factors of public health at this time. In this regard, the study of the relationship between macroeconomic indicators and medical and demographic indicators becomes especially relevant. Comparative analysis of the dynamics of medical and demographic indicators and GDP per capita for the Western Europe countries and Russia for 1990-2017 was made using the Global Disease Burden (GDB) project methodology in this article. The analysis generally suggests a link between income levels and the health indicators identified by the GBD project. The strength and character of the relationship for countries with different levels of development may change over time. In high-income countries, as per capita GDP increases, health indicators first decline rapidly and then begin to rise. In low- and middle-income countries, the relationship between economic development and mortality rates is rather weak. In some cases, economic growth is accompanied by an increase in mortality. In Russia, the dynamics of health indicators is fluctuating. Mortality rates and DALYs are significantly higher than in Western Europe. Positive trends are observed in the period 2006-2017 and largely coincide with periods of economic stability in the country. The results obtained can be useful as an information and analytical basis for economic policy development.

Введение

Учет приоритетности фактора здоровья является принципиально существенным при переходе на траекторию устойчивого развития для всех стран мира [1]. В центре политики устойчивости стоит растущее понимание взаимосвязи между здоровьем и социально-экономическим развитием. Состояние здоровья населения как стран Западной Европы, так и России имеет тенденцию к улучшению. В то же время существенно изменилась структура заболеваемости и смертности. По данным проекта Глобальное бремя болезней (ГББ), одной из основных причин смертности (более 70% всех смертей в мире) стали неинфекционные заболевания (НИЗ) [2]. В странах Европы также зафиксировано самое высокое бремя НИЗ (сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ), диабет, рак, хронические заболевания органов дыхания и психические расстройства), которые являются причиной 86% смертности в регионе [3]. В России показатель смертности от ССЗ значительно выше, чем в развитых странах, и имеет тенденцию к росту, например, в 2017 г. на 18,4% больше уровня 1990 г. [4]. Социально-экономические условия являются определяющими факторами здоровья и снижения риска НИЗ.

В современных исследованиях все больше внимания уделяется оценке влияния различных социально-экономических факторов на отдельные медико-демографические показатели. Чаще всего в качестве индикатора здоровья рассматриваются ожидаемая продолжительность жизни, иногда с учетом гендерных различий, а также показатели смертности населения (в целом или с учетом бремени болезней). Существенно реже используются показатели, определяемые в проекте ГББ, такие как: число здоровых лет жизни, потерянных либо из-за преждевременной смертности (year life lost – YLL), либо из-за количества лет, прожитых с нарушением здоровья, взвешенных по тяжести заболевания (year lost due disability – YLD), или комплексный показатель – индекс DALY (disability adjusted life years), отражающий потерянные годы здоровой жизни: $DALY = YLL + YLD$ [5].

В качестве одного из основных социально-экономических факторов, опреде-

ляющих здоровье населения, большинство исследователей рассматривают уровень доходов. В международных оценках для этих целей используется валовой внутренний продукт (ВВП) в расчете на душу населения, в региональных исследованиях, соответственно, валовой региональный продукт (ВРП) или среднедушевые денежные доходы [6-9]. Например, в работах [10, 11] показано, что уровень заболеваемости и смертности от ССЗ у населения с более низким уровнем дохода существенно выше. В 1975 г. С. Престон описал зависимость между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (ОПЖ) и валовым национальным доходом на душу населения, которая широко известна как кривая Престона [12]. Он установил наличие положительной нелинейной связи между этими показателями. Высокий уровень доходов дает возможность для приобретения более качественных продуктов питания и медицинского обслуживания. Однако Престон также показывает, что после достижения определенного уровня доходов эта связь ослабевает. Для стран с низким уровнем доходов характерен быстрый рост ОПЖ, а для стран с высоким уровнем доходов – медленный. Большое влияние оказывает неравенство в распределении доходов как на межстрановом, так и национальном уровнях.

Уровень образования населения также часто рассматривается как значимый фактор, положительно влияющий на здоровье. В большинстве работ доказано, что для групп людей с высшим образованием, независимо от возраста, показатели смертности ниже, а ожидаемая продолжительность жизни выше [13, 14].

Существенными факторами, определяющими здоровье населения, также являются объем затрат на здравоохранение, которые измеряются как процент от ВВП, уровень урбанизации, охват населения услугами здравоохранения. Результаты исследований взаимосвязи между показателями здоровья и затратами на здравоохранение достаточно неоднозначны [15-17]. Так, в работе [15] на примере 70 стран с разным уровнем развития показано, что в странах с низким уровнем доходов затраты на здравоохранение оказывают более существенное

влияние на здоровье, чем в странах с высоким уровнем доходов. Однако, рассматривая пример Америки, ряд авторов отмечают, что расходы на здравоохранение в США существенно выше (почти 20% ВВП), чем во всех других странах, а показатели здоровья населения хуже, чем в странах Европы [18]. Такая ситуация во многом объясняется влиянием поведенческих и экологических факторов. В большинстве исследований признается, что затраты на здравоохранение являются значимым фактором, но большее влияние на здоровье оказывает все-таки экономический рост [7]. Кроме того, здоровье населения, особенно это касается НИЗ, во многом определяется не состоянием системы здравоохранения, а поведением самих людей (образ жизни, отказ от вредных привычек, правильное питание).

Цель исследования: оценка изменения динамики основных медико-демографических индикаторов для стран с разным уровнем социально-экономического развития на основе методики проекта Глобальное бремя болезней.

Материалы и методы исследования

Выполнен сравнительный анализ динамики отдельных медико-демографических показателей и ВВП на душу населения для стран Западной Европы (22 страны согласно классификации проекта ГББ) и России в период 1990-2017 гг. В соответствии с представленным выше обзором, одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья населения, является уровень экономического развития страны или уровень доходов. Для измерения уровня доходов чаще используется ВВП в расчете на душу населения по паритету покупательной способности. В данном исследовании использовались показатели из базы данных Всемирного банка [19]. Взаимосвязь душевного ВВП с индикаторами здоровья населения анализировалась за период 1990-2017 гг. Выбор периода объясняется наличием полного набора данных и значительным ростом ВВП в более ранние периоды в большинстве стран Западной Европы. В качестве индикаторов здоровья населения используются показатели проекта

ГББ: смертность от всех причин, смертность по причине ССЗ и индекс DALY, отражающий число потерянных лет здоровой жизни. База данных ГББ находится в открытом доступе [5].

Результаты исследования и их обсуждение

Различия в динамике показателей смертности и индекса DALY стран Западной Европы и России весьма существенны (рис. 1). Стандартизованный коэффициент смертности от всех причин в России в 2017 г. составил 1255 случаев на 100 тыс. населения, что на 30% больше, чем в группе стран Западной Европы (960 случаев). При этом смертность по причине ССЗ составила 684 случая (54,5% всех смертей в РФ) и превысила уровень западных стран в 2,2 раза (312 случаев). Динамика изменения индекса DALY в России в целом повторяет динамику показателя смертности, но с еще более худшими значениями (рис. 1). Положительные тенденции для обоих показателей наблюдаются в период 2006-2017 гг. и во многом совпадают с периодами экономической стабильности в стране.

Распределение стран по уровню душевного ВВП и смертности по причине ССЗ в 2017 г. относительно среднего уровня 1990 г. показывает существенные изменения в динамике показателей стран Западной Европы (рис. 2). График построен на основе модели «зеленого» роста П. Виктора [20], которая позволяет оценить уровень устойчивости развития экономики по отношению к различным социальным и экологическим индикаторам. Характер взаимосвязи или уровень устойчивости определяется отклонением показателей от их значений в начале исследуемого периода:

- устойчивый рост: индикаторы здоровья улучшаются более высокими темпами, чем растет экономика;
- слабая устойчивость: рост экономики опережает темпы улучшения здоровья;
- неустойчивый рост: одновременный рост показателей;
- неустойчивый спад: ухудшение индикаторов здоровья на фоне спада экономики.

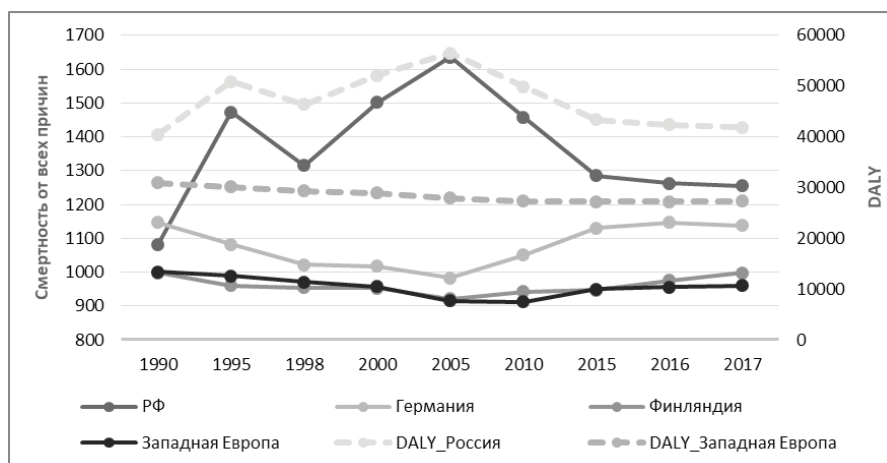

Рис. 1. Динамика показателя смертности от всех причин и индекса DALY в России и Западной Европе в период 1990-2017 гг., в расчете на 100 тыс. населения
Источник: построено авторами по данным проекта ГББ [5]

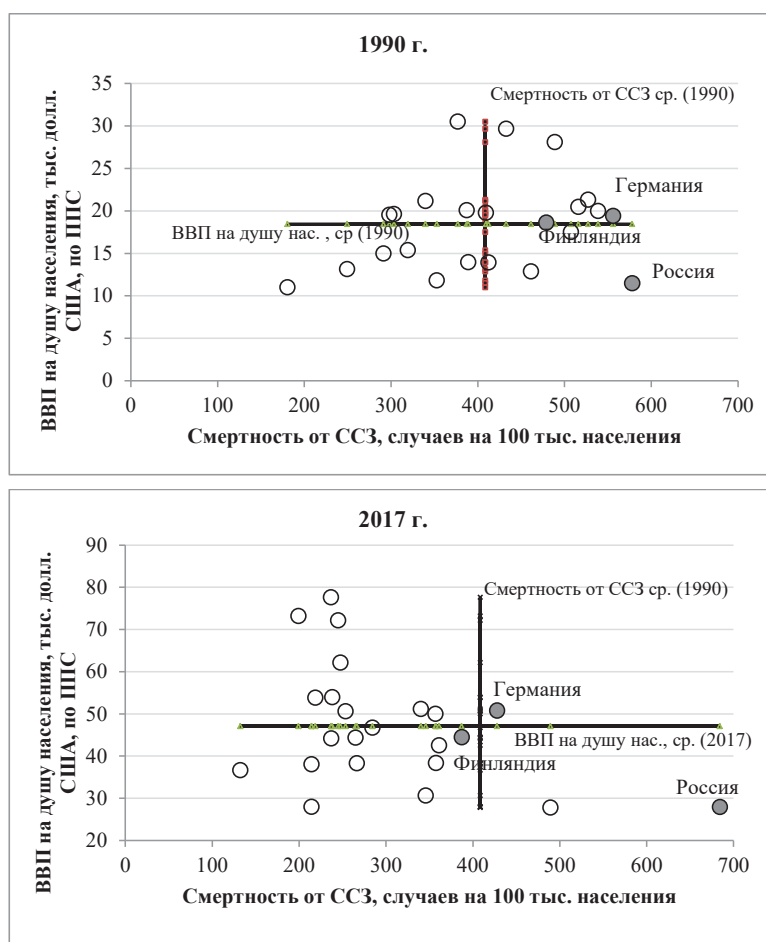

Рис. 2. Распределение стран Западной Европы и России по показателю смертности по причине ССЗ в 1990 и 2017 годах
Источник: построено авторами по данным [5, 19]

Из рисунка 2 видно, что практически во всех странах Западной Европы уровень смертности за рассматриваемый период снизился, за исключением Греции, где показатель вырос на 18,7%. По динамике взаимосвязи показателей большинство стран в 2017 г. переместились в зону устойчивого развития. Положение Германии соответствует зоне слабой устойчивости, что объясняется существенно более высокими темпами роста экономики. Греция сохраняет свою позицию в зоне неустойчивого спада на фоне относительно низких темпов роста экономики и повышения уровня смертности. В России коэффициент смертности от ССЗ увеличился на 18,4% при росте подушевого ВВП за этот период в 2,6 раза. Положение страны как в 1990 г., так и в 2017 г. соответствует зоне неустойчивого спада.

Рассматривая динамику взаимосвязи ВВП на душу населения и коэффициента общей смертности в разрезе отдельных стран выборки, следует отметить, что для стран с высоким уровнем дохода характерна ситуация, описанная С. Престоном, – по мере увеличения подушевого ВВП индикаторы здоровья сначала быстро снижаются, а затем начинают расти. Рост показателей смертности в большинстве стран с высоким уровнем дохода начинается после достижения подушевого ВВП 30000 US \$. На примере Германии (рис. 3б) это хорошо видно: до 2005 г. рост экономики сопровождался быстрым снижением уровня смертности населения, а далее связь показателей ослабевает. В период 2005-2017 гг. коэффициент смертности от всех причин в Германии начал медленно расти и увеличился к 2017 г. на 3,4%. В странах с относительно низким и средним уровнем дохода (ниже 30000 US \$) связь развития экономики и показателей смертности довольно слабая. В отдельных случаях рост экономики сопровождается увеличением смертности, как это показано на примере Греции (рис. 3в). Индикаторы здоровья определяют другие факторы. В России взаимосвязь подушевого ВВП и уровня смертности населения имеет свои особенности. График зависимости (рис. 3а) напоминает кривую Кузнецца. Спад в экономике РФ в 1990-1998 гг.

сопровождался значительным ростом уровня смертности населения (на 36%). Начавшийся экономический рост в 1998-2005 гг. также привел к увеличению смертности еще на 24,4%. Коэффициент смертности от всех причин в 2005 г. достиг своего максимального значения за рассматриваемый период и составил 1635 случаев на 100 тыс. населения. Начиная с 2005 г. рост подушевого ВВП в России сопровождался снижением уровня смертности и составил в 2017 г. 76% к уровню 2005 г., но по-прежнему не достиг уровня 1990 г. (на 16% выше).

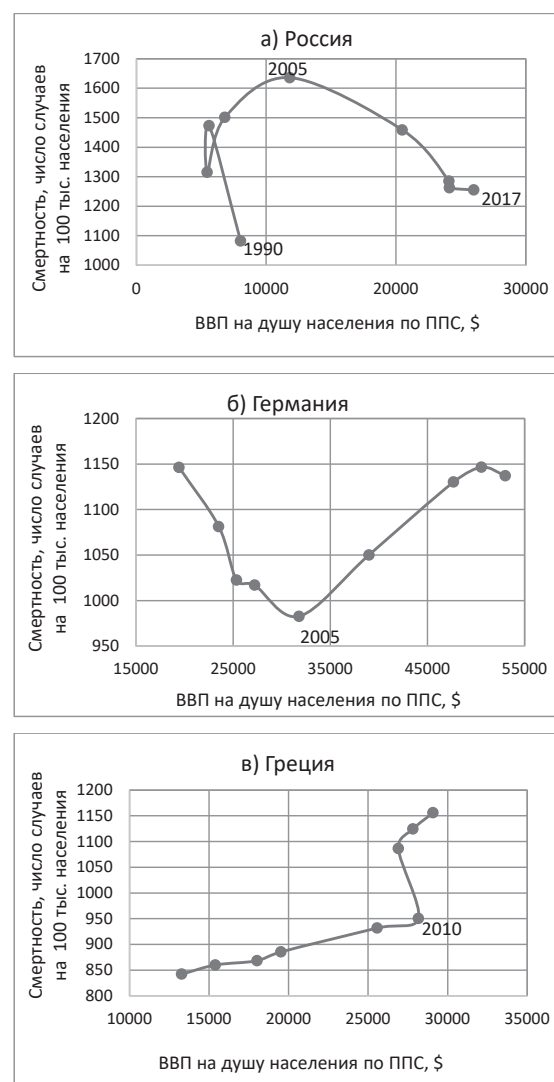

Рис. 3. Динамика взаимосвязи ВВП на душу населения и показателя смертности от всех причин в России, Германии и Греции за 1990-2017 гг.

Источник: построено авторами по данным [5, 19]

В РФ уровень доходов оказывает существенное влияние на индикаторы здоровья населения. В динамике показателей смертности четко прослеживается влияние кризисных периодов в экономике, являющихся одной из основных причин социального стресса для населения. В периоды экономической стабильности и роста экономики связь ВВП на душу населения и уровня смертности носит положительный линейный характер.

Судя по виду кривой в конце периода (рис. 3а) дальнейшее увеличение подушевого ВВП в России будет сопровождаться ослаблением взаимосвязи рассматриваемых показателей.

Похожая ситуация наблюдается и в части взаимосвязи индекса DALY и ВВП на душу населения (рис. 4). Взаимосвязь этих показателей для России (рис. 4а) практически повторяет зависимость показателя смертности и ВВП, описанную выше.

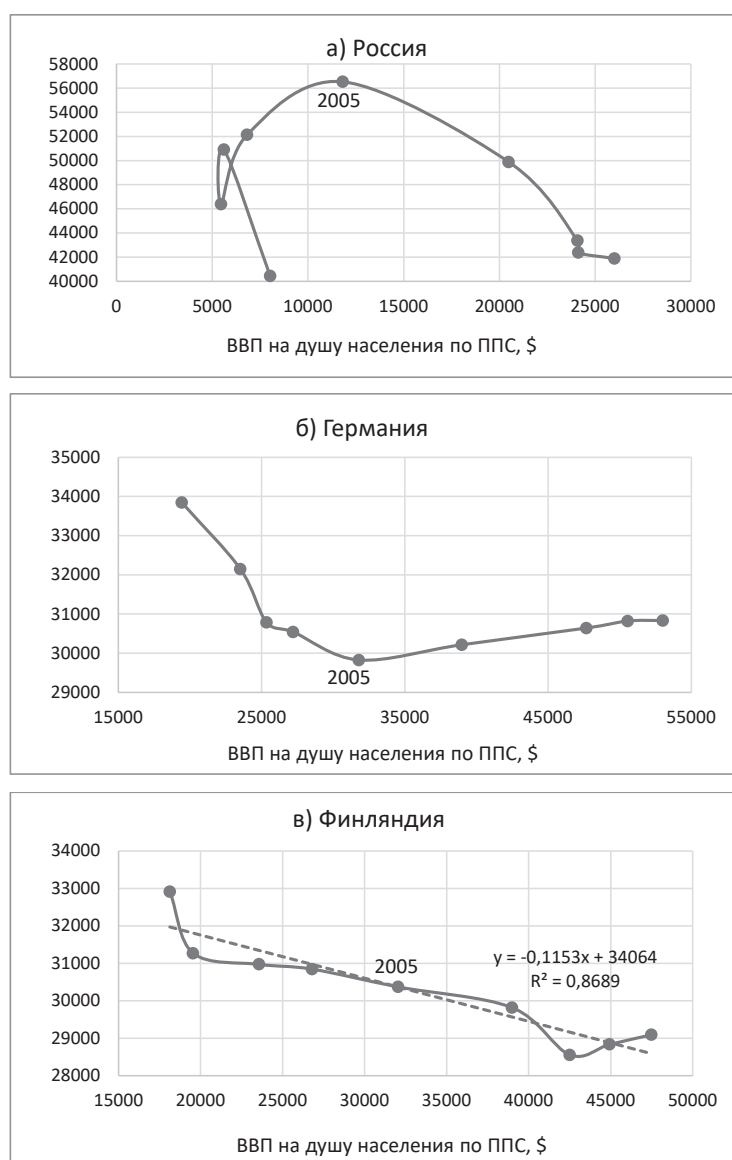

Рис. 4. Динамика взаимосвязи ВВП на душу населения и индекса DALY в России, Германии и Финляндии за 1990-2017 гг., число потерянных лет здоровой жизни на 100 тыс. населения
Источник: построено авторами по данным [5, 19]

В странах с высоким уровнем развития наблюдается ряд особенностей. Например, в Германии число потерянных лет здоровой жизни с ростом экономики в начале периода быстро снижается, а затем начинает медленно расти. Вероятно, связь показателей с ростом уровня доходов ослабевает, и основное влияние на индикаторы здоровья начинают оказывать другие факторы. Такая ситуация характерна для стран с быстрым ростом уровня доходов. Для большинства стран Западной Европы характерна линейная положительная зависимость индекса DALY и подушевого ВВП. Число потерянных лет здоровой жизни с ростом доходов устойчиво снижается. Данная ситуация показана на рисунке 4в на примере Финляндии.

Заключение

Результаты анализа в целом свидетельствуют о наличии связи между уровнем дохода и индикаторами здоровья населения, определяемыми проектом ГББ. Сила и характер взаимосвязи для стран с разным уровнем развития могут меняться в разные периоды времени. Анализ динамики показателей смертности и числа потерянных лет здоровой жизни показал, что наибольших успехов за рассматриваемый период добились страны с высоким уровнем доходов. В России динамика индикаторов здоровья носит колебательный характер. Показатели смертности населения и индексы DALY существенно выше, чем в странах Западной Европы. Положительные тенденции для обоих показателей наблюдаются в период 2006-2017 гг. и во многом совпадают с периодами экономической стабильности в стране.

По динамике взаимосвязи показателей социально-экономического развития большинства стран Западной Европы соответствует требованиям устойчивого роста: индикаторы здоровья улучшаются более высокими темпами, чем растет

экономика. Кроме того, в динамике взаимосвязи уровня доходов населения и индикаторов здоровья можно выделить два периода. Так в 1990-2005 гг. рост ВВП на душу населения сопровождался снижением уровня смертности и числа потерянных лет здоровой жизни. Для большинства стран характерна положительная линейная зависимость индикаторов здоровья от уровня доходов. В период 2005-2017 гг. для стран, где подушевой ВВП превысил 30000 US \$, связь показателей ослабевает. Уровень смертности и индекс DALY медленно растут несмотря на значительное увеличение уровня доходов. Такая зависимость во многом объясняется неравномерностью распределения доходов [21, 22], когда рост среднего показателя в стране связан со значительным увеличением доходов богатых людей. Соответственно, влияние роста доходов населения на показатели здоровья будет незначительным. Кроме того, в ряде работ показано, что рост уровня доходов положительно коррелируется с нездоровым образом жизни и вредными привычками (неправильное питание, низкая физическая активность, табакокурение, потребление алкоголя) [22].

В России уровень доходов оказывает более сильное влияние на показатели здоровья населения, чем в странах западной Европы. Резкий рост смертности и индекса DALY в начале периода, по всей видимости, был обусловлен взаимным влиянием таких факторов, как падение уровня жизни, рост безработицы, социальный дистресс, вызванный реформами в экономике страны, рост потребления алкоголя, снижение финансирования здравоохранения. Начавшийся в 2005 г. экономический рост сопровождается существенным увеличением расходов на здравоохранение, усилением контроля за рынком алкогольной продукции, распространённостью табакокурения и, как результат, значительным улучшением индикаторов здоровья населения.

Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-00029_а «Возможность внедрения бенчмаркинга при разработке меконико-демографической политики».

Библиографический список

1. Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_ru.pdf (дата обращения: 29.09.2020).
2. World Health Organization. 2018. Noncommunicable Diseases: Key Facts. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases> (дата обращения: 29.09.2020).
3. Improving environment and health in Europe: how far have we gotten? Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. 2015. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0018/276102/Improving-environment-health-europe-en.pdf (дата обращения: 30.09.2020).
4. Шкиперова Г.Т., Молчанова Е.В. Оценка медико-демографических тенденций в контексте стратегических приоритетов социально-экономического развития России и Западной Европы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. №10 (2). С. 145-153.
5. Institute for Health Metrics and Evaluation. URL: <http://www.healthdata.org> (дата обращения 29.09.2020).
6. Romaniuk P., Poznńska A., Brukało K. and Holecki T. Health System Outcomes in BRICS Countries and Their Association With the Economic Context. *Frontiers in Public Health*. 2020. Vol. 8:80. DOI: 10.3389/fpubh.2020.00080.
7. Romaniuk P., Szromek A. The evolution of the health system outcomes in Central and Eastern Europe and their association with social, economic and political factors: an analysis of 25 years of transition. *BMC Health Services Research*. 2016. Vol. 16 (95). P. 1-12. DOI: 10.1186/s12913-016-1344-3.
8. Heijink R., Koolman X., Westert G.P. Spending more money, saving more lives? The relationship between avoidable mortality and healthcare spending in 14 countries. *European Journal of Health Economics*. 2013. Vol. 14. P. 527-538. DOI: 10.1007/s10198-012-0398-3.
9. Mackenbach J.P., Looman C.W.N. Life expectancy and national income in Europe, 1900–2008: an update of Preston's analysis. *International Journal of Epidemiology*. 2013. Vol. 42. No. 4. P. 1100-1110. DOI: 10.1093/ije/dyt122.
10. Okwuosa I.S., Lewsey S.C., Tolulope Adesiyun T., Roger S. Blumenthal R.S., Yancy C.W. World-wide disparities in cardiovascular disease: Challenges and solutions. *International Journal of Cardiology*. 2016. Vol. 202. P. 433-440. DOI: 10.1016/j.ijcard.2015.08.172.
11. Smith D.B. Eliminating the disparities in treatment: the link to healing a nation. *Journal of Healthcare Management*. 2002. Vol. 47. Iss. 3. P. 156-160.
12. Preston S.H. The changing relation between mortality and level of economic development. *International Journal of Epidemiology*. 2007. Vol. 36. P. 484-490. DOI: 10.1093/ije/dym075.
13. Anyanwu J., Erhijakpor A. Health expenditures and health outcomes in Africa. *African Development Review*. 2009. Vol. 21(2). P. 400-433. DOI: 10.1111/j.1467-8268.2009.00215.x.
14. Буркин М.М., Молчанова Е.В., Кручек М.М. Интегральная оценка влияния социально-экономических и экологических факторов на региональные демографические процессы // Экология человека. 2016. № 6. С. 39-46.
15. Gupta S., Verhoeven M., Tiongsong E. Public spending on health care and the poor. *Health Economics*. 2003. Vol. 12. P. 685-696. DOI: 10.1002/hec.759.
16. Heuvel, van den W., Olariu M. How important are health care expenditures for life expectancy? A comparative European analysis. *Journal of the American Medical Directors Association*. 2017. Vol. 18. Iss. 3. P. 9-12. DOI: 10.1016/j.jamda.2016.11.027.
17. Jaba E., Balan C., Robu I. The relationship between life expectancy at birth and health expenditures estimated by a cross-country and time-series analysis. *Procedia Economics and Finance*. 2014. Vol. 15. P. 108-114. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00454-7.
18. Bradley E.H., Sipsma H., Taylor L.A. American health care paradox - high spending on health care and poor health. *QJM: An International Journal of Medicine*. 2017. Vol. 1. P. 61-65. DOI: 10.1093/qjmed/hcw187.
19. World Development Indicators, 2018. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=wdi-database-archives-%28beta%29> (дата обращения: 29.09.2020).
20. Victor P.A. Ecological economics and economic growth. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2010. Vol. 1185. P. 237-245. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2009.05284.x.
21. Pickett K.E., Wilkinson R.G. Income inequality and health: a causal review. *Social Science & Medicine*. 2015. Vol. 128. P. 316-326. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.12.031.
22. Rodgers G.B. Income and inequality as determinants of mortality: an international crosssection analysis. *International Journal of Epidemiology*. 2002. Vol. 31. No. 3. P. 533-538. DOI: 10.1093/ije/31.3.533.

УДК 332.364

А. В. Яшкин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
e-mail: a.yashkin82@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ГАРМОНИЧНОГО АГРАРНОГО (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО) ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: гармония, гармонизация, аграрное производство, сельскохозяйственное производство.

В приведенной ниже статье рассматривается вопрос гармонизации аграрного (сельскохозяйственного) производства как ключевой аспект существования и развития человечества. Приводятся трактовка терминов «гармония», «гармонизация», «дисгармония», «диссонанс» ведущими зарубежными и отечественными учеными: филологами и экономистами. Объясняется возможность использования термина «гармония» применительно к экономике в целом и термина «гармонизация аграрного (сельскохозяйственного) производства» к экономике аграрного сектора. Описывается важность гармоничного развития аграрного (сельскохозяйственного) производства для качественной, полноценной жизни человека. Приводится соотношение, с разбивкой по уровням влияния, целей устойчивого развития на период до 2030 года, закрепленных в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №A/RES/70/1 от 21 октября 2015 года относительно проблемы гармонизации аграрного (сельскохозяйственного) производства. Информационной базой для проведения исследования послужили опубликованные в сети Интернет результаты трудов отечественных ученых, толковые словари, международные правовые акты. Основным применяемый в работе метод познания – метод монографических исследований. По своей форме данная публикация является обзорной статьей и призвана в общих чертах познакомить читателя с важностью и необходимостью гармоничного производства во всех отраслях аграрной сферы как целостной экосистемы. По своей сути исследование находится на стыке таких наук как экономика, управление и экология.

A. V. Yashkin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, e-mail: a.yashkin82@yandex.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE NECESSITY OF A HARMONIOUS AGRARIAN (AGRICULTURAL) PRODUCTION

Keywords: harmony, harmonization, agricultural production, agricultural production.

The article below deals with the issue of harmonization of agricultural production as a key aspect of the existence and development of mankind. The article presents the interpretation of the terms “harmony”, “harmonization”, “disharmony”, “dissonance” by leading foreign and domestic scientists: philologists and economists. It explains the possibility of using the term “harmony” in relation to the economy as a whole and the term “harmonization of agricultural (agricultural) production” to the economy of the agricultural sector. The article describes the importance of the harmonious development of agriculture (agricultural) production for a high-quality, full-fledged human life. The ratio of the sustainable development goals for the period up to 2030, as set out in the UN General Assembly Resolution no.A/RES/70/1 of 21 October 2015 on the problem of harmonization of agricultural production, is given, broken down by level of influence. The information base for the research was the results of the works of Russian scientists published on the Internet, explanatory dictionaries, and international legal acts. The main method of cognition used in this work is the method of monographic research. In its form, this publication is a review article and is intended to introduce the reader in General terms to the importance and necessity of harmonious production in all sectors of the agricultural sector as an integral ecosystem. At its core, the research is located at the intersection of such Sciences as Economics, management and ecology.

Введение

История всей нашей жизни на планете земля – это история стремления к гармонии. С момента зарождения жизни природа, как создатель, создавала и отшлифовывала, отсекала и уничтожала собственные элементы для того, чтобы добиться идеального сочетания и сосу-

ществования живых организмов. К сожалению, несовершенство принципов и механизмов существования рыночной системы привели к тому, что потребительское отношение человека к окружающей среде в целом, и к земле, как наиболее важному средству аграрного (сельскохозяйственного) производства, стало

губительным. Исключительно чуткое, бережное отношение к земле и природным ресурсам позволит исправить (или затормозить) разрушающие действия антропогенного фактора. Другими словами, важно найти баланс и гармонию между потреблением людей и аграрными ресурсами, дарованными нам природой. А для этого требуется механизм развития гармоничного аграрного (сельскохозяйственного) производства.

Цель исследования – обоснование актуальности, важности и необходимости гармонизации аграрного (сельскохозяйственного) производства

Материал и методы исследования

Информационной базой для проведения исследования послужили опубликованные результаты трудов отечественных и зарубежных ученых, толковые словари, международные правовые акты. Основным применяемый в работе метод познания – метод монографических исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

Как правило, термин «гармония» используют при описании душевного состояния людей, «в гармонии с самим собой», «в гармонии с природой», и т.д., но существует также гармония в музыке, живописи, литературе, архитектуре, т.е. всем тем, что умиротворяет и облагораживает человека.

Например, в Толковом словаре Дмитриева термин «гармония» трактуется как состояние устойчивого равновесия, покоя, которое возникает в результате правильного распределения, сочетания, взаимодействия и т.п. чего-либо [1]. В Большом словаре иностранных слов под гармонией понимают согласованность, взаимное соответствие, гармонию интересов [2]. В словаре галлицизмов русского языка «гармония» описана как точный порядок, соразмерность, соотносительность, стройность всех частей целого [3]. Немного спорно данный термин отражен в Философском словаре Спонвиля, где ему дается следующее определение: «Гармония – благодное или приятное для восприятия согласие множества элементов, существующих одновременно, но независимо один от другого» [4].

Термин «гармонизация» является производным от слова «гармония» и трактуется как приведение чего-либо – явлений, качеств и т.п. – в состояние гармонии, согласованности, взаимного соответствия [5]. Кроме толковых словарей данный термин встречается и в профессиональной сфере, например, в словаре-справочнике терминов нормативно-технической документации и раскрывается как процесс, обеспечивающий исключение дублирования и непротиворечивость стандартов [6].

Отсутствие гармонии проявляется и раскрывается через термины «дисгармония» и «диссонанс». В Толковом словаре Ушакова диссонанс – это явление, вносящее разлад во что-нибудь, резко отличающееся от всего прочего, противоречащее общему порядку. А дисгармония – отсутствие согласия, расхождение в чем-либо [7]. Таким образом, факторы оказывающие негативное влияние на гармоничное развитие чего-либо (а в контексте данного исследования на сельскохозяйственное производство) можно называть диссонаторами, а текущее положение дисгармонией.

Из-за того, что понятие «гармония» в большей степени субъективное, а её достижение – это стремление к идеальному сочетанию независимых элементов появляется важный вопрос: можно ли применять термин «гармония» к экономическим и управленческим процессам и, в частности, к аграрному (сельскохозяйственному) производству? Как отмечает в своей статье «Гармонизация промышленной и торговой политики промышленного предприятия» к.э.н. Бармашов К.С. вопросы гармонии в экономике или гармонии в экономических отношениях стали рассматриваться с середины XIX века и первым трудом в данной сфере была работа «Экономические гармонии» Ф. Бастиа. Ключевая мысль этого французского ученого-экономиста связана с тем, что возможности участников экономических отношений в значительной степени превосходят их нужды, в силу этого экономические отношения в полной мере свободны от существующих антагонистических противоречий во внешней и внутренней средах экономической деятельности [8]. Позднее этот вопрос исследовался К. Адамецки,

А.А. Богдановым, А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, Н.П. Федоренко, С.С. Шаталиным, Б.Б. Розиным, В.А. Волконским и другими.

Учитывая тот факт, что в целом к экономическим отношениям можно употреблять термины «гармония» и «гармонизация», то применительно к аграрному (сельскохозяйственному) производству данные определения также можно использовать. Аграрное (сельскохозяйственное) производство, по своей сути, это взаимодействие человека и природы. Возделывая землю и разводя животных, птиц, рыб и насекомых человек решит наиглавнейшую свою задачу – задачу на выживание. На первых этапах своего развития человек был гармоничным продолжением природы. Охотясь и занимаясь собирательством он и сам не редко становился добычей диких хищников, тем самым соблюдался баланс между элементами системы. В более поздние периоды человек начал отвоевывать у природы пространство, вырубая леса и осушая озера, создавая водохранилища и меняя русла рек. В результате он все сильнее отдалялся от изначального баланса и все сильнее начал доминировать над природой. Возник конфликт.

Отталкиваясь от основ психологии решением конфликта может стать либо сотрудничество, либо независимость. Сможет ли человек быть независимым от природы? Нет, так как является его частью. Сможет ли природа быть независимой от человека? Однозначно да, так как, являясь динамичной, постоянно изменяющейся системой, может (и будет) отторгать разрушающие её элементы. Поэтому единственное верное решение конфликта человека и природы – сотрудничество.

Общеизвестных стратегий, которые будут удовлетворять данному условию не много – либо максимизация выигрыша других (природы), либо минимизация различия в выигрышах. Другие возможные варианты, такие как максимизация общего выигрыша, максимизация своего (человека) выигрыша, минимизация своего выигрыша или минимизация выигрыша других (природы) являются либо утопичными, либо, в конечном счете, приведут к катастрофическим последствиям.

Исходя из того, что гармонизация аграрного (сельского) хозяйства, не ограничивается границами государств, необходимо обратить внимание на цели в области устойчивого развития обозначенные организацией объединенных наций. Применительно к рассматриваемой нами сфере особый интерес вызывают:

Цель №1 – повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах;

Цель №2 – ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействию устойчивому развитию сельского хозяйства;

Цель №8 – содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;

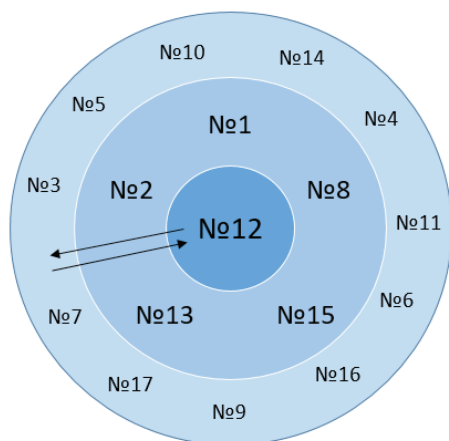
Цель №12 – обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства;

Цель №13 – принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;

Цель №15 – защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия [9].

Таким образом, 6 из 17 целей закрепленных в резолюции ГА ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» имеют прямое отношение к вопросу гармоничного развития аграрного (сельскохозяйственного) производства. Без сомнения, другие озвученные в документе цели, также косвенно направлены на гармонизацию, но в меньшей степени. Графически значимость целей относительно проблемы гармонизации аграрного (сельскохозяйственного) производства можно продемонстрировать на рисунке.

Как видно на рисунке, центральное место в решении проблемы отведено цели №12 – обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства. Выше обозначенные цели 1, 2, 8, 13 и 15 тесно связаны с целью №12.

Значимость целей устойчивого развития, обозначенных в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», относительно проблемы гармонизации аграрного (сельскохозяйственного) производства [составлено автором]

Прочие же цели (№3 – обеспечение здорового образа жизни и содействия благополучию для всех в любом возрасте, №4 – обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех; №5 – обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек; №6 – обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех; №7 – обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех; №9 – создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям; №10 – сокращение неравенства внутри стран и между ними; №11 – обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов; №14 – сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития; №16 – содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех

и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях; №17 – укрепление средств осуществления и активизации работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития) удалены от центра, но при этом также оказывают взаимное влияние на обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства.

Ключевым индикатором цели, направленной на обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства в рамках данного исследования можно назвать п.12.2 Резолюции ГА ООН №A/RES/70/1, который записан следующим образом: «к 2030 году добиться рационального освоения и эффективного использования природных ресурсов». К сожалению, в резолюции не отражено количественное выражение терминов «рациональное освоение» и «эффективное использование», что гипотетически дает возможность воспринимать эту информацию как декларативную. Даже если отталкиваться от общепринятой практики толкования данных словосочетаний остается крайне неясным вопрос что с чем сравнивать и какое отклонение будет считаться рациональным и эффективным, а какое нет.

Заключение

Подводя промежуточный итог размышлениям на тему необходимости гармоничного аграрного (сельскохозяйственного) производства отмечу несколько важных моментов:

1. Термин «гармонизация аграрного (сельскохозяйственного) производства» допустимо использовать применительно к экономике аграрного сектора

2. Решением дисбаланса между природой и человеком в аграрной сфере может быть лишь гармонизация данной сферы

3. Треть целей ООН в области устойчивого развития прямо относятся к вопросу гармонизации аграрного (сельскохозяйственного) производства, что подчеркивает крайнюю важность изучения и проработки данного вопроса

Библиографический список

1. Толковый словарь Дмитриева [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev/garmonia> (дата обращения 14.09.2020).
2. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/garmonia (дата обращения 14.09.2020).
3. Словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/galicisms/garmonia> (дата обращения 14.09.2020).
4. Философской словарь Спонвиля [Электронный ресурс]. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/406/Гармония (дата обращения 14.09.2020).
5. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/153387/Гармонизация> (дата обращения 14.09.2020).
6. Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: https://normative_reference_dictionary.academic.ru/12032/гармонизация (дата обращения 14.09.2020).
7. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=12609> (дата обращения 14.09.2020).
8. Бармашов К.С. Гармонизация промышленной и торговой политики промышленного предприятия // Проблемы рыночной экономики. 2019. №1. С.27-36.
9. Резолюция ГА ООН №A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 21 октября 2015 года.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343

В. С. Кириленко, И. Р. КузнецоваИнститут сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты,
Шахты, e-mail: Shpigunova96@mail.ru**ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ КАК ПРИЧИНА
ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА**

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, суицид, домашнее насилие, судебная статистика, профилактика.

В статье рассмотрена криминологическая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства). Обращение к указанному виду преступлений обусловлено актуализацией проблемы домашнего насилия. Несмотря на то, что доведение до самоубийства само по себе является преступлением, суициды в семье остаются еще дальше за чертой возможного своевременного профилирования и составляют дополнительный пласт латентной преступности. Проведен анализ судебной статистики. Изучен уровень самоубийств на территории Российской Федерации. Установлены основные причины доведения лица до самоубийства. Исследование судебных решений показало, что в 87% случаев потерпевший и виновное лицо состояли в родственных отношениях. Доведение до самоубийства, как правило, совершается мужчинами (92%), а их жертвами становятся близкие родственники, проживающие совместно и ведущие общую хозяйственную деятельность (супруга/сожительница, родители пожилого возраста, дети). Среди наиболее распространенных причин доведения до самоубийств являются длительные конфликтные семейные ситуации, которые приводят к осознанию ситуации как безысходной. Поводом к совершению самоубийства нередко является преступное, аморальное поведение виновного лица. Так семейные конфликты сопровождаются физическим и психическим насилием над потерпевшим, зачастую насилие длится годами. Подавляющее большинство (87%) преступлений данной группы совершено в ходе жестокого обращения в семье и систематического унижения человеческого достоинства, 10% случаев самоубийств совершалась под угрозами, в большей степени связанными с вымогательством денежных средств и иных материальных ценностей.

V. S. Kirilenko, I. R. KuznetsovaInstitute of Service and Entrepreneurship (branch) of DSTU in Shakhty, Shakhty,
e-mail: Shpigunova96@mail.ru**DOMESTIC VIOLENCE AS A CAUSE OF SUICIDE**

Keywords: suicide, driving to suicide, suicide, domestic violence, forensic statistics, prevention.

The article examines the criminological characteristics of the crimes under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (Driving to suicide). The use of this type of crime is due to the actualization of the problem of domestic violence. Despite the fact that driving to suicide is in itself a crime, suicides in the family remain even further beyond the line of possible timely prevention and constitute an additional layer of latent crime. The analysis of judicial statistics is carried out. The suicide rate on the territory of the Russian Federation was studied. The main reasons for driving a person to suicide have been established. A study of court decisions showed that in 87% of cases the victim and the guilty person were related. Driving to suicide, as a rule, is committed by men (92%), and their victims are close relatives living together and carrying out common economic activities (spouse / concubine, elderly parents, children). Among the most common reasons for driving to suicide are long-term conflict family situations, which lead to an awareness of the situation as hopeless. The reason for committing suicide is often the criminal, immoral behavior of the guilty person. So family conflicts are accompanied by physical and mental violence against the victim, often the violence lasts for years. The overwhelming majority (87%) of crimes in this group were committed in the course of family abuse and systematic humiliation of human dignity, 10% of suicide cases were committed under threats, mostly related to extortion of money and other material values.

Домашнее насилие в Российской Федерации встречается во всех социальных, экономических, возрастных, религиозных и иных группах населения. Домашнее насилие, как и насилие в целом включает в себя физическое, сексуальное, экономическое и психологическое насилие, которое нередко приводит к тяжелым последствиям вплоть до смертельного исхода. В семье совершается около трети убийств, иные насильственные деяния в той или иной форме происходят в каждой четвертой семье. Домашнее насилие становится причиной многочисленных случаев суицида и психологических травм.

Всего же в 2019 году было зарегистрировано более 34 тысяч преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием [2, с. 11]. Исследовательская часть Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2018 г. на территории Российской Федерации в результате самоубийств погибло 18 206 человек, из них 15 079 мужчин и 3127 женщин. Уровень мужской смертности от самоубийств в 4,8 раз выше, чем у женщин. В 2018 году доля самоубийств в структуре смертности от внешних причин смерти составляла 12,5%, а в структуре общей смертности 1%. В последние годы в России наблюдается тенденция к снижению уровня смертности от самоубийств, в частности за последние девять лет количество самоубийств снизилось в 1,8 раз.

Несмотря на положительную ситуацию последних лет, говорить о существенном улучшении суицидальной ситуации в России пока рано. Это связано с тем, что параллельно со снижением смертности от самоубийств сохраняется на высоком уровне смертность от так называемых «повреждений с неопределенными намерениями». Уровень смертности от повреждений с неопределенными намерениями, по мнению экспертов, компрометирует статистику смертности от внешних причин, прежде всего от таких социально значимых, как убийства, суициды, причинение смерти по неосторожности, смертность от дорожно-транспортных происшествий, случайные отравления алкоголем и др. [3, с. 328]. При этом судебная статистика регистрирует весьма скромное количество пре-

ступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства Согласно данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, за 2018 год по данным статьям всего был осужден 21 человек, из них 16 человек за преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, 4 человека по ст. 110.1 УК РФ и по ст. 110.2 УК РФ – 1 человек.

По нашему мнению, проблема заключается в квалификации преступного деяния, а именно в установлении причинно-следственной связи между действием виновного лица и наступившим последствием – самоубийством. Следственным органам крайне сложно установить объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, а именно установить по каким причинам потерпевший решился на самоубийство, пришел ли человек к данному решению самостоятельно или на него повлияли действия другого лица. Законодатель в ст. 110 УК РФ предоставил определенный перечень способов доведения до самоубийства: угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства. В ходе проведения исследования была проанализирована судебная статистика по уголовным делам, предусмотренного ст. 110 УК РФ, а также было изучено 54 приговора, вынесенных в 2010–2020 годах за доведение до самоубийства.

Масштаб домашнего насилия оказался крайне высоким. Исследование судебных решений показало, что в 87% случаев потерпевший и виновное лицо состояли в родственных отношениях. Доведение до самоубийства, как правило, совершается мужчинами (92%), а их жертвами становятся близкие родственники, проживающие совместно и ведущие общую хозяйственную деятельность (супруга/сожительница, родители пожилого возраста, дети). Рассматриваемые преступления преимущественно совершаются лицами зрелого возраста (25–49 лет), на долю 1. Обзор о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 году.

По данным нашего исследования, самой криминогенной является возрастная

группа 30–49 лет, которой совершено 32% указанных преступлений, а также возрастные группы 18–24 лет (32%). За ними следуют возрастная группа 25–29 лет (25%); 50 лет и старше (по 6% преступлений); несовершеннолетние – 5%. Чаще всего потерпевшими от доведения до самоубийства являются жены (сожительницы) (58%), несовершеннолетние дети (17%), родители (12%), мужья (сожители) (2%), а также иные знакомые (11%). Необходимо обратить внимание на то, что высокой степенью виктимности характеризуются несовершеннолетние дети. Так, каждое шестое преступление было совершено в отношении несовершеннолетних членов семьи. Среди наиболее распространенных причин доведения до самоубийств являются длительные конфликтные семейные ситуации, которые приводят к осознанию ситуации как безысходной. Поводом к совершению самоубийства нередко является преступное, аморальное поведение виновного лица.

Так семейные конфликты сопровождаются физическим и психическим насилием над потерпевшим, зачастую насилие длится годами. Подавляющее большинство (87%) преступлений данной группы совершено в ходе жестокого обращения в семье и систематического унижения человеческого достоинства, 10% случаев самоубийств совершалась под угрозами, в большей степени связанными с вымогательством денежных средств и иных материальных ценностей. По своему содержанию угрозы различны и могут быть направлены на: 1) причинение смерти или вреда здоровью; 2) распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, в том числе разглашение сведений, порочащих честь и достоинство лица; 3) развод, алименты, раздел имущества при разводе, лишение родительских прав, права ребенка и ряд других тематик по семейным спорам; 4) лишение средств к существованию; 5) уничтожение или повреждение чужого имущества и др.

В составе доведения до самоубийства угрозы не подкрепляются выдвиганием каких-либо конкретных требований со стороны виновного (например, передачи имущества, вступления в сексуальные

отношения и т. д.); в противном случае содеянное подлежит квалификации по иным статьям УК РФ в соответствии с направленностью умысла (например, вымогательство, изнасилование и т. д.) [3, с. 401]. Так, например, с 2014 по 2018 год гражданин Д. угрожал своей супруге применением насилия, запрещал пользоваться мобильным телефоном, социальными сетями, ограничивал супругу в социальных связях, контактах с родственниками и знакомыми, запрещал самостоятельно выбирать для себя одежду, пользоваться косметикой, ходить куда-либо по своим делам без разрешения. Гражданин Д. своими действиями причинял потерпевшей психические страдания, формировал в ней постоянное чувство подчинения, депрессии и психологически подавленного состояния, в результате чего довел свою супругу до самоубийства 1. При этом, как справедливо уточнял М. Д. Шаргородский: «...если самоубийство явилось результатом законных действий обвиняемого, то даже при наличии причинной связи и заведомости уголовная ответственность не может иметь места; так, нельзя привлечь к уголовной ответственности начальника, законно уволившего сотрудника, или мужа, разошедшегося с женой, если они даже были предупреждены, что сотрудник или жена намерены покончить с собой, и все же не отказались от своих действий» [4, с. 41].

Согласно статье 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления 2. Стоит отметить, что обязательным признаком объективной стороны «Доведения до самоубийства» является самоубийство, то есть причинение смерти самому себе или покушение на самоубийство потерпевшего. Только с этого момента преступление признается оконченным. В большинстве случаев данные преступления совершаются в ночное время. Так, 34% указанных преступлений были совершены в ночное время с 22 часов до 04 часов. На вечернее время с 16 часов до 22 часов приходится 26%. В дневное время с 10 часов до 16 часов – 15% и на утреннее время с 04 часов до 10 часов приходится 10% случаев само-

убийства. Таким образом, «пик» самоубийств приходится на вечернее и ночное время. По данным нашего исследования, 82% самоубийств совершается по месту жительства потерпевшего: в квартире – 50% и 32% – в частных домах; 9% – в хозяйственных постройках, прилегающих к дому (гаражи, бани, сараи); 7% – на улице, в парке и 2% самоубийств совершается по месту работы или учебы потерпевшего.

Наиболее распространенными способами совершения самоубийства являются повешение, вскрытие вен с использованием острых, режущих предметов и отравление лекарственными препаратами. Так в результате исследования было установлено, что в 43% случаев потерпевший совершал суицид путем повешения, 22% – путем отравления лекарственными препаратами, в 15% случаев применялись острые предметы, в том числе кухонный нож, лезвие, в 9% – падение с большой высоты и в 2% случаев применялось огнестрельное оружие. Таким образом, несмотря на значительные демографические, социальные, экономические и иные потери, в России до сих пор не уделяется должного внимания профилактике самоубийств в целом и доведению до самоубийства в частности. Причинение смерти самому себе – это крайне сложный вопрос, и

поэтому их предупреждение требует ряд комплексных мер всех субъектов профилактики, включая правоохранительные органы, органы здравоохранения, образования и органы местного самоуправления. Участие по предупреждению должны принимать не только государственные органы, но и активное гражданское общество, СМИ, бизнес, наука и др. Основными мероприятиями по предупреждению «доведения самоубийств» являются, во-первых, своевременная регистрация и выявление фактов домашнего насилия, привлечение виновных лиц к ответственности. Во-вторых, это регулярный мониторинг самоубийств надзорными и контролирующими органами. Повышение эффективности мониторинга и контроля самоубийств и доведение до самоубийства будет способствовать принятию более эффективных мер профилактики. В-третьих, необходимо ограничить доступ к средствам совершения самоубийства, а также проводить разъяснительные работы по вопросам, связанным со случаями самоубийств. В-четвертых, развивать у граждан жизненные навыки, позволяющие им справляться со стрессовыми ситуациями. В-пятых, раннее выявление лиц, подверженных риску совершения самоубийства, оказание им помощи и последующее наблюдение.

Библиографический список

1. Аминов И. Самоубийства и их профилактика в России, 2018 год: основные факты // Демоскоп Weekly. 2019. № 823-824. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (дата обращения: 03.03.2020).
2. Валяев Ю. Родственные отношения – дело государственной важности // Полиция России. 2019. № 5. С. 10–14.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 томах. Том 1 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 792 с.
4. Смертность от внешних причин в России с середины XX века: монография / А.Г. Вишневский, С. Васин, Е. Кваша [и др.]; под научной редакцией А.Г. Вишневского. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 447 с.
5. Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 434 с.

УДК 343.8

Д. Л. Никишин, Д. О. Орешкова

Институт Академии ФСИН России, Рязань, e-mail: fuf62@mail.ru

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЮРИДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; несовершеннолетний преступник; учреждения, исполняющие наказание; воспитательные колонии для несовершеннолетних – (ВК); места лишения свободы; исполнение наказания; отбывание наказания; лишение свободы; законодательные и правоприменительные меры; Уголовный кодекс; уголовно-правовая категория; субъект преступления; состав преступления; предмет преступления; признаки преступления.

Статья посвящена актуальным проблемам в сфере исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Авторами рассматриваются особенности деятельности воспитательных колоний как специализированных исправительных учреждений закрытого типа для содержания лиц, осужденных к лишению свободы и не достигших к моменту вынесения обвинительного приговора восемнадцатилетнего возраста. В статье приводятся статистические данные, иллюстрирующие особенности преступности несовершеннолетних, проанализировав которые, автор рассматривает возможные пути развития затронутой проблемы. Цель исследования заключается в определении особенностей исполнения и отбывания наказания в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы; анализе особенностей деятельности воспитательных колоний; анализе статистических данных; поиске возможных путей развития рассматриваемой проблемы. Объектом представленной статьи являются общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением правового положения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. При написании статьи использовались социологические, статистические и другие методы исследования. Необходимо отметить, что современные воспитательные колонии представляют собой важный социальный институт, где на законодательном уровне построена система социализации личности и реабилитации осужденных. Проблема социальной адаптации несовершеннолетних лиц, освобождающихся из мест лишения свободы – это государственная задача, и она не может быть успешно решена без четкого взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества. Для этого, как представляется, необходима консолидация всех сил общества и выработка соответствующей правовой базы, предусматривающей регулирование вопросов их взаимодействия на законодательном уровне.

D. L. Nikishin, D. O. Oreshkova

Institute of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, e-mail: fuf62@mail.ru

DISTINCTIVE LEGAL AND SOCIAL FEATURES OF EXECUTION AND SENTENCE WITH RESPECT TO JUVENILE OFFENDERS CONDEMNED TO DETENTION

Keywords: juvenile delinquency; juvenile offender; penal institutions; educational colony for juvenile; prison; execution of punishment; enduring the punishment; imprisonment; legislative and enforcement measures; Criminal Code; criminal law category; subject of crime; corpus delicti; object of crime; the elements of crime.

The article is devoted to topical problems in the sphere of execution and serving of sentences in the form of imprisonment in relation to minors. The author examines the peculiarities of the activity of educational colonies as specialized closed-type correctional institutions for the maintenance of persons sentenced to imprisonment and who have not reached the age of eighteen by the time of the conviction. The article provides statistical data illustrating the features of juvenile delinquency, having analyzed which, the author considers the possible ways of developing the problem raised. The purpose of the study is to determine the characteristics of the execution and serving of sentences in relation to minors sentenced to imprisonment; analysis of the peculiarities of the activity of educational colonies; analysis of statistical data; searching for possible ways of developing the problem under consideration. The object of the presented article is the social relations developing in connection with ensuring the legal status of convicted juveniles serving sentences in educational colonies. When writing the article, sociological, statistical and other research methods were used. It should be noted that modern educational colonies are an important social institution, where a system of personal socialization and rehabilitation of convicts is built at the legislative level. The problem of social adaptation of minors released from places of confinement is a state task, and it cannot be successfully solved without clear interaction between state structures and civil society institutions. For this, it seems, it is necessary to consolidate all the forces of society and develop an appropriate legal framework, providing for the regulation of issues of their interaction at the legislative level.

Введение

Такое феноменальное явление, как преступность несовершеннолетних постоянно вызывает повышенный интерес и со стороны государства, и со стороны большинства членов нашего общества. Обеспокоенность и озабоченность вполне обоснованы ввиду того, что юное поколение является естественным резервом политического, экономического, правового, демографического и иного развития любого социума и демократического государства, а нарушение базовых правовых институтов несовершеннолетними свидетельствует о существующих пробелах в воспитании несовершеннолетних, отсутствии должных предпосылок и условий для гармоничного включения молодых граждан России в нормальную и поступательную жизнедеятельность общества.

Цель исследования заключается в определении особенностей исполнения и отбывания наказания в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы; анализе особенностей деятельности воспитательных колоний; анализе статистических данных; поиске возможных путей развития рассматриваемой проблемы.

Материал и методы исследования

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением правового положения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях.

При написании статьи использовались социологические, статистические и другие методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Определённая распространённость разного рода уголовных правонарушений среди несовершеннолетних, их отличительные качественные и количественные характеристики расцениваются и теоретиками-криминалистами, и правоприменителями как прогностические для всего состояния преступности в целом. Наверное, ни для кого не секрет, что предупреждение и профилактика преступности среди несовершеннолетних рассматривается как важнейший

аспект в масштабах как российского, так и мирового сообщества. Не является секретом и то, что за последние годы наметилась ужасающая тенденция серьёзного омоложения лиц, совершивших преступления и отбывающих реальное наказание в местах лишения свободы. Очень чёткое подтверждение этого явления отражается в результатах специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в 2019 году. Показатели свидетельствуют о том, что из общего числа несовершеннолетних осужденных около двух третей несовершеннолетних, совершивших преступления в 2019 г. – это лица в возрасте 16–17 лет (63,7%). Необходимо отметить, что каждый девятый несовершеннолетний в России совершает преступление в состоянии алкогольного опьянения. Так, в 2017 г. этот показатель составил 12,6%; в 2018 г. – 11,8%; в 2019 г. – 11,6% [1]. Приведённые «кричащие» статистические данные не могут не беспокоить гражданское общество и государственные органы власти, и требуют принятия незамедлительных, соответствующих, адекватных законодательных и правоприменительных мер: это уже не «звоночек», а «набат»!

В государственной системе учреждений, исполняющих наказания, воспитательные колонии – (далее ВК) занимают особое место, так как определяющим фактором деятельности этих мест лишения свободы является то, что в них содержатся несовершеннолетние лица, для исправления которых международно-правовые акты и национальное законодательство требуют создания специфических, отличных от содержания совершеннолетних осуждённых, условий [2].

По состоянию на 21 мая 2020 г., в ведении ФСИН России функционируют 23 воспитательных колонии, расположенные в 23 субъектах Российской Федерации. Из них 21 – для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и 2 (в Белгородской и Томской областях) – для содержания несовершеннолетних женского пола, в которых в общей сложности отбывают наказание 1182 человека) [3].

Институт исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении данной категории осуждённых представляет

собой в высшей степени актуальную проблему в самых различных областях науки, таких, как юриспруденция, педагогика, психология, социология, психиатрия.

Ключевым ядром исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осуждённых непосредственно является структура, содержание, правовое регулирование и организация деятельности ВК для указанных лиц, а также всех их структурных звеньев при реализации пенитенциарной деятельности. В силу своего раннего возраста, лица в возрасте 14-17 лет, совершившие преступления, специфически оценивают и мировоззренчески иначе анализируют своим деяния, рассматривая саму степень общественной опасности и тяжесть совершённого уголовного правонарушения. Исходя из этого, многие несовершеннолетние преступники, а по сути своей ещё дети с неокрепшей и не до конца сформировавшейся психологией социальных отношений и личной психикой неоднозначно воспринимают и наказание в виде лишения свободы, что является для данной категории осуждённых «высшим» видом наказания. Взрослым лицам, совершившим преступление, проще воспринять уголовное наказание, чем несовершеннолетнему правонарушителю, исходя из вышеуказанных признаков не до конца сформировавшейся личности. Статистическими данными подтверждается тот факт, что число попыток суицидов и самих самоубийств в местах лишения свободы среди несовершеннолетних разительно превышает подобное число фактов среди совершеннолетних преступников.

При реализации воспитательно-исправительного процесса в отношении несовершеннолетних осуждённых, состоящего из воспитательной работы, общего и профессионального образования, социально-полезного труда, изучение и тщательный учет психолого-педагогических особенностей категорий лиц, преступивших уголовный закон, обязательны, оправданы и необходимы.

Организация не только исправительной, но и в первую очередь, надлежащей воспитательной деятельности образовательного учреждения в условиях исполнения уголовных наказаний в ВК позволили бы дать молодым людям общее

среднее образование, специальности и профессии, востребованные на рынке современного труда, что, безусловно, способствовало бы их ресоциализации после освобождения.

В ходе состоявшейся в сентябре 2009 года московской Всероссийской научно-практической конференции учеными, практическими сотрудниками пенитенциарных учреждений, представителями общественных организаций были определены приоритетные задачи по дальнейшей гуманизации отечественной системы исполнения уголовных наказаний, повышению ее возможностей в достижении целей исправления осуждённых, а также предупреждению совершения ими новых преступлений. Большой комплекс выработанных и предложенных мероприятий нашел свое прямое отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция развития УИС РФ), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р [4].

В соответствии с данной Концепцией несовершеннолетние осуждённые к лишению свободы в перспективе должны отбывать наказание в ИУ нового типа – в воспитательных центрах [5]. Предполагается, что при центрах обязательно будут функционировать социально-реабилитационные секции для воспитанников, готовящихся к освобождению от отбывания наказания. Подобного рода условия можно назвать естественными, так как они позволят стимулировать законопослушное поведение лиц, находящихся в местах лишения свободы, акцентировать исправительно-воспитательный процесс на индивидуализацию наказания, тем самым социально адаптировать несовершеннолетних к условиям социально-бытового, трудового и иных аспектов общежития после освобождения из мест лишения свободы, то есть при постпенитенциарной жизни в обществе.

Эффективно и качественно можно решать закреплённые в Концепции задачи в ВК лишь при реальных, объективных условиях наличия достоверных данных о структуре, динамике, детерминантах преступности несовершеннолетних, её прогнозе на ближайшую и среднесроч-

ную перспективу. Также необходимы достоверные сведения о социально-демографической, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной характеристике воспитанников, прибывающих в ВК и уже отбывающих наказание в виде лишения свободы в ещё плохо реформированных учреждениях, для этой категории осуждённых.

При проведении сравнительного анализа статистических данных, полученных в ходе специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, следующим образом характеризовались основные черты несовершеннолетних преступников.

Удельный вес преступности несовершеннолетних в Российской Федерации равен порядка 13%, что в 2,7 раза больше удельного веса подростков в структуре населения страны. При этом среднесписочная численность контингента, отбывающего наказание в виде лишения свободы в ИК, ВК, сизо и тюрьмах за период с 2011 по 2019 г, составила (в тыс.):

ГОДЫ	ИК	СИЗО и ТЮРЬМЫ	ВК	в % соотнош.
2011	695	121	40	←13,25%
2012	640	113	30	←14,4%
2013	585	115	23	←11,7%
2014	560	115	20	←10,1%
2015	551	123	20	←10,1%
2016	525	114	20	←10%
2017	519	109	17	←8,5%
2018	495	106	14	←8,25%
2019	489	104	14	←7,85%

Коэффициент же преступности во всех местах лишения свободы на одну тысячу человек равен 1,4, а в ВК чуть выше – 1,6.

Общее количество зарегистрированных преступлений в местах лишения свободы для взрослых преступников за 2011–2019 гг. по сравнению с предыдущим периодом (2001-2010 г.г.) сократилось на 4,6 %, а уровень преступности – на 3,1 %. Количество тяжких и особо тяжких преступлений против личности уменьшилось на 2,5 % [6].

Необходимо отметить, что в России за 10 лет подростковая преступность сократилась почти в три раза. Так, с января по сентябрь 2020 года органами правопорядка было выявлено 29 тысяч 397 несовершеннолетних правонарушите-

лей. В свою очередь, десять лет назад эта цифра за аналогичный период составляла 84 тысячи 98 человек, пишет News.ru [7].

Вместе с тем, эти показатели, вероятнее всего, не отражают истинного положения дел с преступностью в ВК, они далеко не оптимистичны. Нет данных о латентности. Среди осуждённых несовершеннолетних лиц достаточно высок уровень заболеваний, передающихся половым путем (он превышает общероссийский показатель в несколько раз), часто выявляются больные алкоголизмом и наркоманией, встречаются и больные туберкулезом, а отдельные подростки имеют дефицит веса в различных стадиях. Более чем у трети несовершеннолетних осужденных отмечены различные отклонения в психике.

Говоря о социально-демографической характеристике несовершеннолетних преступников, следует отметить, что их семейное положение характеризуется следующими признаками: около 40% подростков воспитывались в неполной

семье, более 12% – в детском доме; отсутствие должных семейных связей подтверждается тем, что порядка 34% несовершеннолетних не изъявили желания воспользоваться представленным им правом на телефонный разговор в период отбывания наказания. Около 70% подростков при проведении анкетирования отметили, что отношения с родителями у них были конфликтными [8].

Анализируя уголовно-правовую характеристику несовершеннолетних лиц, приходится констатировать, что она даёт ярко выраженное представление об определённых индивидуальных чертах личности, которые способствовали их моральной деградации, сподвигнувшей стать на преступный путь, так же она включает в себя целый ряд отличитель-

ных качеств, свойств и признаков, связанных с квалификацией совершенного ими преступления, наличием судимостей в прошлом, вида и срока назначенного судом наказания. Вся совокупность собранных особенностей той или иной личности, крайне необходима воспитателю в его профессиональной деятельности, так как она показывает характер тех дефектов, которые нуждаются в исправлении и корректировке, начиная с первых дней пребывания подростка в ВК, а это, в свою очередь, предопределяет и может в определённой степени служить прогнозом поведения осуждённого.

Преобладающие составы преступлений, совершенные несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы, распределяются следующим образом:

- преступления против собственности (кражи, мошенничества, грабежи, разбой, вымогательства, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения) – более 70%;

- преступления против личности – около 13% (убийства, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, поби, истязания, изнасилования);

- деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ – около 11% (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, пересылка и другие действия);

- преступления против общественной безопасности и порядка – более 4% (хулиганство, хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств);

- иные преступления – около 2% [6].

Исходя из вышеуказанной статистики, наглядно видно, что около 80% несовершеннолетних осужденных лиц отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Следует отметить, что преобладающая часть из них уже ранее осуждалась условно.

Мотивационный характер и преступная целеустремлённость несовершеннолетних осуждённых специфически выражены в виде таких проявлений преступной направленности как: хищения около 25%; совершили преступления из-за неприязненных отношений с потерпевшим – около 10%; вследствие ху-

лиганских побуждений – более 8%; из мести – около 6%; совершили преступление под влиянием старших по возрасту лиц, в том числе ранее судимых более 4%; имели иной мотив – около 7% [9].

Проводя краткий анализ уголовно-исполнительной производной характеристике несовершеннолетних лиц, необходимо отметить, что в специальной литературе и правоприменительной деятельности пенитенциарных учреждений её называют исправительной. Принято выделять организацию процесса производственной (трудовой) адаптации психологического отношения несовершеннолетнего к труду, учебе, воспитательному процессу, реализации коммуникативных социально-адаптированных связей и т.д. Можно предположить, что перед пенитенциарной системой РФ в части ВК, стоит глобальная задача не только исполнить законно назначенное виновному наказание, но при этом оказать всестороннюю педагогическую, социально-психологическую, медицинскую, правовую и любую иную помощь.

Определяя исключительность и особый характер правового регулирования порядка назначения и исполнения наказания в отношении несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, правомерно резюмировать тот факт, что последние десятилетия для России оказались сложными, противоречивыми и крайне нестабильными в самых различных общественных отношениях, что, естественно, также наложило свой отпечаток на деятельность воспитательных колоний. В ряде ВК нередко происходили как одиночные, так и групповые нарушения режима отбывания наказания, резко снизился уровень образовательного процесса, сократилось промышленное производство с обязательным привлечением несовершеннолетних к трудовой деятельности. Эти негативные процессы явились «лакомой булавой» на отражение всех процессов, происходящих в нашем обществе.

По ряду объективных факторов, таких, как социальная незрелость, психофизиологические возрастные особенности и т.д., несовершеннолетние преступники нуждаются в специфическом внимании со стороны как государственных, так и общественных институтов, ввиду

того, что эта категория лиц, как правило, склонна к отклоняющемуся, аномальному, маргинальному поведению и, как итог, к совершению повторных правонарушений и преступлений в процессе отбывания наказания и после, находясь на свободе.

На сегодняшний день для нормального функционирования ВК создана определённая соответствующая нормативно-правовая основа, которая, безусловно, не статична и постоянно изменяется и дополняется в соответствии с прогрессивными изменениями в правовых и общественных сторонах жизни социума.

Вся специфическая деятельность ВК регламентируется не только общими для УИС РФ правовыми актами, но и приказами и инструкциями, непосредственно отражающими только реализацию задач и целей в ВК. К ним можно отнести приказы об организации воспитательной работы с осужденными; об организации получения общего образования в школах ВК; об организации охраны и надзора за осужденными в ВК и др., что обусловлено исключительной особенностью работы с несовершеннолетними лицами.

При подготовке нормативно-правовой базы разработчики и правоприменители в обязательном порядке учитывают международные нормы, стандарты, принципы и рекомендации применительно к обращению с несовершеннолетними, лишёнными свободы, отраженные в Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.), Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.), Минимальных стандартных правилах обращения с заключёнными (утверждены ООН 30 августа 1955 г.).

В ВК объединяются наиболее социально дезадаптированные несовершеннолетние лица с достаточно высокой степенью агрессивности [5].

По данным судебной статистики, к реальному лишению свободы осуждается чуть более четвертой части несовершеннолетних преступников. Суды объективно не всегда реализуют к ним самое суровое и тяжёлое наказание, при-

бегая сначала к условному осуждению к лишению свободы или другим видам наказания (ст. ст. 88, 89 УК РФ). Особенно это касается несовершеннолетних осужденных лиц женского пола, среди которых к лишению свободы осуждается около 20 %.

Осужденные несовершеннолетние к лишению свободы характеризуются специфическим, особым правовым статусом. Исключительная особенность их жизни в воспитательном учреждении проявляется, прежде всего, в том, что морально-нравственные устои и традиции, сложившиеся в обществе, превращаются в нормы права. Статья 132 УИК РФ законодательно закрепила в ВК обычные, облегченные, льготные и строгие условия отбывания наказания.

В обычных условиях отбывают наказание лица, поступившие в ВК, кроме ранее отбывавших лишение свободы и осужденных за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания, а также лица, переведенные из облегченных, льготных или строгих условий отбывания наказания. Это наиболее многочисленная категория несовершеннолетних осужденных.

Законодательством закреплено, что при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду и учебе осужденные лица могут быть переведены из обычных условий отбывания наказания в облегченные.

Перевод осужденного из одних условий отбывания наказания в другие производится руководителем ВК по представлению учебно-воспитательного органа учреждения, кроме перевода из обычных условий в облегченные, который осуществляется после принятия решения об этом советом воспитателей отряда.

Данное перемещение лица из одних условий в другие при лишении свободы включает его в новые для него социальные процессы и различные виды социальной деятельности [10].

Льготные условия отбывания наказания законодатель предусмотрел для осужденных, готовящихся к освобождению. Эти лица имеют право проживать за пределами ВК в реабилитационном центре (участке) без охраны, но под надзором администрации.

В строгих условиях содержатся лица, осужденные за умышленные преступления, совершенные в период отбывания лишения свободы и ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, а также признанные злостными нарушителями режима содержания и переведенные из обычных и облегченных условий.

Водворение несовершеннолетних осужденных в ВК ограничивает их во многих общественных отношениях. Как правило, они не имеют права выбирать вид трудовой деятельности, досуговые и иные отношения, свободу передвижения, негативно сказывается на их семейных и иных социальных отношениях. Эта категория несовершеннолетних граждан ограничивается в приобретении продуктов питания, промышленных товаров и предметов первой необходимости, возможностях свободного отдыха, занятиях определённым видом творчества и спорта и т.д.. Они законодательно могут подвергаться обыску, их корреспонденция и посылки обязательной цензуре и досмотру. Все ограничения оказывают определённые формирующие личностные морально-волевые и психолого-психические качества осуждённого, и не всегда имеют положительный эффект. Лишение свободы, как правило, производит сильное эмоциональное воздействие как на самих несовершеннолетних, в отношении которых эти меры применены, так и на их родных, близких, друзей и знакомых. Данные факторы заставляют всех, хотя и в разной степени, испытывать самые различные чувства: страдания, сопереживания, горя, стыда, раскаяния, и ввиду этого служат колоссальными превентивными мерами, как общего, так и частного характера.

Необходимо подчеркнуть, что сами условия отбывания наказания в ВК всегда были более мягкими по сравнению условиями в учреждениях, где отбывают наказание совершеннолетние осужденные. Это выражается не только в улучшенных условиях быта, обучения, питания, медицинского обеспечения, организации физкультурной и культурно-воспитательной работы, труда, но и в системе стимулирования (в том числе применении мер поощрения и взыскания), организационно-управленческих

аспектах всего уклада жизни осужденных, деятельности администрации [9].

Первостепенными задачами воспитательно-исправительной работы в отношении несовершеннолетних осужденных являются: оказание психологической помощи осужденным в период адаптации к новым условиям жизни; формирование индивидуальной (во всех аспектах) готовности к восприятию воспитательного воздействия; формирование основ дальнейшей перспективы и подготовка к освобождению из колонии и т.д.

По нашему мнению, далеко не все указанные выше моменты проблемного характера могут иметь реальную перспективу своего разрешения, поскольку требуют высокого профессионализма и опыта сотрудников ВК, а также колоссальные материальные вложения в систему УИС РФ. Но в рамках реформирования всей УИС РФ предполагается осуществить преобразование ВК в воспитательные центры, что не без оснований, должно только лишь положительно отразиться на несовершеннолетних осужденных. А исходя из этого, так важен и ценен накопленный объективный опыт практических работников в тандеме с огромными имеющимися достижениями в области педагогики, психологии, изучения международных стандартов и правил обращения с несовершеннолетними правонарушителями, что, безусловно, позволит положительно и динамично совершенствовать работу и развивать систему воспитательных учреждений для несовершеннолетних.

К числу основных средств исправления несовершеннолетних лиц, прежде всего, следует отнести режим отбывания наказания, так как именно там отражено само содержание наказания в виде лишения свободы в отношении данной категории осуждённых, а его безоговорочное соблюдение в воспитательной колонии — обязательно.

Базисные требования режима в выражение самой правовой природы наказания и его конкретного вида, лишения свободы, раскрываются и находят юридическое оформление в соответствующих нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В этих постулатах чётко и однозначно регламентируется объёмный комплекс право-

ограничений, касающихся отбываемого наказания, в частности, лишения свободы, и отражающих соответствующую наказанию, в том числе названного вида – кару, как меру государственного принуждения претерпевать определённые лишения. Преследуемая государством цель – осознание осуждённым лицом сложных, мучительных, а, возможно, и тяжких моральных, психологических, физических, социальных и иных переживаний для его дальнейшего отказа противопоставлять себя обществу и закону.

Обуславливая наказание и при этом, являясь одним из главных средств исправления несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, режим, вероятнее всего, в своём принудительном порядке обязывает данных лиц строго выполнять обязательные, предписанные правила поведения, регламентируя труд, отдых, учебу, досуг и сам институт перевоспитания.

Базисная роль режима как фактора, обуславливающего осуществление всего комплекса мер воспитательного характера на несовершеннолетних преступников путём применения основных средств исправления к данной возрастной категории осужденных преследует главную, стратегическую цель – исправление несовершеннолетнего осужденного лица, и возвращения его, после отбытия наказания, к общепринятым нормам поведения и жизнедеятельности в социуме.

Как представляется, режим содержания создает те «цементирующие» условия, благодаря которым все остальные средства (общественно полезный труд, воспитательная работа, образование) являются реальными факторами, способами и возможностями проявления воспитательных возможностей во всём объеме.

Общественно полезный труд позиционируется в качестве одного из основных средств исправления осужденных. Для несовершеннолетних осужденных это имеет особое значение, поскольку тот возраст, в котором они поступают в ВК, приходится на период активного формирования основы для их вступления в самостоятельную трудовую жизнь. Большинство несовершеннолетних осужденных до этого не имели профессии, поэтому качественно сформированные трудовые навыки и профессиональное образование, приобретенные в ВК,

помогут им трудоустроиться после освобождения из мест лишения свободы.

В связи с этим представляется целесообразным отметить, что общественно полезный труд несовершеннолетних лиц должен быть дозированно использован в вопросах экономических отношений в государстве, и прежде всего, являться ценнейшим фактором социализации личности, способствовать приобретению социально полезных навыков, специальностей и профессий, которые могли бы и должны послужить самой личности после освобождения из ВК.

В данном случае важным элементом, который составляет процесс трудовой адаптации несовершеннолетних преступников, является привлечение к общественно полезному труду непосредственно в ВК с учетом наличия индивидуальных способностей, умений и трудовых навыков.

Поощрение и поддержание общественно полезных связей осужденных, находящихся в ВК, имеет в высшей степени важное значение не только для их исправления, но и для дальнейшей социальной адаптации после освобождения. В этих целях УИК РФ реализует такие меры поощрения, как отпуска (краткосрочные и длительные), свидания (краткосрочные и длительные, как с проживанием на территории ВК, так и с проживанием вне территории ИУ). Абсолютно точно, что это также является важнейшим фактором сохранения и поддержания социально полезных связей.

Осужденные несовершеннолетние имеют право на получение посылок, передач, бандеролей и денежных переводов. Эффективным средством поддержания социально полезных связей несовершеннолетних лиц являются телефонные переговоры с родными и близкими. Рассмотренные актуальные проблемы применения основных средств исправления несовершеннолетних правонарушителей отражены в «Национальной стратегии действий в отношении детей на 2012–2017 годы», утвержденной Указом Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761, где раздел VI назван «Меры, направленные на улучшение положения несовершеннолетних в период нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы и в постпенитенциарный период».

В подростковом возрасте одним из главных институтов социализации личности является общеобразовательная школа, а учеба в ней - важнейшим видом трудовой и умственной деятельности. Получение образования – это не только конституционное право, но и одно из действенных средств исправления осужденных. В ВК возможно получение среднего (полного) общего образования, для этого при них функционируют вечерние общеобразовательные школы [11].

Получение среднего (полного) общего образования осужденными поощряется и учитывается при определении степени их исправления, применении к ним мер поощрения. Администрации ВК должны оказывать необходимое содействие осужденным, желающим получить заочное среднее или высшее профессиональное образование. Достаточно широкие возможности для этого четко определены в Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Исходя из этого, одной из приоритетных задач, стоящих перед ВК, является приобщение несовершеннолетних осужденных, выпавших в свое время из сферы влияния учебных заведений, к получению ими общего и профессионального образования.

Заключение

Проведённый краткий анализ деятельности ВК показывает, что существует очевидная необходимость концентрации внимания на применении активных методов работы с несовершеннолетними осужденными, направленных на вовлечение их во все сферы воспитания и исправления. Кроме того, важен поиск нестандартных подходов к укреплению семейных и социально полезных связей, социальной адаптации подростков как

обязательного и благотворного условия в процессе подготовки к освобождению и жизнедеятельности в обществе.

Современные ВК представляют собой важный социальный институт, где на законодательном уровне построена система социализации личности и реабилитации осужденных. Лицам, отбывающим наказание в ВК, предоставлено право на получение общего образования, приобретение профессии, охрану здоровья, социальную и правовую защиту, психологическую помощь. Все это сделано для того, чтобы осужденные, отбывшие наказание и освободившись из ВК, смогли адаптироваться к условиям жизни в обществе, достойно выполняя социальные роли человека. Задача ВК не благополучное содержание несовершеннолетних осужденных, а реальная подготовка их к жизни в обществе в постпенитенциарный период [19].

Нет сомнений в том, что требуется реформировать действующие ВК. Потребность в этом назрела давно и вызвана, такими причинами, как: стремление пенитенциарной системы России приблизиться к международным нормам и стандартам, необходимость учета динамики изменений отечественной уголовной и уголовно-исполнительной политики, а также рядом иных обстоятельств и причин.

Проблема социальной адаптации несовершеннолетних лиц, освобождающихся из мест лишения свободы – это государственная задача, и она не может быть успешно решена без четкого взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества. Для этого, как представляется, необходима консолидация всех сил общества и выработка соответствующей правовой базы, предусматривающей регулирование вопросов их взаимодействия на законодательном уровне.

Библиографический список

1. Деятельность воспитательных колоний [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2020).
2. Лосева С.Н., Дроздова Е.А. О воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными в воспитательной колонии // Закон и право. 2019. №7. С. 80-82.
3. В Университете прокуратуры Российской Федерации разработана криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1828306> (дата обращения: 29.09.2020).
4. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г.

5. Колесова И.Н. Профилактика аутоагрессивного поведения несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 11. С. 23–27.
6. Преступность по данным Росстат. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost>
7. Подростковая преступность в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru>
8. Шуняева В.А. Социально-демографические признаки личности несовершеннолетнего преступника: особенности современного состояния // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 1. С. 136.
9. Титова А.И. Личность несовершеннолетнего преступника // Молодой ученый. 2018. № 38 (224). С. 162-163.
10. Тарыкин В.К., Шатанкова Е.Н. Проблемы и тенденции реформирования воспитательных колоний в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №3. С. 160-163.
11. Карапчук В. А. Школа и колония // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 7. С. 16–17.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2019. 336 с.
13. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2020. 155 с.
14. Радочина Т.Н. Особенности личности несовершеннолетнего, осужденного к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 46-48.
15. Павлов Д. А. Условное осуждение несовершеннолетних в законодательстве России и государств-участников СНГ (законодательное регулирование и организация реализации). Владимир, 2006.
16. Сосновская Е.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 138-141.
17. Анпилов Р.О. Учет личности несовершеннолетнего при назначении наказания // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 280-282.
18. Астапчик И.В. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним // Молодой ученый. 2019. № 27 (265).
19. Полянская Е.А. Некоторые проблемы, возникающие при осуществлении ресоциализации осужденных несовершеннолетних в процессе исполнения наказания // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: материалы межвузовской научной студенческой конференции. 2019. С. 298-301.

УДК 343.1

Л. А. Спектор, Р. Д. Жмурко

Институт Сферы Обслуживания и Предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
Шахты, e-mail: Shpigunova96@mail.ru

РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РИСКОВ НА СТАДИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: право, федеральный закон, головное судопроизводство, судебный эксперт, внутреннее убеждение, заключение эксперта, разъяснения эксперта, специальное исследование, заключение, риск, закон, арендодатель, недвижимость, договор.

В данной статье авторами будут рассмотрены некоторые возможности распределения рисков на стадии заключения договора на примере договора аренды нежилого помещения. В ГК РФ статус нежилых помещений как самостоятельных объектов гражданских прав не нашел своего закрепления. Нет единого мнения и среди отечественных ученых-цивилистов по вопросу соответствия нежилых помещений перечисленным в ГК РФ признакам недвижимости. Помимо общего указания на то, что жилое помещение может быть в установленном порядке переведено в разряд нежилых (п. 3 ст. 288 ГК РФ), ни в главах, посвященных конкретным договором, ни в статье 130 ГК РФ, где дается определение недвижимости, нежилое помещение как объект недвижимости не упоминается.

L. A. Spector, R. D. Zhmurko

Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of DGTU in Shakhty, Shakhty,
e-mail: Shpigunova96@mail.ru

RISK DISTRIBUTION AT THE STAGE OF CONCLUSION OF THE CONTRACT ON THE EXAMPLE OF A NON-RESIDENTIAL PREMISES LEASE AGREEMENT

Keywords: law, Federal law, criminal proceedings, judicial expert, internal conviction, expert opinion, expert explanations, special research, conclusion, risk, law, landlord, real estate, contract.

In this article, the authors will consider some of the possibilities of risk distribution at the stage of concluding a contract on the example of a non-residential premises lease agreement. In the civil code of the Russian Federation, the status of non-residential premises as independent objects of civil rights has not found its consolidation. There is no consensus among domestic civil scientists on the issue of compliance of non-residential premises listed in the civil code of the Russian Federation to the characteristics of real estate. In addition to the General indication that the residential premises can be transferred to the category of non-residential in accordance with the established procedure (item 3 of art. 288 of the civil code), nor in the chapters on the specific agreement or in article 130 of the civil code, where the definition of estate, non-residential premises as the property is not mentioned.

Юридическая категория «риск» является одной из наиболее дискуссионных. Связано это с тем, что категория риска чрезвычайно многогранна, многоаспектна, и используется как в повседневном общении, так и понятийном аппарате различных наук. Вместе с тем необходимо отметить, что изучению договорного риска как правовой категории посвящено достаточно много работ. Из них можно отметить работы А.И. Бушева, В.П. Грибанова, О.А. Красавчикова, Я.М. Магазинера, В.А. Ойгензихта, В.В. Ровного, А.А. Собчака, В.М. Танаева, Б.Л. Хаскельберга, Ю.Б. Фогельсона и др.

Вопрос о распределении рисков как одной из форм управления рисками, в рамках договорных обязательственных правоотношений, не получил обстоятельного освещения в специальной, прежде всего юридической, отечественной литературе. О степени научной разработанности темы говорит наличие лишь нескольких работ, тесно связанных с распределением рисков в договорных обязательствах (диссертации Ф.А. Вячеславова и Д.А. Архипова) [4]. В настоящей статье под термином «риск» будем иметь в виду «возможные невыгодные (негативные, отрицательные) послед-

ствия» – определение, наиболее точно отражающее понятие риска в гражданском праве, доработанное и предложенное Ф.А. Вячеславовым в своей диссертации [5].

Распределение рисков сторонами правоотношения может быть отнесено к разновидности самозащиты права – правовой самопомощи, по аналогии с тем как, например, правовое управление рисками по контрактам с иносфирмами через оговорки о сложении, возложение и ином распределении рисков может быть отнесено к тому же способу защиты прав.

Руководствуясь принципом свободы договора, без применения друг к другу государственного принуждения при согласовании условий договора, инициативно, по сравнению с правовым стандартом диспозитивной нормы, с учётом воле обеих сторон, распределяются многообразные, возможные в будущем риски в рамках заключаемого договора.

Диспозитивный метод частного права лежит в основе распределения рисков. Он получил свое выражение в принципе свободы договора (ст. 1 и ст. 421 ГК РФ) [1]. Действуя в своих интересах, стороны вправе самостоятельно устанавливать на основе договора свои гражданские права и обязанности, разделять между собой различные риски [3]. В соответствии с принципом диспозитивности – общим принципом распределения рисков в гражданском праве – субъектам дается вариативная возможность распределить те или иные риски в соответствии со своими интересами. Договор является наиболее совершенным средством такого распределения рисков. Именно в нем получает выражение, достигнутый самими сторонами при согласовании, определенный баланс интересов, в силу чего становится возможным непосредственно заключение договора [7].

Одним из вопросов, непосредственно связанным с распределением рисков субъектами гражданского права являются отношения, получившие наименование документальная проверка. В отечественной цивилистике исследованию данного вопроса уделено особое внимание в работе А. Н. Кучер [6]. Как указывает данный автор, изначально данное понятие обозначало степень долж-

ного усердия при проверке для оценки рисков. В настоящее время концепция документальной проверки «стала использоваться для обозначения действий заинтересованного лица по проверке потенциального контрагента и (или) приобретаемого актива на любом рынке (необязательно на рынке ценных бумаг) и по любой сделке (не обязательно по сделке купли-продажи)».

Следует иметь ввиду, что арендатором по договору аренды нежилого помещения может являться фактически любой субъект права (с соблюдением ограничений по правоспособности и дееспособности). В соответствии со статьей 608 ГК РФ право сдачи имущества в аренду принадлежит его собственнику. Лица, уполномоченные законом или собственником сдавать имущество в аренду, тоже могут выступать в качестве арендодателей. Кроме того, передавать имущество во временное владение и (или) пользование может владелец помещения, не обладающий в момент заключения договора аренды правом собственности на объект аренды [2].

В зависимости от того, на каком праве арендодатель собирается сдавать помещение в аренду, может быть несколько вариантов. Рассмотрим подробнее основные из них:

1. Арендодатель является собственником помещения. В этом случае арендатору следует внимательно проверить тождественность паспортных данных арендодателя с данными в свидетельстве о праве собственности на данное нежилое помещение и с данными в самом договоре. Необходимо заказать и получить выписку из Единого государственного реестра прав на объект договора и сверить данные, указанные в выписке с данными, занесенными в договор аренды, а также проверить другие документы. Отметим, что все описанные в этом пункте действия будет целесообразным выполнить арендатору в любом случае, то есть на каком бы праве арендодатель не передавал помещение, даже если последний не является собственником помещения.

2. Арендодатель является владельцем помещения. Договор аренды заключенный лицом, право собственности на объект аренды которого на момент заключения сделки не было зарегистри-

ровано, не является недействительным на основании статей 168 и 608 ГК РФ, хотя по смыслу последней арендодатель, заключивший договор аренды и принявший на себя обязательство по передаче имущества арендатору во владение и пользование либо только в пользование, должен обладать правом собственности на него в момент передачи имущества арендатору.

Кроме того, применительно к статье 608 ГК РФ договор аренды, заключенный с лицом, которое в момент передачи вещи в аренду являлось законным владельцем вновь созданного им либо переданного ему недвижимого имущества (например, во исполнение договора купли-продажи) и право собственности которого на недвижимое имущество еще не было зарегистрировано в реестре, также не противоречит положениям статьи 608 ГК РФ и не может быть признан недействительным по названному основанию.

В случае, если арендодатель не исполнит свое обязательство во передаче вещи в аренду арендатору, он будет обязан возместить последнему убытки, причиненные нарушением договора.

Однако не рекомендуется заключать договор аренды с владельцем помещения, не обладающим правом собственности, поскольку существует множество различных рисков: от приостановления регистрации права в случае, если у него возникнут сомнения в наличии оснований для этого, в подлинности представленных документов или достоверности указанных в них сведений, а также в случае непредставления документов, до возникновения спора по поводу права и, соответственно, поступления в орган регистрации заявления от правообладателя, любой из сторон по сделке либо уполномоченного им или ими на то лиц, в результате чего регистрационные действия будут приостановлены.

3. Арендодатель является представителем собственника (физического лица). В таком случае рекомендуется заключать договор с представителем собственника по доверенности только в случае, если она нотариально удостоверена. Поступив так, арендатор сложит с себя бремя несения последствий материализации

множества различных рисков (например, риск заключения сделки неуполномоченным лицом и др.), поскольку нотариус проверил законность сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение (ст. 163 ГК РФ). К тому же, если арендатор собирается арендовать помещение на срок один год или более, то потребуются государственная регистрация договора.

Доверенность сохраняет силу в течение года со дня ее совершения, если в ней не указан другой разумный срок (п. 1 ст. 186 ГК РФ).

4. Арендодатель является представителем собственника (юридического лица). В таком случае необходимо проверить у лица, имеющего право действовать без доверенности от имени юридического лица – документ, удостоверяющий его личность, учредительные документы юридического лица либо нотариально заверенные копии учредительных документов юридического лица или заверенные лицом, имеющим право действовать без доверенности от имени юридического лица, и печатью юридического лица (при наличии печати) копии этих учредительных документов, а у представителя юридического лица, кроме того, документ, подтверждающий его полномочия действовать от имени юридического лица; все документы будут необходимы для выполнения регистрационных действий.

5. Арендодатель собирается сдавать помещение в субаренду (поднаем).

6. Арендодатель передает свои права и обязанности по договору аренды (перенаем).

Необходимо помнить, что в пятом и шестом случаях арендатор действует только с согласия своего арендодателя (условие о том, что арендодатель дает свое согласие арендатору сдавать арендованное им имущество в субаренду (поднаем) и (или) передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем) должно быть формализовано в письменной форме в виде условий договора, приложения или дополнительного соглашения к нему) и то, что договор субаренды может быть заключен на лишь срок, не превышающий срок договора аренды (п. 2 ст. 615 ГК РФ).

Так, в суд обратился предприниматель с жалобой, в которой он просил отменить принятые судебные акты, согласно которым суд признал недействительными договоры аренды и направить дело на новое рассмотрение. Суд установил, что исполком не был уполномочен собственником сдавать имущество в аренду. Таким образом, исполком заключил договоры аренды в нарушение статьи 608 ГК РФ. При таких обстоятельствах суд пришел к правомерному выводу о ничтожности спорных договоров аренды.

При тщательной проверке документов арендатор сложит с себя риск заключения договора аренды с неуправомоченным арендатором. И даже если этот риск по какой-либо причине материализуется (например, если собственник, выдавший доверенность, ее отменил и в нарушение своей обязанности не известил об этом лицо, которому эта доверенность выдана – ст. 188, 189 ГК РФ), то арендатору не составит труда в суде доказать, что он является добросовестным арендатором.

Он не знал и не мог знать об отсутствии у другой стороны правомочий на сдачу имущества в аренду – ст. 302 ГК РФ. В таком случае арендатор сложит с себя риск предъявления к нему собственником помещения иска о взыскании всех доходов за весь период нахождения имущества в незаконном владении. В этом случае, если неуполномоченный арендодатель действовал недобросовестно, арендатор не будет отвечать вместе с ним солидарно перед собственником помещения о взыскании всех доходов, которые арендатор и его арендодатель извлекли или должны были извлечь за весь период нахождения имущества в незаконном владении.

Для добросовестного арендатора в данном случае не будет иметь значения, действовал ли арендодатель добросовестно или нет. Арендатор в любом случае должен будет возместить собственнику только те доходы, которые он извлек или должен был извлечь со времени, когда узнал или должен был узнать о неправомерности сдачи имущества ему в аренду. Также следует знать, что иск арендатора о возврате платежей, уплаченных за время фактического поль-

зования объектом аренды по договору, заключенному с неуправомоченным лицом, удовлетворению не подлежит.

Полагаем, что когда риск от случая по договору несет арендатор, его вероятностные негативные последствия, в случае их материализации, будут заключаться прежде всего в компенсации арендодателю платы за помещение, положенной последнему по договору до окончания срока его действия, но не стоимости объекта аренды. Судебная практика подтверждает возможность подобного распределения риска от случая. Так, по одному из дел истец (арендодатель) обратился в суд с иском о взыскании убытков в виде упущенной выгоды ссылаясь на нарушение ответчиком (арендатором) условий договора, которыми закреплена его обязанность по содержанию и сохранности арендованного помещения, а также на невозможность возвратить объект аренды арендодателю после прекращения договора в связи с гибелью данного имущества.

Упущенную выгоду истец рассчитал исходя из размера арендной платы, которую должен был платить арендатор до окончания действия договора. Суд указал, что «в силу статьи 211 ГК РФ риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник. Иное правило распределения ответственности за ущерб, причиненный арендуемому имуществу, договором от 27.01.2003 не установлено».

Рекомендуется включать в текст договора условие о том, что все риски случайной гибели и случайного повреждения имущества, передаваемого арендатору по договору аренды, и, соответственно, все невыгодные (негативные, неблагоприятные, отрицательные) последствия, которые могут возникнуть в случае материализации рисков случайной гибели и (или) случайного повреждения указанного имущества, несет арендатор.

1. Перед заключением договора аренды нежилого помещения необходимо проверить документы, подтверждающие личность сторон, их правовой статус и полномочия на заключение сделки. Повышенный уровень осмотрительности и инициативности необходимо проявить

арендатору, поскольку он является слабой стороной рассматриваемого правоотношения, несет большее количество разнообразных рисков (предпринимательский риск).

2. При заключении договора необходимо придать формализовать в виде условий договора гарантии относительно существенных обстоятельств, в частности, касательно качеств объекта договора.

Заключение договора аренды нежилого помещения требует достаточно серьезной юридической проработки, которая обеспечит возможность эффективной

защиты прав на случай нарушений одной из сторон. Заключая договор аренды, необходимо предусмотреть возможность материализации различных рисков.

Только специалист может при заключении договора указать сторонам на условия договора, которые могут повлечь для них в дальнейшем большие проблемы, потому что именно исходя из практики разрешения арендных споров можно разработать индивидуальные условия для стороны договора аренды, подходящие именно этому лицу и максимально защищающие его интересы.

Библиографический список

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 28.07.1997, № 30, ст. 3594.
3. Азукаева Б.А. Правовое регулирование договора аренды нежилых помещений: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2017. 22 с.
4. Архипов Д.А. Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 181 с.
5. Вячеславов Ф.А. Распределение рисков в договорных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 214 с.
6. Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. 363 с.
7. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. 544 с.